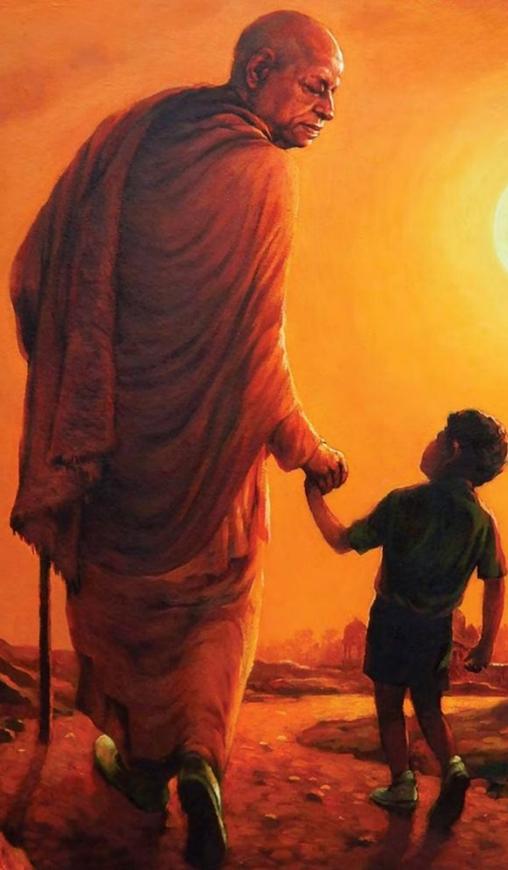

Океан милосердия

Тхакти Чару Свами

Океан милосердия

УСПЕШНЫЕ ПОИСКИ

Бхакти Чару Свами

THE BHAKTIVEDANTA BOOK TRUST
ЛОС-АНДЖЕЛЕС • СТОКГОЛЬМ • МУМБАИ • СИДНЕЙ

Читатели, интересующиеся темой этой книги, приглашаются
Международным обществом Сознания Кришны связаться с
секретарём общества по следующим адресам:

The Bhaktivedanta Book Trust
P. O. Box 341445, Los Angeles, CA 90034, USA
Телефон: +1-800-927-4152 • Факс: +1-310-837-1056
Электронная почта: bbt.usa@krishna.com
сайт: www.krishna.com

The Bhaktivedanta Book Trust
P. O. Box 380, Riverstone, NSW 2765, Australia
Телефон: +61-2-96276306 • Факс: +61-2-96276052
Электронная почта: bbt.wp@krishna.com

Предыдущая печать, 2016 г.: 10 000
Текущий тираж, 2019 г.: 3000
© 2019 Бхактиведанта Бук Траст
Все права защищены
Напечатано в Индии

ISBN: 978-0-89213-533-6

Эта книга посвящена моему прославленному духовному учителю, Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупаде, океану милосердия, пришедшему в этот мир с самым возвышенным посланием из духовного мира, чтобы освободить падшие души этого века ссор и лицемерия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 1

Предисловие 2

Введение

1. В дороге

2. В поисках гуру

3. Нектар преданности

4. Кумбха-мела

5. Со Шрилой Прабхупадой в Маяпуре

6. Бомбей

7. Ришикеш

8. Вриндаван

9. Возвращение домой

Послесловие

Глоссарий

Руководство по произношению санскрита

Предисловие 1

Несомненно, именно любовь является самой могущественной силой в жизни. Из этого следует, что в основе любой религии и подлинной духовности лежит та или иная форма любви, какое-то совершенствование сердца. Автор этой книги делится ранними событиями своей жизни, которые привели его к жизни монаха в традиции *кришна-бхакти* школы вайшнавизма Господа Чайтаньи – той части индуистской традиции, которая сосредоточена на любви и поклонении Вишну, или более конкретно, на любящей преданности, которой учил и которую демонстрировал Шри Чайтанья (1486–1534), средневековое мистическое воплощение Бога, Своим видением сокровенных Божеств Радхи и Кришны.

Конечно, *кришна-бхакти* — это традиция, которая перекликается с библейским выражением Иоанна «Бог есть любовь». Но традиция *кришна-бхакти* развивает это выражение ещё дальше, так как она в конечном итоге утверждает, что «Любовь есть Бог».

Выражение перевернуто, потому что в конечном итоге любовь включает в себя и Бога, и душу — любовь торжествует в обоих этих понятиях. Это традиция, в которой поклоняются личному, сокровенному, высшему Божеству с женским и мужским началом. Даже более того, здесь поклоняются высшему чувству любви (*раса*) более, чем чему-либо иному, то есть высшей силе любви (*йогомайя*),

которой люди обмениваются между собой и в которой олицетворены и Радха, и Кришна одновременно.

Автор этой книги предлагает взглянуть на ключевые события в его ранней семейной жизни в Бенгалии, которая сформировала его отношения с преданными в более позднем возрасте. Наш автор теряет свою мать, а с ней и её любовь, слишком рано, и при этом любовь отца, казалось, всегда была недостижима.

Ещё в юности Бхакти Чару Свами находит новую семью среди преданных монахов и своего общего с ними духовного отца, Его Божественную Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупаду, *ачарья*-основателя Движения Харе Кришна, первой организации по распространению по всему миру принципов, практики и образа жизни *кришна-бхакти*.

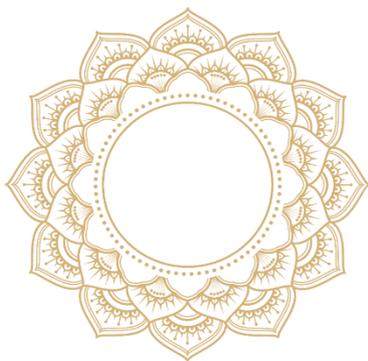
В этой книге рассказывается об отношениях автора со Шрилой Прабхупадой и его духовными братьями в течение последних нескольких лет жизни Прабхупады, до его смерти в ноябре 1977 года. Эта книга также рассказывает, как Прабхупада вёл автора к отречению, к жизни монаха в вайшнавской традиции, в частности, направляя его оставить все мирские обязанности семейной жизни и все прочие связи с женщинами. Но самое главное, здесь описывается, как автор пришёл к смиренной любви и преданности Шриле Прабхупаде, который дал ему жизнь в *кришна-бхакти*, и, таким образом, явил себя поистине "океаном милосердия".

Рассказ Бхакти Чару Свами — свидетельство того, как он открыл для себя неисчерпаемый источник любви, которую он так искал вместо утраченной в ранние годы жизни. Отношения с матерью, родственниками, друзьями, заботливыми духовными братьями и, в конечном итоге, с духовным учителем представляют собой фазы в поиске любви нашим автором. И таким образом, «Успешные поиски» — подходящий подзаголовок для книги под названием «Океан милосердия». Я хотел бы предположить, что автор в конечном итоге придёт к выводу, что этот океан находится в его собственном сердце, и его можно найти, переживая различные виды любви. Этот духовный опыт достигает своей кульминации в чувстве любви к духовному

мастеру, а поиски любви состоят из безграничного числа актов милосердия (*крп̄-синдху*). Пытаясь найти настоящую любовь, автор переходит с одного уровня любовных переживаний на другой, постепенно осознавая, что океан любви всегда был с ним, в его собственной душе.

Хотя Бхакти Чару Свами потерял физическое присутствие своего духовного учителя много лет назад, я прекрасно знаю, что Свами отдал себя и всю свою любовь в роли духовного отца огромному множеству желающих вступить на путь *кришна-бхакти*.

*Грэм М. Швейг, доктор философии. (Гаруда дас)
Автор-переводчик Танца Божественной Любви:
Раса Лила Кришны из Бхагавата Пураны
(Издательство Принстонского университета, 2005)*

Предисловие 2

Океан милосердия — это уникальные мемуары. Нам даётся возможность услышать увлекательную историю, полную трагедий, приключений и благодати, из уст Его Святейшества Бхакти Чару Свами. Она начинается с того, как любящая мать юного индийского мальчика из Калькутты заражается смертельной болезнью и умирает в то время, когда мальчик больше всего нуждается в её любви и заботе. Почти сразу после её смерти его семья превращается из очень богатой в довольно бедную.

Незамедлительно после получения базового образования он покидает свой дом в поисках приключений и друзей. Он жадно верит заманчивым обещаниям Запада, оставив позади Индию, которую считал отсталой страной Третьего мира. Путешествуя по суше и морю в Европу, он нашёл всё, чего так жаждал, и даже больше того. Но на пике его эйфории что-то произошло. Пока он был в Германии, один из его новых американских друзей оскорбил Индию, осудив её за бедность, болезни и социальную атрофию. Впервые в своей жизни юноша испытал любовь к стране своего рождения и слабо попытался защитить достоинство Индии. Он понял, как мало он её знал. Именно тогда он впервые ощутил жгучую жажду познания духовного и культурного богатства своей родины. Прочитав множество книг, он решил покинуть Запад и вернуться в Индию как *садху*, странствующий в Гималаях монах.

Во время своего паломничества в поисках истины он нашёл Движение сознания Кришны. Это было время, когда тысячи преданных с радостью посвящали свои жизни служению своему *гуру*, Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупаде. Каждый из них отдал бы всё за мгновение общения со своим любимым *гуру*.

Через пару месяцев после присоединения к Движению автор лично встретился со Шрилой Прабхупадой и почувствовал на себе дар его любви. Во время их первой встречи Шрила Прабхупада попросил его перевести все написанные им книги на бенгальский, родной язык духовного наследия Движения, а также родной язык Шрилы Прабхупады.

Несколько недель спустя ему было поручено помогать Шриле Прабхупаде с его перепиской на бенгальском и хинди, и он стал представителем Прабхупады и его личным секретарём на территории всей Индии.

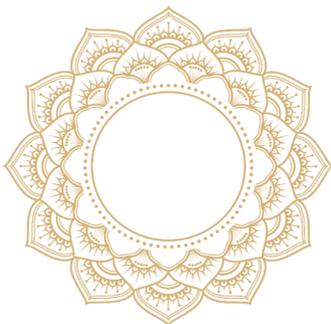
Шрила Прабхупада любил его и доверял ему. В течение первых нескольких месяцев практики *бхакти*, любовного преданного служения Господу Шри Кришне, автор стал личным помощником и поваром Прабхупады и до конца оставался одним из трёх или четырёх учеников, составлявших личное окружение Прабхупады. За несколько месяцев он получил *харинама* инициацию, *Гаятри-дикша* инициацию, и посвящение в орден отречения — *санньясу*. Это уникально, так как все три посвящения до этого были даны всего лишь нескольким старшим преданным, и то лишь после многих лет преданного служения.

В «Океане милосердия» мы переносимся в личные *лилы* Шрилы Прабхупады, когда он проповедует массам, наставляет отдельных лиц, и отвечает на различные вызовы жизни в качестве могущественного *ачарьи* мирового уровня, духовного лидера и учителя. Нам также даётся возможность увидеть, как Шрила Прабхупада проявлял свою любовь сердечного, смиренного духовного отца и друга. Бхакти Чару Свами берёт нас за руку и ведёт в личные покои Шрилы Прабхупады, и даже к его постели, в последние месяцы его физического

присутствия. Через преданные глаза Свами мы получаем возможность увидеть то, что видели лишь немногие.

Когда я читал эту книгу, я был поражён и просветлён. Я смеялся и плакал, когда мне было позволено побывать в присутствии Шрилы Прабхупады посредством изумительного таланта его любящего слуги.

Радханатха Свами

Введение

Древние индийские Веды, содержащие старейшую и наиболее глубокую духовную мудрость, утверждают, что человеческая жизнь начинается тогда, когда человек искренне задаётся вопросом: «Кто я? Откуда я взялся? Какова цель моего существования?» Эти три вопроса называются *брахма-джигьяса*, или духовный поиск. На них может правильно ответить только истинный духовный учитель. Поэтому, фактически, духовный поиск начинается, когда человек приступает к поискам такого учителя. Я был студентом в Европе, когда почувствовал потребность найти такого учителя, и вернулся в Индию, чтобы начать поиски. До этого моя жизнь была похожа на жизнь усталого путника, который заблудился посреди пустыни. Я бежал за миражом, чтобы утолить жажду, пытаюсь насладиться этим миром иллюзий, но чем больше я его преследовал, тем дальше он отступал — и чем больше я старался наслаждаться, тем больше я страдал.

После долгого и разочаровывающего путешествия по многим местам паломничества я наконец встретил божественную личность, которая вывела меня из этого мира невежества к свету знания. Эта божественная личность стала моим вечным духовным учителем: это был Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Он открыл мне, что я, оказывается, бежал за миражом, где я никогда не найду воды, чтобы утолить жажду, и повёл меня в направлении оазиса — и не просто оазиса, а океана нектара: сознания Кришны.

Во время одной утренней прогулки по пляжу Джуху в Бомбее Шрила Прабхупада указал на несколько прекрасно ухоженных, хорошо воспитанных собак, принадлежавших прогуливающимся по берегу людям, и спросил своих учеников: «В чём разница между этими собаками и теми бродячими собаками, грязными и неопрятными, лающими на прохожих?». Когда никто не мог ответить, Прабхупада сказал: «У этих собак есть хозяева, а у тех — нет».

Шрила Прабхупада прекрасно описал мою ситуацию. До встречи с ним я был бродячим псом — неухоженным и грязным, бесцельно бродящим и занимающимся бесполезными делами. Но как только я нашёл его, моя жизнь обрела смысл, и я поднялся на тот уровень своего духовного развития, который никогда даже не мог себе представить.

В 1979 году в Нью-Йорке один из моих духовных братьев, Йогешвара Прабху, пригласил меня на программу в Лонг-Айленде, чтобы я рассказал о моих днях со Шрилой Прабхупадой. Когда мы ехали обратно на 55-ю улицу, где находился храм в Нью-Йорке, Йогешвара поделился, что ему понравилась моя речь, и что все её оценили очень высоко. Он напомнил мне, как это важно для преданных — слышать о Шриле Прабхупаде, особенно о его последних днях, когда он отделился от мира: именно в этот период мне посчастливилось провести много часов, лично служа ему.

Когда мы вернулись в храм, преданные попросили меня поделиться воспоминаниями о Шриле Прабхупаде с ними тоже. Видя их интерес, президент храма, Лакшми-Нрисимха Прабху, попросил меня провести вечер, посвящённый Его Божественной Милости, и один вечер растянулся на три.

Из Нью-Йорка я отправился в Торонто, где Вишвакарма Прабху, президент храма, наслышавшись о моих лекциях, попросил меня рассказать мою историю преданным и там. Опять вечерние программы шли на протяжении целых трёх дней. Описания становились более подробными, и я видел, как глубоко они трогали преданных. На третий день, когда я описал, как Шрила Прабхупада покинул эту планету, многие преданные разрыдались.

С тех пор, куда бы я ни пошёл, преданные хотели слышать мой рассказ о Его Божественной Милости и его последних днях. Около десяти лет назад один из моих учеников, Дина Кришна Дас из Лондона, организовал подкаст, в котором я рассказывал о своём опыте общения с Прабхупадой. Подкаст имел большой успех. Потом Джаядвайта Свами, Равиндра Сварупа Прабху и несколько других моих духовных братьев стали поощрять меня написать книгу. Они аргументировали тем, что мало кто из преданных знал о последних днях Шрилы Прабхупады. Тем не менее, я колебался, стоит ли мне браться за эту задачу в связи с моей постоянной занятостью в качестве иницилирующего гуру и духовного лидера в Международном обществе сознания Кришны (International Society for Krishna Consciousness, ISKCON).

Совсем недавно некоторые из моих учеников добавили свои голоса к тем, кто призывал меня опубликовать свои воспоминания о том времени. Ранга Радхика Деви Даси записала прочитанные мной лекции и составила из них восьмистраничную рукопись, которая в конечном итоге легла в основу этой книги.

Когда я закончил черновик, в котором описывал своё общение со Шрилой Прабхупадой, мой дорогой друг и учёный духовный брат Гаруда Прабху (доктор Грэм Швейг) порекомендовал нам ещё одного друга, доктора Карла Херциг (Калачанджи Прабху) в качестве редактора. Калачанджи, профессор английского языка в американском университете, взял на себя это служение, и также предложил мне включить краткую историю моей юности. Я сначала сомневался, потому что книга должна была стать прославлением моего духовного учителя, а не моей автобиографией, но он убедил меня, что читатели хотели бы узнать обо мне и моем духовном пути прежде, чем я встретил своего духовного учителя. Это привело к появлению первой главы книги.

Девамрита Свами, близкий друг и менеджер отделения Бхактиведанта Бук Траст (ББТ) Австралии/Новой Зеландии, предположил, что ББТ, возможно, согласится напечатать книгу. Я был счастлив, когда Сваваса Прабху, ещё один дорогой друг и попечитель ББТ, оказал мне честь, согласившись напечатать книгу в

североамериканском филиале ББТ, с помощью редактора ББТ Дравиды Прабху, а также дизайнера и верстальщика Арчиты Прабху.

Мрительюнджая Чаттерджи, глава рекламной компании в Индии, предложил проиллюстрировать некоторые из событий книги. Для этого он привлёк Тапас Канти Митра, известного художника из Калькутты, который также нарисовал изображение для обложки. Радха Винодини Даси, моя ученица из Австралии, внесла свой ценный вклад в самом конце работы – я дал ей прочесть и проверить окончательный вариант рукописи. Расавихари Кришна Дас, ученик из Лондона, пожертвовал расходы на печать.

Я глубоко признателен многим дорогим преданным, которые дали мне возможность сделать это скромное подношение моему духовному учителю, Шриле Прабхупаде, который действительно является океаном милости. Прибежище его лотосных стоп сделали миссию моей жизни успешной.

Бхакти Чару Свами

1. В дороге

(1945–1975)

Меня всегда тянуло к духовной жизни. В детстве я любил сидеть с мамой по ночам на крыше, глядя на звёздное небо. Она показывала мне планеты и звезды, и меня очаровывали рассказы о небесных жителях, о божественных существах, обладающих невероятным могуществом. Я жаждал узнать о них побольше.

Моя набожная мать считала себя последователем индуизма и поклонялась многим богам и богиням. Она научила меня верить в Кришну и Раму, полагаться на Них и Вывать к Ним, когда мне страшно, грустно или тоскливо.

Мой отец был образованным, прогрессивным и ориентированным на Запад человеком, у которого было мало интереса к духовной жизни. Он достиг успеха на первых волнах развития индийской киноиндустрии, и материальное благополучие было его главной заботой. Мы жили в богатом районе Калькутты и хотя автомобили были редкостью в те дни, у моего отца их было два: один для езды по городу и другой, джип, для работы на открытом воздухе, например, для съёмок на природе. В то время как его братья ездили на общественном транспорте и носили *дхоти* и *курту* — традиционную индийскую одежду, он одевался в костюмы-тройки, а на работу его возил шофёр.

Он был моим героем, и я гордился им, но большую часть времени он был занят своей карьерой, которой был сильно увлечён. Он работал допоздна, и я видел его очень мало.

Когда мне было семь лет, моя мать заболела туберкулёзом, и нашей семье пришлось разъехаться, чтобы остальные члены семьи не заразились. Мою младшую сестру отправили к тётке, а мы со старшим братом переехали жить к старшей сестре отца. Она была вдовой, у неё было восемь взрослых детей, и она обрушила на нас всю свою любовь и ласку. Она также была превосходным поваром вегетарианской кухни и обожала готовить для близких, и мне очень нравились её блюда. Но я скучал по маме. Я знал, что она больна, но не понимал, почему мы не могли быть вместе.

Однажды во время празднования дня рождения кузена я выскользнул, чтобы увидеться с мамой. Когда я заглянул в её комнату, она сидела с закрытыми глазами на кровати, облокотившись на подушки. Я стоял в дверях, я не был уверен, можно ли подойти к ней, но когда она открыла глаза, я увидел, как её лицо отразило счастливое удивление, и она поманила меня поближе. Она думала, что кто-то меня привёл, но когда я сказал ей, что я пробрался тайком сам, она обняла меня и начала плакать. Я положил свою голову ей на колени, и она гладила меня, а по её щекам текли слёзы. Затем она притянула меня к себе и крепко обняла, утешая меня тёплым биением своего сердца.

Несколько дней спустя один из моих дядей приехал забрать меня и моего брата от нашей тётки. Я думал, что мы поедем к нашей матери, но когда мы пошли надевать обувь, наш дядя сказал нам не делать этого. Я догадался, что что-то не так. Я не знал, что случилось, но мой брат разрыдался. Он знал, что когда кто-то умирает, членам семьи умершего не следует прикасаться ни к каким неблагоприятным предметам, включая вещи, сделанные из кожи.

Мы прибыли в дом и увидели там нескольких родственников, все они смотрели друг на друга со скорбными лицами. Наверху наша мать лежала на кровати с закрытыми глазами, на её шею были одеты цветочные гирлянды, а тело было укрыто красочными букетами. Её

лицо было намазано сандаловой пастой, и яркая красная точка *синдура* отмечала межбровье. Она выглядела так красиво, подумал я, словно мирно спала.

В какой-то момент я почувствовал нежную руку на своём плече, и меня вывели из комнаты. Когда я вошёл в гостиную, я услышал, как некоторые из моих родственников начали плакать, но я не мог ни на кого смотреть. Я просто стоял у окна, глядя на соседский сад. Вот тогда до меня наконец дошло происходящее – слёзы хлынули из моих глаз, и я разрыдался. Я больше никогда не увижу маму.

Смерть моей матери повлияла на все обстоятельства моей жизни. Мой отец потерял интерес ко всему, даже к нам, и перестал что-либо делать, чтобы зарабатывать деньги или содержать хозяйство. Он впал в депрессию, чувствуя, что он был ответственен за болезнь и смерть моей матери, пренебрегая ею в пользу своей карьеры.

Даже дом моей тёти стал не таким как прежде. Она и наши кузены были такими же ласковыми, как всегда, но всё теперь было по-другому. Это был не мой дом, я чувствовал себя чужим.

Я всегда был отличником, меня хвалили за остроту ума, поэтому раньше у родителей был план отправить меня в одну из лучших школ-интернатов в Индии в предгорьях Гималаев. Но так как дела моего отца пошли плохо, это стало невозможным, и вместо этого меня зачислили в местную школу. Это было так обычно, я думал, так обыденно. Я хотел посещать частную школу, где ученики носили красивую форму и изучали все предметы на английском языке – преподаватели были выписаны из Англии. Я был одержим этой идеей; я хотел выучить английский и вести себя как англичанин, как это делал мой отец до того, как мама умерла.

Я никак не мог почувствовать никакого энтузиазма по поводу своего обучения в школе – у меня не было никакого интереса к урокам. Я чувствовал, что это место было неподходящим для меня, я там был чужим, как и в доме у тёти, и в результате я провалил экзамены в конце года, и меня оставили на второй год.

В тот день, когда я узнал об этом, я сидел один в классе и плакал. Я не мог пойти домой; мне было стыдно. Я вышел из школы и, раздумывая о том, что делать дальше, бродил бесцельно по городу, в конце концов оказавшись на берегу реки Ганги. Потом я заметил железнодорожную станцию на другой стороне реки. «Ну вот и всё», — подумал я, — «сяду на поезд, поеду в школу-интернат в предгорьях и пообещаю директору, что буду хорошо себя вести. Я умолю его позволить мне остаться».

Вдохновлённый, я побежал обратно к тётке. Был ещё полдень, так что дома было тихо. Я пробрался через заднюю дверь, схватил некоторые вещи, опустошил свою копилку и нашёл ещё немного денег в ящике моего кузена. Затем я выскользнул из дома и помчался на станцию.

Кассир заподозрил что-то неладное, увидев меня, маленького мальчика, одного, но я сказал ему, что возвращаюсь назад в школу-интернат. Когда он спросил, почему никто не едет со мной, я сказал, что моя мать умерла, а мой отец хотел поехать со мной, но его отозвали по каким-то непредвиденным причинам. Я сказал ему, что привык путешествовать в одиночку и смогу справиться сам, поэтому он дал мне билет и пропустил меня. Я использовал ту же историю в ответ на расспросы попутчиков, когда через час я уже ехал на север в поисках школы-интерната моей мечты.

В ту ночь, когда я спал в поезде, меня осторожно разбудили тем, что кто-то тряс мою руку. Когда я открыл глаза, я увидел, что поезд стоял на станции, а меня окружала группа пассажиров в сопровождении полицейского. В этот раз, когда меня спросили, кто я и куда я направлялся, я не посмел солгать. Когда офицер услышал мою историю, он отвёз меня в местный полицейский участок и позвонил моему отцу. Я не хотел говорить с ним, но офицер настоял, и тогда я взял трубку и расплакался.

После того, как полицейский объяснил ситуацию моему отцу, он привёл меня в свой дом неподалёку, где его жена накормила меня и уложила спать. На следующий день я почти весь день провёл в

постели. Они были очень добры ко мне, но когда я оставался один в комнате, я чувствовал себя арестованным преступником.

В ту ночь мой отец приехал, чтобы забрать меня обратно в Калькутту. У нас состоялся самый долгий разговор на моей памяти. Он сказал мне, как сильно он меня любит и как сильно он в меня верит. Что бы я ни сделал, сказал он, он знал, что я хороший мальчик и никогда не сделаю ничего действительно плохого. Моя мать любила меня, заверил он, и она продолжает меня любить и сейчас. Затем он просто сидел молча, пока я плакал от боли разлуки с ней.

Следующие несколько дней я провёл в своей комнате, не зная, что будет дальше. Я всё ещё чувствовал, что моя тётя любила и поддерживала меня, но всё изменилось: всем было очевидно, что что-то должно было произойти. Вскоре было решено, что меня отправят к дяде в маленький городок Кховай, в Трипуре, примерно в пятистах километрах к востоку, через границу с Бангладеш.

Кховай был тихим маленьким городком на берегу реки, окружённым горами. Все здешние жители знали друг друга и, казалось, вели простой, счастливый образ жизни. В отличие от своих братьев, мой дядя выбрал бизнес вместо образования, и добился большого успеха, поставляя холщовую продукцию на мельницы в Калькутте. Все в городе относились к нему с тёплым уважением.

Сначала я думал, что меня отправляют в Кховай в наказание за моё "преступление" — побег, но опыт дальнейшей жизни вскоре доказал мне, что это не так. Я приехал из большого города, и местные жители отнеслись ко мне с некоторым восхищением. Что ещё важнее, мои дядя и тётя приняли меня, как будто я был их сыном, и я был как старший брат для их трёх маленьких детей. Моя тётя даже сказала мне, что когда она долгое время не могла родить ребёнка, она просила мою мать отдать меня ей, и теперь Господь исполнил её желание. Поэтому я потихоньку начал привыкать к жизни в Кховай.

Мои отношения с отцом были довольно холодными с тех пор, как матери не стало, но после того, как я совершил свой побег, мы стали ближе, и я снова чувствовал его любовь ко мне. Он писал мне письма,

давая советы о том, как жить, и выражал свою любовь и уверенность, что у меня всё получится. Он напоминал мне, что моя мать всегда присматривает за мной и что она бы гордилась мною, когда я чего-то добивался.

В Кховай дела пошли хорошо, и я снова стал собой, заводя друзей и хорошо учась в школе. Я не был очень большим или сильным, но у меня получалось заниматься спортом. Я был вратарём в школьной футбольной команде и довольно хорошо играл в крикет, который мне очень нравился. В последний год, в шестнадцать лет, я был единственным учеником, выбранным в команду по крикету от нашего подразделения, в состав которой, кроме меня, входили игроки старшего возраста, в основном правительственные служащие. Наша команда играла хорошо, и мы даже вышли в финал межрайонного турнира. В начале финальной игры мы проигрывали, и поражение казалось неизбежным, но затем я забил полсотни очков — и выиграл игру для своей команды. Я был звездой, и главный офицер подразделения местной полиции выразил мне признательность на праздновании победы в городской ратуше.

Мой самый сильный предмет был английский. Большинство образованных индийцев, или по крайней мере большинство из тех, кого я знал, верили в поговорку "на западе лучше". Хотя британское правление в Индии закончилось в 1947 году, через два года после моего рождения, британская культура всё ещё превалировала. Как сказал нам один из моих учителей: «Если вы хотите выучить английский, нужно читать на английском, писать на английском, говорить на английском, думать на английском, и даже мечтать на английском», и я старательно следовал его указаниям. В отличие от большинства моих сверстников, я не стеснялся говорить по-английски, и мы с учителем часто проводили многие часы, беседуя на разные темы.

Мой любимый учитель, Нирад Бабу, был борцом за независимость Индии. Он отсидел в тюрьме, где его жестоко пытали англичане. Говорили, что ему повредили вену, снабжающую мозг кровью, и в результате он утратил умственную выносливость. Он часто чувствовал себя измученным и сидел, испытывая страшные боли, держась за голову. Но когда он мог преподавать, он делал это блестяще.

Это было так странно: он был борцом за свободу и ненавидел британцев, но любил их язык.

Я любил литературу и был очарован игрой слов и историями. Помимо произведений английских авторов, мы также читали английские переводы произведений таких известных авторов, как Гомер, Толстой и Дюма. Я находился под таким сильным влиянием британской культуры, что хотя и ценил индийских писателей, мне казалось, что их произведения были написаны под влиянием западных предшественников.

Книги великих западных авторов пробудили во мне желание увидеть этот мир, стать его частью. Мудрость, мне казалось, придёт не от сидения в классе или чтения книг, но от путешествий и встреч с людьми. Мне необходимо отправиться в путешествие и посмотреть мир, думал я.

Я мог бы продолжить учёбу в Трипуре, но вместо этого я решил поступить в колледж в Дарджилинге, красивом горном посёлке, построенном британцами в качестве своей летней резиденции. Один из моих дядей, успешный юрист, жил в Дарджилинге, и когда я выразил желание учиться там, он с радостью всё устроил. Я планировал стать учёным, поэтому поступил на факультет химии, но через два года мне дали стипендию для обучения на пилота с возможностью поступления на службу в индийские военно-воздушные силы, и я выбрал именно эту стезю.

Вернувшись в Калькутту для прохождения лётной подготовки, я встретил группу ребят, которым мне как-то довелось помочь в Дарджилинге. Они приехали туда из Калькутты на летние каникулы неожиданно, не сделав никаких предварительных планов, и по их прибытию обнаружилось, что все отели полностью забронированы, и им негде было остановиться. Один из них, Тулси Сен, как-то раз встречался с моей кузиной, и у него был её номер телефона - их единственный контакт в Дарджилинге. В отчаянии он позвонил ей и описал ситуацию. Она не знала, что делать, и передала трубку мне. Сделав несколько телефонных звонков, мне удалось договориться об их проживании в гостевом доме местного крытого стадиона, где

Подготовка пилотов в Калькутте

обычно размещались приезжие игроки. Тулси и двое других ребят, Свапан Такур и Гаура Гхош, были особенно благодарны за мою помощь, и мы стали хорошими друзьями.

Теперь ребята захотели оказать мне ответную услугу, и поэтому познакомили меня со своими друзьями и рассказали им, как сильно я им помог в Дарджилинге. Все они были из очень богатых семей — отец Тулси был выдающимся адвокатом Верховного Суда Калькутты, Свапан Такур был родственником знаменитого поэта Рабиндраната Тагора, и Гаура происходил из семьи успешных промышленников. Они все получили образование в одной из тех школ, в которых я мечтал учиться. Тулси познакомил меня с Анандом Моханом, сыном председателя Комиссии по Железнодорожному Транспорту Индии; наша троица сблизилась, и мы проводили большую часть свободного времени вместе.

По окончании моей лётной подготовки мне сказали, что я не дотягиваю до необходимого уровня для поступления в ВВС. У меня не было денег, чтобы получить лицензию коммерческого пилота, поэтому я решил заработать немного денег и попутешествовать за границей, так как я всегда мечтал об этом. Я и мой товарищ Алоке Гупта начали бизнес по продаже растворимого кофе. Когда мы заработали достаточно, он уехал учиться в Англию. Хотя большинство из моих друзей мечтали поехать именно туда, я думал про Германию, особенно про Гамбург, где жил мой двоюродный брат, который убедил меня приехать и продолжить учёбу там.

Мой выбор Германии также был обусловлен тем, что много-много лет назад близкий друг моего отца, Видьяпати Гхош, которого мы называли Видьяпати Каку или дядя Видьяпати, учился в Берлине и вернулся в Индию с немецкой женой, которая стала нашей Долли Какима, тётёй Долли. У неё были еврейские корни, и когда в Германии начались преследования евреев 1930-х годах, её семья сбежала, проехав более четырёхсот миль на велосипедах до швейцарской границы. Когда они поселились в Калькутте, Долли Какима впитала местную бенгальскую культуру. Она была очень близка с моей матерью и всегда относилась ко мне с любовью, особенно после смерти мамы. Поэтому, когда я услышал, что другой мой друг, Прасун, собирался в

Германию, чтобы изучать там социальную психологию, я решил присоединиться к нему. Многие молодые люди из Европы и Америки путешествовали на восток в поисках духовной жизни, но меня, как и многих других индусов, в том числе моего отца, привлекала возможность материального благополучия, и поэтому я хотел пожить в новых местах и расширить свой кругозор. Поэтому летом 1970 года я направился на запад, в противоположном направлении.

Как и многие наши друзья, Прасун и я прочитали книгу Джека Керуака «В дороге» и находились под сильным впечатлением от прочитанного, и поэтому у нас возникла идея о том, чтобы отправиться в Европу автостопом вместо того, чтобы лететь туда на самолёте. Это будет трудно, мы осознавали это, особенно в связи с тем, что Пакистан был закрыт для индийцев, но Прасун предложил сесть на корабль до Басры в Ираке, и продолжить путь по суше оттуда. Поэтому мы сели на поезд до Бомбея, где провели несколько дней, получая визы для въезда в страны на нашем пути — Ирак, Турция, Греция, Италия и Швейцария. Наконец, одним прекрасным утром, мы отчалили на грузовом судне из Пирс Баллард.

После недели остановок, казалось, во всех портах Персидского залива, мы были в восторге от того, что почувствовали под ногами твёрдую почву, когда сошли на берег в Басре. Я никогда не выезжал за пределы Индии и был очарован образами из прочитанного мной об ассирийцах и вавилонянах, о цивилизации на берегах Тигра и Евфрата, о висячих садах, построенных царём Навуходоносором, чтобы успокоить страдающее сердце тоскующей по дому царицы.

Мы слышали, что в Басре есть сикхский храм, где мы могли бы остановиться бесплатно, и несколько молодых местных парней показали нам дорогу. Мы сразу же подружились с ними, и они сказали, что заберут нас следующим утром и покажут нам город.

Мы не планировали останавливаться надолго, но мы отлично проводили время с нашими новыми товарищами — посмотрели их колледж, встретились с друзьями. Кроме того, мы посетили мечети, старую латинскую церковь и индийский рынок — и в результате, мы решили остаться ещё на несколько дней. Вечера проходили за беседами

Пикник на берегу реки в Курдистане, Ирак

и чаепитием в разных кафе на открытом воздухе на берегу реки Шатт-эль-Араб, известных как "казино", хотя азартных игр там не велось.

Три дня спустя мы с Прасуном сели на автобус и поехали на шоссе, по которому мы бы доехали автостопом до Багдада. Однако никто не останавливался нас подобрать, а было чрезвычайно жарко, поэтому после нескольких часов — подавленные из-за провала нашей попытки автостопом пересечь континент, но также испытывая облегчение от того, что мы выбрались из-под лучей палящего солнца — мы сели на автобус.

Американский путешественник в Басре рассказал нам о французской церкви в Багдаде, где можно было остановиться бесплатно. Мы нашли этот прекрасный собор в центре города, и там нас тепло встретил священник-француз средних лет.

В Багдаде, как и в Басре, Прасун и я быстро подружились с группой обеспеченных студентов университета, которые показали нам город и пригласили в ресторан, отвечая на наши выражения благодарности "за служение не благодарят". Они были весёлыми, но строгими мусульманами: они не пили и не курили. Мы приходили к ним домой в гости практически каждый день, в их огромные виллы с прекрасными садами, где мы пили чай из маленьких, тонких позолоченных стаканчиков.

Мама одного из наших новых друзей постирала и погладила нашу одежду, и когда мы получили её обратно, я обнаружил, что один из моих носков, в котором была дырка, был идеально заштопан.

Однако, несмотря на тёплое гостеприимство наших друзей, я был полон решимости продолжить наше путешествие. Я пытался убедить Прасуна поехать со мной, но он был непреклонен в своём желании остаться. Казалось, он хотел быть сам по себе, свободным от моего общения и влияния. Он покинул Индию, чтобы испытать мир, сказал он, и хотел в полной мере воспользоваться возможностью провести время с нашими новыми друзьями. Он наслаждался жизнью и хотел остаться.

Итак, мы расстались — я собирался уехать на следующее утро. Марк, английский путешественник, которого мы с Прасуном встретили в церкви, стал свидетелем нашего разговора и спросил, может ли он присоединиться ко мне. У нас уже сложились дружеские отношения, поэтому я согласился. Когда один из наших арабских друзей, Ахмед, услышал, что мы направляемся на север, в сторону турецкой границы, он предложил нам остановиться у его родителей в Заху, в Курдистане. Вот это и стало нашим первым пунктом назначения.

Убедившись, что автостоп в Ираке практически невозможен, я предложил поехать на автобусе. Ахмед предупредил своих родителей, что мы приедем, поэтому, когда мы приехали, они нас тепло встретили и привезли прямо к себе домой. Его отец, старик с длинной, развевающейся бородой, приветствовал нас широкой улыбкой. Он не говорил по-английски, но сестра Ахмеда говорила довольно свободно, так что она могла о нас позаботиться. Она же познакомила нас с его друзьями.

Заху был маленьким городком, в котором было мало что интересного, но нас привлекли старинные руины, которые носили следы богатой истории и культуры. Мало кто из друзей Ахмеда говорил по-английски, но между нами возникла простая дружеская связь, мы общались жестами и улыбками. Мы вместе играли в футбол, а потом купались, чтобы охладиться, в мелководье местной реки. В садах по берегам реки росли яблоки, груши и инжир, и мы отдыхали в их тени и наслаждались плодами.

Когда через три дня нам с Марком пришло время двигаться дальше, многие из наших знакомых в Заху пришли попрощаться.

После моего опыта в Басре я не был настроен оптимистично по поводу автостопа, но на этот раз Марк настоял. Несколько ребят пошли с нами к шоссе, и пока мы пытались поймать попутку, они стояли рядом и смотрели на это. Проходил час за часом, я уже оставил все надежды. Наконец, у одного из парней возникла какая-то идея, и следующее, что я помню, это то, что они остановили проезжающий

грузовик, поговорили с водителем и потом помахали нам рукой. Каким-то образом они убедили водителя отвезти нас к турецкой границе.

Когда грузовик отъехал, мы с Марком с благодарностью оглянулись на наших друзей, которые махали нам с обочины дороги. Водитель знал несколько слов по-английски — как раз достаточно, чтобы мы могли вести дружескую беседу. Он сказал, что едет в Турцию, в Диярбакыр, и довезёт нас до туда.

Когда мы добрались до окраины города, Марк предложил нам не въезжать в город, а остаться на шоссе. Было уже довольно поздно, поэтому мы решили ночевать на обочине дороги. Я никогда не спал под открытым небом, и это было чудесно — спать на голой земле под небом, усеянном звёздами.

Мы планировали остановиться в Малатье по пути в Анкару. У нас было два возможных маршрута. На карте один выглядел длиннее, другой короче и прямее, поэтому мы решили выбрать более короткий. Только после того, как мы проехали какое-то расстояние мы поняли, что мы выбрали горную дорогу, но к тому времени было уже поздно поворачивать назад. Наш водитель привёз нас в горы и высадил посреди дороги.

Мы прождали несколько часов под ореховым деревом на обочине. Все проезжали мимо нас без остановки. На самом деле, там вообще практически никто и не проезжал, и мы сомневались, что кто-либо из водителей знал о путешествиях автостопом.

Тем не менее, мне было интересно видеть Турцию, так сказать, изнутри, и это место было очаровательным. Горы были словно вырезаны из красной породы камня и покрыты лишь скудной растительностью. Внизу по долине протекала река с берегами, заросшими пышной зеленью. Ландшафт изредка перемежался контурами нескольких деревенских домов.

Я предложил Марку спуститься в деревню и посмотреть, может мы сможем найти что-нибудь поесть. Он сказал, что один из нас

должен остаться на дороге и пытаться остановить машину. Я предложил остаться; до деревни было рукой подать, но я не знал, как буду говорить там с людьми. «Почему бы тебе не пойти?» — сказал он с улыбкой. Мы наконец-то решили уладить спор, бросив монетку. Я проиграл и должен был идти.

Я спустился по извилистой тропинке, но в деревне даже не было магазина. Я подошёл к какому-то дому и постучал. Женщина открыла дверь, но увидев меня, она закричала и захлопнула её у меня перед носом.

Потеряв надежду найти еду, я поднялся обратно на гору к дороге и рассказал Марку о случившемся. Мы просидели ещё несколько часов под ореховым деревом, прячась от солнца. Наши животы подводило от голода, мы обсуждали нашу ошибку в выборе горной дороги и рассматривали возможность вернуться на другой маршрут. Вдруг в нашем поле зрения появились несколько мальчиков. Они молча подошли к нам, неся две большие, покрытые металлом тарелки, и поставили их перед нами. Когда мы сняли крышку, мы обнаружили домашний турецкий хлеб, сырые зелёные овощи и большие куски козьего сыра. Мы поблагодарили ребят и жадно принялись за еду, а они сидели вокруг нас, наблюдая и обмениваясь какими-то словами на языке, которого мы не понимали.

Через некоторое время к нам подошли несколько деревенских женщин, сели позади мальчиков и стали смотреть на нас. Одна из них оказалась из Ливана; она спросила, знали ли мы французский. Марк говорил свободно, и так мы узнали от неё, что та женщина, которая захлопнула дверь перед моим носом, видела, как я поднимаюсь к дороге, и она позвала других женщин и рассказала им о том, что случилось. Они предположили, что я искал еду, и послали мальчиков с тарелками.

Здесьние жители, сказала женщина, за всю свою жизнь не видели ни одного иностранца, поэтому прибытие англичанина и индийца было довольно интересным событием.

Гостеприимство иракских женщин

Мы были очень благодарны женщинам за их гостеприимство. Мы так и не смогли остановить попутку и простояли на дороге весь остаток дня. Наконец, к вечеру, с нами заговорил пожилой пастух, пасущий своё стадо. По его жестам, мы поняли, что он приглашает нас провести ночь у него дома. Мы с радостью согласились. Он был простым, бедным пастухом, но предложил нам всё, что он мог — еду и место для сна.

Утром мы с Марком решили вернуться обратно к подножию горы в более густонаселённое место, где у нас было больше шансов остановить попутку. Вернувшись к оживлённым трассам, мы обнаружили, что путешествовать автостопом в Турции было не так сложно, как в Ираке — там нас несколько раз подвезли на короткие расстояния. Возле Анкары трое англичан-студентов Йоркского университета подобрали нас на своём старом пикапе, и мы проехали с ними через всю Турцию, в Стамбул, где встречаются Азия и Европа.

Район Султанахмет в Стамбуле, недалеко от Голубой мечети, выглядел типичным для Турции: там было полно молодых американцев и европейцев. Альтернативный образ жизни хиппи был для меня новинку, но большинство из них были довольно либеральны и дружелюбны. "Отель" в стиле общежития был настолько дешёвым, что мы могли себе позволить остаться на некоторое время. Там мы завели много друзей, включая молодого американца по имени Ларри Бейкер.

Каждое утро Марк, Ларри и я ходили завтракать в "Pudding Shop", ресторан, популярный среди молодых путешественников, где мы проводили много времени. Еда была вкусной и дешёвой, но самым интересным для меня моментом была атмосфера — живое общение свободно мыслящей молодёжи, открытой к встречам с новыми людьми и обмену идеями и опытом. Некоторые из них пребывали в Стамбуле месяцами, занимаясь своими повседневными делами, слушая музыку и просто гуляя по городу.

Мы бродили по улицам Стамбула, посещали исторические места или просто сидели на берегу и болтали. Однажды утром Марк предложил нам пойти осмотреть дворец Топкапы, в часе езды от

города. Меня поразило название, потому что "top" на бенгальском языке означает "пушка" и было частью многих бенгальских слов и имён. Это было, как я понял позже, турецкое слово, которое вошло в бенгальский язык во время персидского вторжения в Индию.

Марк взял на себя роль гида. Дворец, который на самом деле был огромным скоплением зданий и садов, был резиденцией Османской династии, правившей Малой Азией и значительной частью Европы на протяжении веков. Мы провели там весь день, любуясь классической архитектурой и богатыми украшениями, поражённые огромными размерами этого места.

Марк и я пробыли в Стамбуле целую неделю. Накануне нашего отъезда мы вместе с Ларри сидели в парке, когда к нам подошли двое парней и спросили, не хотим ли мы покурить гашиш. Ни Марк, ни я не были заинтересованы, но Ларри ушёл с теми ребятами. Той ночью он не вернулся, и на следующее утро, обеспокоенные, мы рассказали о случившемся менеджеру "Pudding Shop". Мы боялись, что те двое могли быть полицейскими в штатском, и что Ларри могли арестовать. Менеджер сказал нам не беспокоиться. Полиция могла бы подставить Ларри, чтобы получить взятку, но наркотики не были большой проблемой в Турции, если только вас не поймали на контрабанде в больших количествах.

Ларри не вернулся и утром, но, успокоенные менеджером, мы разместили две заметки на доске объявлений в "Pudding Shop" — одну для Ларри, и другую для Прасуна, — и затем отправились в Грецию.

Как и многие индийские мальчики, я когда-то был очарован Александром Македонским. Мой брат рассказывал мне истории про Александра Македонского и его огромного, легендарного коня Буцефала. Никто не мог приручить Буцефала, но Александр заговорил с ним успокаивающим голосом и повернул его голову к солнцу, чтобы он не мог видеть свою тень, которая и была причиной его гнева. Таким образом, Буцефал был покорен: Александр смог оседлать его, и конь служил ему верой и правдой, пока не погиб во время вторжения в Индию.

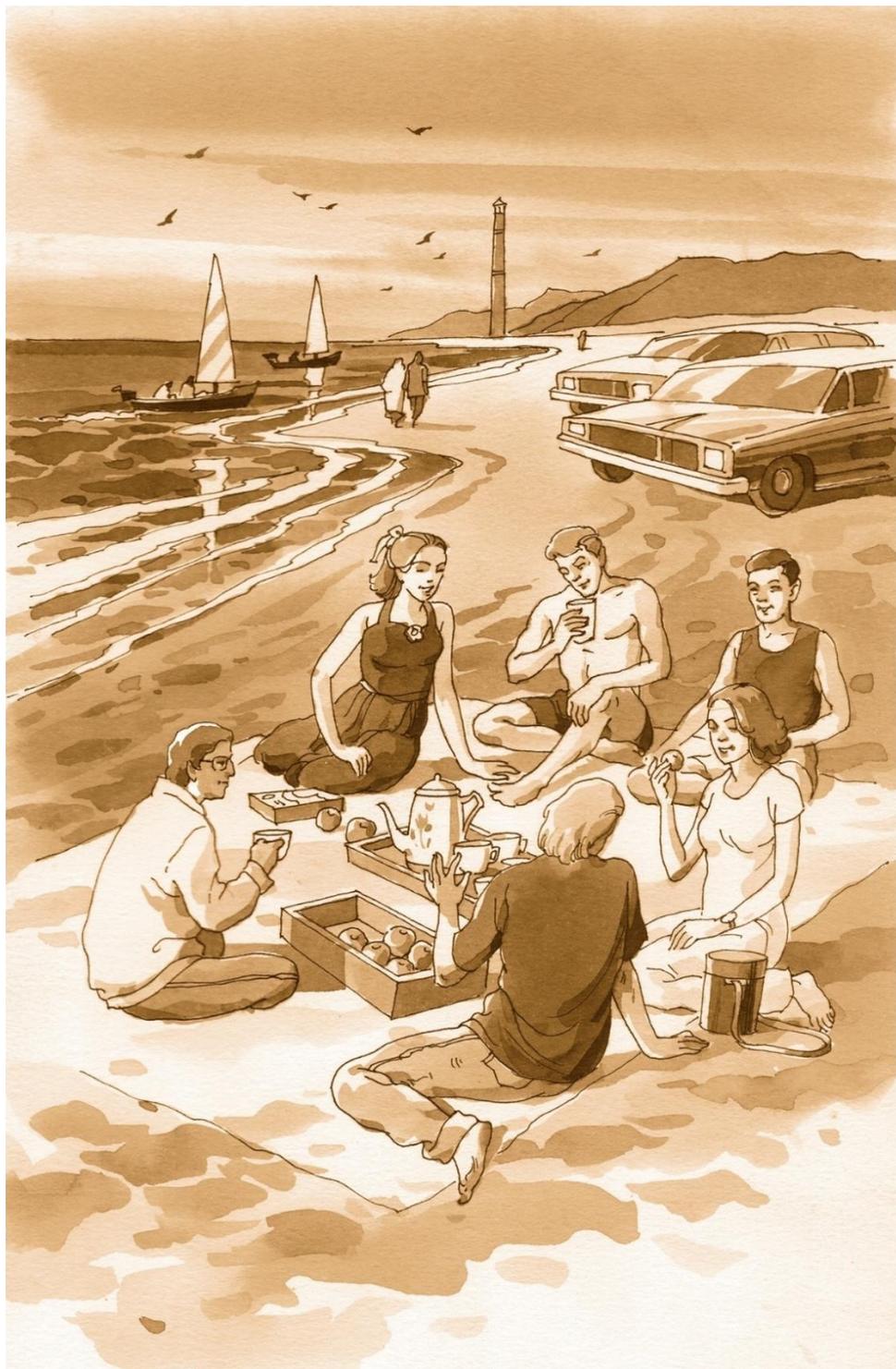
Мне также нравилось слушать историю о встрече Александра с персидским царём Дарием. У Дария была огромная армия, в пять раз больше, чем у Александра, поэтому, когда Александр бросил ему вызов, Дарий, считавший того всего лишь мальчишкой, был настолько уверен в победе, что даже взял с собой в поход свою жену и мать. Но Александр напал на него неожиданно, на горном перевале, вдали от поля боя. Дарий убежал, оставив позади и жену, и мать, которые были взяты в плен. Когда он затем предложил огромный выкуп в обмен на их свободу, Александр ответил, что он не заинтересован в выкупе, но отпустит женщин, если Дарий предстанет перед ним и преклонит колени в знак покорности. Дарий сделал, как было приказано, и Александр освободил женщин.

Однажды, когда Александр был вдали от своего царства, один из министров написал ему, что его мать вмешивается в государственные дела. Александр написал в ответ: «Одна слезинка из глаз моей матери может растворить все твои письма с жалобами на неё».

Мы с Марком направились в Салоники, столицу Македонии, недалеко от родины Александра Македонского в Пелле. Однажды нам довелось ехать с одной интеллигентной парой из Франции. Они свободно говорили по-английски и путешествовали вместе с двумя другими семьями на трёх машинах. Мы остановились на пляже в Александрополисе — там мы все искупались в море и устроили пикник. Они были первыми европейцами, которых я встретил по дороге — все западные люди в Стамбуле были молодыми путешественниками, все они казались мне приятными и дружелюбными. На меня произвело впечатление культурное и щедрое к нам отношение той пары, которая нас подвозила, и я спрашивал себя, как часто мне будут попадаться такие хорошие люди.

«Вы бы подобрали меня, если бы я путешествовал автостопом один?» — спросил их я.

Они помолчали. Затем мужчина посмотрел на жену и улыбнулся, а она сказала, что они вообще-то не подбирают попутчиков, но что, увидев меня, индийца, им стало любопытно.

Пикник на пляже в Александруполисе, Греция

В Салониках мы с Марком остановились в молодёжном хостеле, но чтобы там зарегистрироваться, мне нужна была членская карта, и чтобы её получить, мне нужно было доказать, что я студент. Марк и я пытались убедить менеджера, что никто не берёт с собой студенческий билет на время путешествия, но он был непреклонен. Наконец, услышав наш разговор, несколько молодых американцев, сидевших в соседнем зале, подошли к стойке и практически накричали на менеджера, вступившись за меня, и он поддался давлению.

Оттуда мы путешествовали автостопом, останавливаясь на ночь в молодёжных хостелах. Мы проехали через Югославию и попали в Италию. Там мы провели несколько дней в Венеции и Милане, а затем остановились в Турине.

К тому времени Марку пора было возвращаться в Англию, а я хотел продолжить путь в Германию, но передумал и решил навестить друга в Дижоне, Франции. Мне уже было грустно от мысли о нашей разлуке, поэтому, когда Марк предложил мне сопровождать его, я согласился, и благодаря его уговорам на границе, мне удалось получить экстренную трёхдневную визу.

У Марка был друг Пьер, который учился в университете в Дижоне - он принял нас в своей квартире, которую они делили на двоих с соседкой. Я подумал, что такие жилищные условия были странными, даже немного шокирующими; я ничего подобного раньше не видел. Это был также мой первый опыт посещения европейского университета. Хотя мы обнаружили, что люди во Франции в целом не любили говорить по-английски, студенты были совсем другими. Они не говорили по-английски свободно, но, казалось, получали удовольствие, беседуя с нами.

Из Франции мы отправились в Швейцарию, и в Базеле нам с Марком наконец-то пришлось расстаться. Мы сидели на лугу у границы, вспоминая дни, проведённые вместе, и строили планы встретиться снова. Мы обнялись, наши щеки крепко прижались, а затем он стоял и смотрел, как я пересекаю границу в Германию. Я обернулся и помахал рукой на прощание.

Мой двоюродный брат Бабида (его звали Баби, "да" было сокращением от *da-da*, бенгальского слова, что значит "старший брат") жил в Германии более десяти лет. Он изучал там инженерное дело, а потом стал директором процветающей фирмы. Из-за его брака с немкой Марией, у него были напряженные отношения с его консервативной семьёй в Индии, но я нашёл её очень милой. Она напоминала мне мою Долли Какиму, которая также вышла замуж за индийца. Когда я сказал Марии, что буду звать её Миради ("ди" — это сокращение от *dididi*, "старшая сестра"), она широко улыбнулась. Мы сблизились в мгновение ока, и она относилась ко мне как к члену семьи. Она отвезла меня в Гамбургский университет зарегистрироваться на обучение, а когда мы узнали, что семестр уже начался, убедила зачислить меня в качестве приглашённого студента.

Одним из первых людей, с которыми я подружился в Гамбурге, был Билл МакКейб, американский студент по обмену из Дейтонского университета. В Индии я был членом Информационной службы США, так как там была хорошая библиотека, которая освещала различные аспекты американской культуры. Одной из её достопримечательностей был джаз-клуб, и по субботам мы с друзьями слушали свинг и бибоп и соревновались друг с другом, кто первым узнает играющих музыкантов. Клуб "America House", где я встретил Билла, был немецким аналогом того джаз-клуба, и он находился в прекрасном месте, посреди большого сада недалеко от университета. Я часто туда ходил, в основном, чтобы почитать в библиотеке, и однажды Билл просто подошёл ко мне и представился. Ему была интересна Индия, сказал он, многие из его друзей уже побывали там, и он спросил меня, откуда я родом.

Билл познакомил меня со своими друзьями: Чаком, Рэем, Джеком, Конни, и Сьюзан — все студенты Дейтона. Мой немецкий был ещё не очень силён, поэтому у меня не сложились такие близкие отношения со многими местными студентами, но моя дружба с этой группой завязалась довольно быстро.

Прожив пару месяцев у Бабида и Миради, я решил съехать и жить самостоятельно. В том доме, где жил Билл, жила ещё одна студентка, и когда она съехала, Билл спросил хозяйку, можно ли мне въехать

вместо неё, так как мы с ним дружили. Хозяйка согласилась, но когда она узнала, что я индиец, она засомневалась. На следующий день Биллу нужно было ехать в Киль, город на Северном море, о чём он не сообщил своей хозяйке. Когда она заметила, что его не было целый день, она подумала, что он так расстроен из-за её отказа, что решил не возвращаться. Поэтому, когда он вернулся, она сказала: «Да, конечно, ваш индийский друг может приехать и остаться!».

С тех пор мы с Биллом жили в одном доме, и скоро стали близкими друзьями. По субботам я готовил индийскую еду, которую он любил. Услышав его восторженные отзывы, все наши друзья захотели быть приглашены на обед, но не желая злоупотреблять гостеприимством семьи хозяев, я приглашал их по одному или по двое за раз. Тем не менее, дом был хорошей альтернативой нашему обычному месту встреч — дискотеке под названием "Mad House".

Однажды летом, в один из воскресных дней, когда вся наша группа друзей сидела в ресторане недалеко от гавани, Чак спросил меня довольно снисходительным тоном, сколько людей умирает от голода в Индии каждый год. Его неуважение было оскорбительным, но я постарался сдержать свой гнев. У многих на Западе было такое представление об Индии, но никто никогда не выражал это так грубо.

«Хотя я родился и вырос в Индии», — сказал я, — «я никогда не видел, как кто-то умирает от голода».

«О, да ладно», — настаивал он. — «Все это знают. Не надо защищать честь своей страны. В конце концов, факт есть факт; реальность есть реальность!».

«Индия не бедна», — возразил я. — «Она может быть не такая развитая или богатая материально, но она не бедна. Иначе почему Колумб зашёл так далеко, чтобы найти её? Почему её считали жемчужиной в короне Британской империи?».

«Ты можешь утверждать всё, что хочешь», — утверждал он, — «но все знают, насколько бедно живёт народ в Индии».

«Индия всегда была заинтересована не в материальном процветании», — возразил я, — «а в развитии своего духовного богатства. Из-за того, что материальное богатство не было её главным приоритетом, иностранные захватчики не встречали большого сопротивления и грабили всё, что им удавалось украсть».

«И что же это такое, эти ваши так называемые духовные богатства?».

«Знание о том, что истинная цель жизни — достичь освобождения, возвышения до более высокого сознания».

«Курением травки?».

«Нет, совершая аскезы — отрицая потребности тела».

«Это всего лишь оправдание бесполезных бездельников».

Когда остальные увидели, что спор выходит из-под контроля, они заставили нас прекратить разговор на эту тему, но встреча серьёзно меня ранила. Несмотря на мои протесты, я с болью осознавал, насколько я невежественен о наследии и славе места моего рождения. Мой патриотизм, я понял, был только сентиментальной привязанностью. Хотя у я чувствовал глубокую связь с Индией, своей родиной, я не понимал её истинного величия и роскоши.

Этот спор и моё желание познать величие Индии привели меня к желанию глубже проникнуть в духовную культуру моей страны. Я уже понимал важность духовной жизни и осознавал существование души, но теперь я почувствовал необходимость познать истинную жизнь и её конечные цели.

Я написал своему другу Хиту Малкани – у его семьи был книжный магазин в Калькутте, - и он прислал мне копию книги Пола Брантона «Поиски тайной Индии». Сначала мне было досадно читать книгу англичанина о славе Индии, но чем больше я читал, тем больше я испытывал благодарность. Брантон был журналистом, который отправился в Индию по работе, и во время своего пребывания там, он

увлѣкся духовным наследием моей страны. Он встретил многих *садху* и, наконец, принял ученичество у известного духовного лидера из Южной Индии Рамана Махарши. Когда я попросил Малкани прислать мне книги, описывающие духовную философию Индии более подробно, он прислал мне несколько произведений Свами Вивекананды, «Йога-сутру» Патанджали, «Автобиографию йога» Парамахансы Йогананды, «Бхагавад-гиту» в переводе доктора Радхакришнана и копию «Веданта-сутры».

В течение следующих нескольких лет я познакомился поближе с истинной природой величия Индии, но в процессе я также осознал и более высокие мудрости: тщетность материального существования и необходимость освободиться от его рабства. «Зачем бороться за достижение чего-то, что будет потеряно в момент смерти?» — задавал я себе вопрос. — «Лучше стремиться к чему-то, что приведѣт к освобождению и будет длиться вечно».

И по мере того, как мой интерес и понимание мудрости Индии росли, моѣ увлечение Западом стало ослабевать. То, что составляло мою жизнь там, отступило словно воспоминание, уходящее в смутное и далѣкое прошлое.

У меня всегда было чувство, что однажды я всё оставлю позади и стану *садху*. Я думал, что это просто фантазия — вероятно, в какой-то момент каждый испытывал что-то подобное, но никто из моих знакомых не ушѣл от мира и не предался духовной жизни полностью. Но во время моих путешествий я испытывал удовольствие от своей свободы, от простого присутствия в мире, от течения времени и от всех происходящих событий. Я чувствовал удовлетворение от простых достижений и наслаждался встречами с открытыми и восприимчивыми людьми, которые приглашали к себе домой и делились своими мыслями и чувствами, как будто мы знали друг друга много лет. Часто, не дождавшись попутки до поздней ночи, я ложился в спальном мешке на обочине дороги и спал под открытым небом, усыпанном бесчисленными звѣздами. По утрам я встречал новый день с радостным предвкушением, даже не зная, что меня ожидало. Я начал понимать, что это то, что я хотел делать с самого детства — самостоятельно путешествовать, видеть новые места, знакомиться с

новыми людьми. Таким образом моя фантазия могла стать реальностью, и я решил довести дело до конца.

Уинстон Черчилль призывал молодёжь в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет идти в мир и что-то делать, совершать ошибки и учиться. Его высказывание произвело на меня глубокое впечатление, и я сожалел только о том, что когда я прочитал это в возрасте двадцати трёх лет, я уже опаздывал на три года.

Из других прочитанных мною текстов я понял, что для того, чтобы серьёзно заняться духовной жизнью, мне надо было предаться *гуру*, и я был убеждён, что найду своего учителя в Индии.

Билл был первым человеком, которому я раскрыл свой план в письме. Он был в Америке на летних каникулах, но когда он получил моё письмо, он тут же ответил, попросив меня подождать, пока он не приедет. Я не мог, так как уже принял решение уехать, и я даже не ответил ему — но он также написал нашим друзьям в Гамбурге, и когда Сюзен и её немецкий бойфренд Питер узнали о моих намерениях, они попытались отговорить меня. Все, что я мог сделать, это объяснить им, что настоящая цель жизни состояла в духовном освобождении, и что пришло время для меня начать двигаться к этой цели. В конце концов они поняли мою точку зрения, но настояли, чтобы я хотя бы остался на прощальную вечеринку. Я согласился.

Итак, в следующую пятницу мы все собрались в квартире Питера. Присутствовало большинство наших друзей, а ближе к концу вечера Питер попросил меня рассказать всем о моих планах. Мне было грустно. Везде, где бы я ни был, я находил добрых, милых людей и завязывал с ними прекрасные отношения. Я видел, как высоко группа ценит нашу дружбу, и насколько глубоки стали наши связи. Тем не менее, мне было очевидно, что эти отношения были недолговечными — мы встретились, подружились и рано или поздно расстанемся, чтобы скорее всего никогда больше не встретиться.

Я рассказал своим друзьям, как я всегда восхищался Западом и как, живя в Германии и сблизившись с её жителями, я приобрёл богатейший во многих отношениях опыт. Я понял, что, несмотря на

Встреча с семьёй Мариан в Бремене, Германия

физические различия людей, мы все были одинаковы и тесно связаны друг с другом. Но самым ценным подарком Запада для меня были приобретённые любовь и признательность к Индии, места, которое я оставил позади. Мудрость Индии, которую мне пришлось открыть для себя, приехав на Запад, заставили меня осознать, что жизнь в этом мире временна, и что истинная цель нашего существования — победить смерть. Поэтому я возвращался на свою родину, чтобы заглянуть вглубь себя, за пределы осознания моего тела, в одиночестве, на просторах Гималаев.

Перед отъездом мне пришлось встретиться ещё с одной группой друзей, которых я встретил недалеко от Штутгарта во время экскурсии несколько месяцев назад, во время каникул. Я стоял на автобане, ждал попутку, и услышал гудок — машина ехала прямо на меня, и водитель пытался привлечь моё внимание. Когда я повернулся, я увидел, как из машины вышел мужчина и помахал мне рукой, так что я взял свой рюкзак, побежал к ним трусцой, и прыгнул в машину.

Пара средних лет в машине заговорила со мной по-английски, но когда они узнали, что я свободно говорю по-немецки, они переключились на свой родной язык, и разговор принял более естественный ход. Они никогда не подбирали раньше никаких попутчиков. Когда я спросил, почему они остановились, они сказали, что заметили, что я индеец — я напомнил им о старом друге. Они прожили в Лондоне некоторое время и завязали там хорошие отношения со студентом-индийцем. Так что, когда они увидели меня — молодого индийца на дороге, путешествующего автостопом, что было довольно необычным зрелищем, — они решили меня подвезти.

Муж, Уолтер Бейн, был таможенником; его жена, Мариан, была школьной учительницей, но оставила свою работу, чтобы заботиться о двух дочерях, Керстин и Астрид. Керстин изучала русский язык и хотела стать переводчиком. Мы так хорошо поладили во время поездки, что они пригласили меня к себе домой в Бремен, и я с радостью принял приглашение.

Я прожил у Бейнов три дня, и мы довольно близко подружились. После этого мы не общались несколько месяцев, но когда я отправил

им открытку из Берлина, то получил ответ от Мариан, в которой она писала, как сильно они скучали по мне, и просили меня навестить их. Я был так тронут её письмом, что решил поехать к ним в гости.

Этот второй визит был ещё более замечательным, чем первый; они обращались со мной как с членом семьи. Керстин даже начала рассказывать мне о своих проблемах с матерью, и Мариан пожаловалась на то, что Керстин не слушает её и ведёт себя слишком независимо. Я попытался выступить посредником, и они обе выслушали мои предложения.

Последующие визиты в Бремен ещё больше сблизили нас, и когда Мариан услышала, что я покидаю Германию, она умоляла мне приехать и повидаться с ними перед отъездом.

Они были опечалены моим отъездом, особенно Мариан и Керстин. Мариан продолжала убеждать меня, что я могу продолжить духовную жизнь в Германии. Она отметила, что я всегда очень высоко ставил Иисуса Христа, — может, мне стоит практиковать христианство, стать последователем Христа?

Действительно, я с детства испытывал глубокое чувство благодарности к Иисусу, но я никогда не думал стать христианином. Я рассматривал христианство с индийской точки зрения, так как Христос был близок к Богу — великий святой, пророк. Но это сильно отличалось от его изображения в христианской вере.

Мариан не всегда соглашалась со мной, но слушала меня без протеста и ценила мою точку зрения. Я сказал ей, что три мудреца, которые пришли увидеть Иисуса, когда Он родился, вероятно, были вознесёнными в сан святых выходцами из Индии, к которым обращались как к "махараджам", королям. Они пришли посмотреть на Христа, так как знали о Его рождении по астрологическим расчётам движения звёзд и планет. Потом никто не знал, где он был и что он делал — примерно с двенадцати до двадцати девяти лет. Где он был все это время, все эти годы? Где он приобрёл мистические силы, с помощью которых мог превратить воду в вино, исцелить прокажённых

и оживлять мёртвых? Он говорил о месте, где к Нему относились как к царю, и о Его разочаровании и печали из-за неспособности тех, кто Его слушал, понять Его учения. Он позволил себя распять, чтобы их невежественный ум мог оценить Его сострадание и милосердие. И только так Он смог до них достучаться.

Когда Мариан спросила, почему я не рассказываю о своём понимании христианам, я ответил, что никому это не интересно. В конце концов, кто я такой? И в любом случае, моим единственным соображением был мой поиск освобождения — освободить себя от рабства рождения и смерти. И именно поэтому я чувствовал зов моей родины, великой Индии.

Итак, я возвращался туда с огромными ожиданиями и волнением. Я уже однажды возвращался в Индию — на свадьбу моей сестры, — но это было другое; я отправлялся в своё духовное путешествие, в поисках своего духовного учителя и господина.

2. В поисках гуру

(июнь 1975 г. – июль 1976 г.)

Когда я приземлился в Дели, я сразу отправился в Харидвар — одно из святейших мест в Индии, в предгорьях Гималаев, на берегах Ганги. Я был очарован этим местом с детства; моя бабушка ездила туда на Кумбха-мелу, великий праздник, духовный фестиваль, и вернулась оттуда с захватывающими историями о своём паломничестве.

В свой первый вечер я спустился по речным *гхатам* и присоединился к тысячам паломников, совершающих грандиозное поклонение и подносящих фитили Матери Ганге.

Я и без того уже был взволнован возвращением в Индию, и меня воодушевило увиденное там проявление духовного убеждения. Я чувствовал, что люди вокруг меня меньше заботятся о своём материальном благополучии, их духовная жизнь была гораздо важнее. И в своём сердце я разделял их счастье и был тронут, увидев, насколько они полны внутренним удовлетворением. Я прошёл сквозь толпу, ни с кем не разговаривая — просто улыбаясь окружающим и получая их улыбки в ответ.

На следующее утро, перед рассветом, я спустился к Ганге, чтобы искупаться. Было холодно, и я дрожал ещё до того, как вошёл в ледяную воду, однако скоро почувствовал себя обновлённым — моему

телу стало тепло, мне было ясно и легко, я как будто летал, — и невероятная радость наполнила всё моё существо.

Не знаю, как долго я простоял там, полупогруженный в блаженство. Когда я пришёл в себя, я вышел берег и позволил своим мыслям плыть по течению. Мои мысли вернулись в детство: я лежал рядом с мамой, и она рассказывала мне о Матери Ганге. Ганга проистекала не из какого-то обычного места на земле, говорила мне моя мать, но происходила с небесной планеты Сваргалоки, и была принесена сюда Бхагиратхой, праправнуком прославленного царя Сагара. Когда царь Сагара принёс в жертву своего коня, Индра, царь райских планет, забеспокоился, что Сагара может отобрать у него трон силой, которую получит за свою жертву. Поэтому он украл коня, принёс его в низшую планетную систему и привязал там к дереву рядом с ашрамом Капилы Муни, воплощения Верховного Господа.

У царя Сагара было две жены, Сумати и Кешини. У него было шестьдесят четыре тысячи сыновей от Сумати, и они повсюду искали коня. Они раскопали поверхность земли, создав большую траншею, которая стала известна как *сагара*, океан. В конце концов они пришли к Капиле Муни в ашрам, и увидев коня, привязанного к дереву, подумали, что Капила Муни, должно быть, украл его. С этими оскорбительными мыслями они попытались напасть на мудреца. Его медитация была прервана, Капила Муни открыл глаза, и от одного его взгляда шестьдесят четыре тысячи сыновей царя Сагары были сожжены дотла.

У царя Сагары был ещё один сын, Асаманджаса, от его жены Кешини, и сын Асаманджасы по имени Амшуман также отправился на поиски коня и в конце концов пришёл в ашрам Капилы Муни. Когда Амшуман увидел коня и кучу пепла, он понял, что произошло, и, узнав о высоком статусе Капилы Муни, вознёс ему молитвы. Довольный, Капила Муни дал указание Амшуману, что его шестьдесят четыре тысячи дядей могут быть освобождены водами Ганги, текущей на Сваргалоке. Амшуман совершал великие аскезы, чтобы привести Гангу вниз на землю с небесных планет, но так и не смог этого сделать. И после его смерти, его сын Дилипа пытался привести Гангу в этот материальный мир, но он также потерпел неудачу. Наконец, сын

Дилипы Бхагиратха смог привести Гангу на землю, практикуя великую аскезу и покаяние. Мать Ганга предстала перед Бхагиратхой и дала ему благословение. Когда Бхагиратха сказал ей, что хочет, чтобы она спустилась на землю и освободила его предков, она сказала, что если она спустится с небес на землю, она пронзит землю насквозь и окажется в нижней области вселенной. Чтобы предотвратить это, кто-то должен был вынести силу её падения. Бхагиратха сказал Матери Ганге, что Господь Шива может вынести такую силу. Он снова долго совершал великие аскезы, и в результате Господь Шива согласился выдержать падение Матери Ганги на его голову. И вот таким образом, моя мама рассказывала мне, самая святая из всех рек, Мать Ганга, сошла на землю с райских планет и освободила падшие души.

Эта история из детства теперь стала для меня глубокой и прекрасной реальностью. Я был благодарен за возможность вернуться на свою святую родину, богатой столькими духовными благословениями. Все, чего я хотел, это бесконечно плыть по течению этой величественной реки.

Когда я вернулся в домик, где остановился, я услышал красивое чтение санскритских мантр, раздающееся из соседней комнаты. Я просто сидел, слушая живой, мелодичный звук. Моими соседями оказались муж и жена из Южной Индии и их двое детей. Г-н Субраманьям, государственный служащий, привёз свою семью в святые места паломничества на время отпуска. Он пригласил меня в их комнату, чтобы побеседовать, и дети — два сына, девяти и шести лет — слушали наш разговор с большим вниманием и вели себя уважительно и воспитанно.

Благодаря этой семье я смог ещё раз убедиться в величии Индии. Хотя он был высокопоставленным государственным служащим, г-н Субраманьям хотел посещать только святые места. Он мало интересовался материальными достижениями, но придавал большое значение духовной жизни и развитию. Меня особенно впечатлило то, как он воспитывал своих детей. Я убедился, что духовное наследие Индии было важной частью современной семейной жизни людей.

Из Харидвара я направился вверх по течению в Ришикеш, где было поспокойнее, больше природы и меньше торговли, и где находилось множество ашрамов *йоги* и искателей духовности со всего мира. *Садху* собирались на берегах реки — некоторые совершенно голые, другие просто в набедренных повязках. Большинство курили гашиш, и некоторые приглашали меня присоединиться к ним, но я отказывался.

На Западе многие из моих друзей курили гашиш, и я видел, какими они становились глупыми при этом. Когда деятельность мозга подавлялась, устремления сердец становились более заметными, вызывая чувство экстаза. Поэтому, когда я увидел, что эти *садху* курят, я понял, что не стоит зря тратить моё время; это не для меня.

Самая известная школа *йоги* в Ришикеше находилась в ашраме Шивананды. Молодой студент-резидент рассказал мне, что их учение заключалось в следующем: чтобы достичь духовного прогресса, нужно было отказаться от своего эго — своих предвзятых мнений, идей, предрассудков и эгоистичных интересов, так как они являлись препятствием духовному прогрессу. Отказавшись от них и занимаясь *йогой*, можно было продвигаться к своей духовной цели и в конечном итоге освободиться от рабства материи и достичь *мокши*, освобождения. Мне понравилось то, что он говорил, но мне было интересно, почему нужно заниматься *йогой* в такой коммерческой атмосфере. Я всегда слышал и читал, что *йога* должна выполняться в уединённом месте, вдали от материального мира. Я не испытал желания присоединиться к этому ашраму.

Я продолжал искать. Однажды, бесцельно бродя по пустынной дороге, я увидел фигуру в шафрановом одеянии, приближающуюся мне навстречу. Когда человек приблизился, я увидел, что это был молодой, красивый мужчина с длинными черными волосами и бородой. Я улыбнулся ему, когда мы подошли уже близко, и он ответил мне нежной улыбкой. Мы остановились и обменялись приветствиями, и прошли некоторое расстояние вместе, прежде чем он предложил нам присесть на берегу реки и поговорить. Он был из Пенджаба, сказал он. Его отец был торговец тканями, но его не интересовала жизнь коммерции; когда его братья занялись бизнесом, он продолжил своё

образование в колледже, а затем в университете. Но он не нашёл удовлетворения и в академической жизни. Он вернулся домой, и его семья попыталась женить его, но он обнаружил, что его не интересует так же и супружеская жизнь тоже. Поэтому, никому не сказав ни слова, он ушёл из дома. После путешествия по различным местам паломничества этот человек оказался в Ришикеш, в ашраме *гуру* своей семьи, и с тех пор жил там. Когда я спросил об учении его *гуру*, он сказал, что они проповедуют благополучие всего человечества и медитацию. Их внешняя миссия заключалась в том, чтобы помогать другим — страдающим и бедным мира. Их внутренняя деятельность состояла в медитации на то, чтобы стать одним целым с трансцендентным светом. Когда он услышал, что я вернулся в Индию, чтобы посвятить себя духовной жизни, он обрадовался и предложил мне остаться в их ашраме и практиковать духовность с ними. Я поблагодарил его, но отклонил это предложение, объяснив, что я хотел бы продолжить свои исследования духовного ландшафта.

Из Ришикеша я отправился через Гималаи — в Девапраяг, Алокананда, Рудрапраяг и, наконец, Джошиматх. Я хотел продолжить путь в Бадринатх, но приближалась зима, и дорога была закрыта. Учитывая высоту Джошиматха — более шести тысяч футов (1800 метров) — было не очень холодно, и мне понравилась прекрасная атмосфера в городе, поэтому я решил остаться.

В Джошиматхе я подружился с управляющим моего гостевого дома, который завораживал меня историями о святых людях этого района. Однажды он рассказал мне об одной американской паре, которая жила высоко-высоко в горах. Они жили там по крайней мере, уже два года, медитируя и лишь изредка выходя из своего уединения. Я захотел встретиться с ними, но он сказал мне, что они ни с кем не общаются; если кто-то приближался к месту их обитания, они их прогоняют. Тем не менее, я настаивал, что они, вероятно, не возражали бы против встречи со мной, так как я тоже ищу духовного опыта и мог бы извлечь пользу из их знаний. У них была тесная связь с местным врачом, сказал менеджер. Он иногда навещал пару; может быть, он взял бы меня с ним.

Доктор Лал оказался респектабельным джентльменом средних лет. Когда я спросил его об американской паре, он сказал мне, что их звали Лоуренс и Колетт, и они были из Калифорнии. Они были серьёзны в своей практике и находили, что эта местность благоприятствует медитации. У них был договор, что он еженедельно снабжал их провизией, а они за это периодически переводили ему деньги из Америки. Обычно он отправлял припасы через своего слугу, но так как я очень хотел встретиться, он решил пойти туда сам, чтобы познакомить нас.

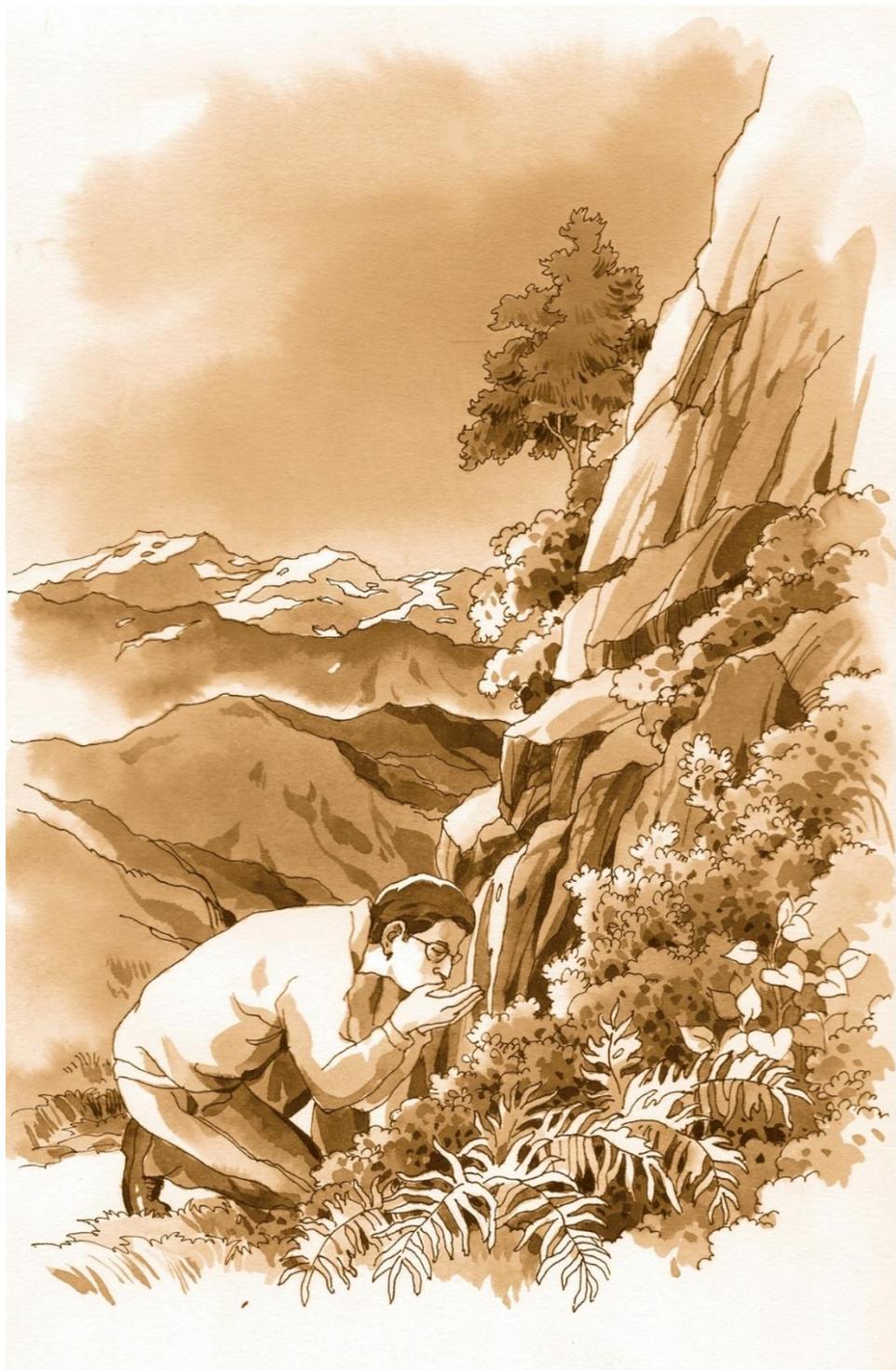
Я был взволнован возможностью попасть в отдалённый уголок Гималаев и познакомиться с этими необычными людьми, которые настолько посвятили свою жизнь духовной цели, что решили полностью отрезать себя от остального мира.

И вот однажды утром мы отправились в путь. За городом мы вышли на узкую тропу, которая скоро превратилась в почти невидимые следы и в конечном итоге привела к руинам храма. Доктор Лал попросил меня подождать снаружи, а сам вошёл внутрь.

Оставшись в одиночестве, я смотрел на сверкающие белые вершины гор, которые простирались от одного конца горизонта до другого. Вокруг меня холмы меняли свой цвет в зависимости от времени года — сейчас это была феерия зелёного, жёлтого, пурпурного и красного. Певчие птицы кричали на деревьях, и вода струилась со склона горы, окунаясь в холодные, мерцающие бассейны. Я подставил ладони под небольшой водопад и глотнул воды. Это был нектар — лучше чего бы то ни было, что я когда-либо пробовал.

Место было изысканно красивым; я понял, почему пара выбрала его для своей медитации, чтобы достичь цели жизни — свободы от рабства материального мира. Я удивлялся силе их приверженности духовным поискам, которая привела их из Калифорнии в это святое место в Гималаях, на другой стороне света.

Я очнулся от своих раздумий, когда доктор Лал вышел с высоким красивым мужчиной с длинными волосами и бородой. Мужчина улыбнулся мне, сложил ладони и сказал: «Намасте». Он представился

Питьевая вода в Гималаях, в Джюшиматхе

как Чидананда — имя, подумал я, которое, должно быть, дал ему его духовный учитель. Втроём мы сели на большой камень лицом к горизонту, с видом на широкий горный простор. Я извинился за вторжение в его *садхану*, его медитативную практику. У меня было много американских друзей, сказал я ему, и, как и он, я много путешествовал — по Ближнему Востоку и Европе — и провёл несколько лет в Германии, но вернулся в Индию в поисках духовной мудрости. Я не смог ещё по-настоящему начать свою духовную жизнь, однако; я всё ещё искал *гуру*. Я хотел, чтобы они поделились со мной своим опытом — возможно, мне поможет понимание его паломничества в горы и его практики медитации в таком уединённом месте.

Чидананда сказал мне, что он из южной Калифорнии. В конце шестидесятых он был вовлечён в американскую контркультуру и решил приехать в Индию, чтобы познакомиться с духовной культурой. После путешествия по Гоа, Бенаресу и другим местам паломничества, он приехал в Гималаи, где встретил своего *гуру*. Он жил со своей девушкой в ашраме у своего *гуру*, где обучался процессу медитации и *йоги*, но когда его *гуру* попытался соблазнить её, они потеряли веру в него и покинули ашрам. Чидананда не столько рассердился, сколько разочаровался. Его *гуру* часто говорил о важности воздержания от секса в практике *йоги*. Он объяснял, как энергия кундалини возникает из *муладхара-чакры* у основания позвоночника и проникает через различные *чакры* в *сахасрара-чакру*, "тысячелепестковую" или коронную *чакру* на макушке головы — что именно таким образом достигается *самадхи*, высший уровень медитации.

Однако, несмотря на все свои учения, он пытался соблазнить свою ученицу, которая относилась к нему как к родному отцу.

Хотя Чидананда покинул ашрам, он всё ещё считал того человека своим *гуру*, потому что он научил его очень многому в науке *йоги*. Уходя из ашрама, Чидананда не знал, куда идти, но в одном он был уверен: он хочет остаться в Индии и продолжить свою духовную практику. Он уже достиг стадии, когда мог практиковать самостоятельно, поэтому он отправился в Бадринатх и оставался там всё лето, а на зиму спустился в Джошиматх. Затем он нашёл это место

— старый храм посреди гор — и решил поселиться здесь, чтобы практиковать свою *садхану*. У него не было часов или календаря, поэтому он не знал точно, сколько времени они пробыли там, но он знал, что это было довольно долго. Время шло, но не откладывалось в его сознании.

Доктор Лал сказал, что он знает Чидананду уже более двух лет, но Чидананда уже жил на руинах храма ещё до того, как они встретились. Сначала Чидананда время от времени ходил на рынок, чтобы купить провизию, но в последнее время доктор Лал заботился о припасах для пары. Они питались только фруктами и овощами, не употребляя в пищу зерновые и бобовые, или даже орехи.

Когда я спросил Чидананду о его духовном прогрессе, он сказал, что процесс *асаны*, сидение в позах *йоги*, был эффективен на начальном этапе, но потом уже не имел никакого значения. *Пранаяма*, —или контролируемое дыхание — была очень эффективна. Практика *кумбхака*, остановка дыхания, помогла ему взять под контроль разум и сосредоточиться на медитации. Благодаря обучению у своего *гуру* он теперь мог легко задерживать дыхание на несколько минут, и это умение становилось всё лучше и лучше. Я спросил его, сможет ли он научить меня, но он просто улыбнулся и сказал, что он ещё сам ученик и не может быть учителем.

Когда мы с доктором Лалом спустились обратно в Джошиматх, он сказал мне: «Это, вероятно, было самым долгим разговором Чидананды с кем либо, кроме своей девушки за несколько месяцев».

Моя встреча с Чиданандой была одним из самых запоминающихся событий за то время, что я пробыл в Гималаях. Но я ещё не нашёл своего *гуру*, я всё ещё искал.

Затем я спустился на равнины Ганги. Я останавливался во многих ашрамах и монастырях. Они все были связаны с разными духовными практиками, и полученный там мною опыт был уникальным и интересным, но один из них особо отличался по своей глубине. Я знал о святой женщине Анандамайи Ма с детства. Одна из моих тёток была её ученицей — она рассказывала нам много увлекательных историй

про эту удивительную женщину. Поэтому, когда я наткнулся на один из её ашрамов на берегу Ганги, я решил остановиться и навестить её.

Атмосфера ашрама была безмятежной, а его обитатели дружелюбными. Глава ашрама, Сварупананда Свами, проникся симпатией и относился ко мне с теплотой и большой заботой. Мы проводили много времени вместе. Видя моё искреннее желание найти *гуру* и склонность к духовной жизни, он считал меня зрелым кандидатом в ученики и решил отвезти меня к Анандамайи Ма, которая жила в Бенаресе.

Ашрам в Бенаресе был полон последователей Анандамайи Ма и её поклонников. Она отнеслась ко мне с особой добротой и лаской и потратила немало времени, отвечая на мои вопросы и давая советы.

Каждый вечер она устраивала публичный *даршан*, на котором присутствовали сотни людей. Большую часть времени она просто сидела там в тишине, и люди были счастливы просто видеть её. Старшие ученики говорили о её славе и вспоминали её изречения на различные духовные темы. Иногда бывал *киртан*, совместное пение, и во время *киртана* Анандамайи Ма иногда впадала в транс. Так как она часто сидела там с закрытыми глазами, я не всегда мог сказать, когда она была в транс, а когда нет, но её собравшиеся ученики издавали звук в унисон — своего рода вой, который звучал несколько странно в такой торжественной обстановке. Сначала я не понял его значения, но потом узнал, что он сигнализирует, что она вошла в транс.

Я испытывал глубокое уважение к Анандамайи Ма и считал её возвышенной духовной личностью, но большинство её ответов казались больше загадками, а не ответами, и я не знал, что с ними делать. Однажды я спросил: «В чем смысл *садханы*?».

«*Садхана* — это *свадхана*», — ответила она, — «собственное богатство».

Когда я спросил: «А как же тогда *сиддхи*, высшее достижение *садханы*?».

Она сказала: «Сиддхи будут достигнуты в соответствии с собственным духовным развитием человека».

Я ничего не сказал, но задумался. Разве *гуру* не должен был вести ученика через правильную практику *садханы* для достижения духовного совершенства?

Я много беседовал со Сварупанандой Свами. Я знал о его сильном желании, чтобы я присоединился к ашраму и стал учеником Анандамайи Ма, но я спросил: «Какую духовную выгоду я получу от этого?». Он провёл много лет в качестве одного из её самых выдающихся учеников. Что он получил?

Сварупананда задумался и сказал мне, что он нашёл цель в жизни, и что он был внутренне доволен этим положением.

Я спросил, было ли это внутреннее удовлетворение всему, или конечной целью, или же человеку следует стремиться к духовному совершенству, чтобы освободиться от материального рабства, и только после этого он сможет отправиться в духовный мир и будет испытывать там бесконечное блаженство.

«Да», — ответил он, — «и это произойдёт по милости Матери».

Мне понравился ашрам. Мне понравился Сварупананда Свами, и в довершение всего я проникся глубоким уважением к Анандамайи Ма. В конечном итоге, я решил стать членом ашрама.

Итак, однажды вечером Сварупананда взял меня с собой, чтобы увидеть Анандамайи Ма в её покоях. Когда он поднял тему моего присоединения к ашраму, однако, она посмотрела на меня, ласково улыбнулась и заявила: «Он не предназначен для этот ашрама. Его место где-то в другом месте, и когда он оставит своеволие, весь мир падёт к его стопам».

Ее заявление поразило меня как гром среди ясного неба. Я был поражён и несколько смущён её пророчеством, но в то же время раздавлен отказом. Я хотел умолять её позволить мне присоединиться

и в конечном итоге стать её учеником, но моя гордость не позволила мне сделать этого.

Сварупананда посочувствовал мне и сказал, что хотя Ма мне отказала, я мог продолжать оставаться в ашраме.

Но почти сразу после того, как она мне дала отворот поворот, я решил двигаться дальше. Я понял, что она — не мой *гуру*; мне нужно было продолжить поиски.

На следующий день Сварупананда проводил меня в комнату Анандамайи, чтобы я сказал ей, что ухожу. У неё была встреча с несколькими близкими учениками из разных районов Индии. Она раздавала им *прасад*, освящённую пищу, левой рукой, что казалось странным, так как в Индии левая рука никогда не используется для обращения с *прасадом* или для каких-либо духовных целей, деятельности или обмена. Когда она увидела меня, она остановилась, красиво улыбнулась и благословила меня, сказав, что мои духовные поиски будут вознаграждены замечательным результатом. Затем правой рукой она протянула мне яблоко и, повернувшись к гостям, продолжила раздавать *прасад*.

Я покинул ашрам подавленным. Сварупананда отвёз меня к железнодорожной станции по пути в Калькутту и, прежде чем мы расстались, сказал мне: «Тебе очень повезло. Ты получил особую милость Ма».

Казалось, он просто пытался меня утешить, потому что было довольно очевидно, что она не хотела меня принимать. Не то, чтобы я действительно жаждал стать учеником в её ашраме, но я был ранен её отказом. «Почему ты так говоришь?» — спросил я.

«Обычно она даёт прасад левой рукой», — ответил он, — «но тебе она дала его правой рукой».

«Да, я это заметил, — сказал я. — Что это значит?».

«Когда она просто даёт благословение, она делает это левой рукой. Но когда она оказывает особую милость, она оказывает её правой рукой».

«Это как-то связано с *кармой*?».

«Да, можно так сказать, — сказал он. — Когда она даёт *прасад* правой рукой, она на самом деле предлагает свою хорошую *карму*».

«И у неё действительно много хорошей *кармы*», — сказал я с улыбкой.

«Да!», — согласился он, — «В этом нет никаких сомнений. Но когда слишком много народа прикасается к её стопам, она заболевает. Поэтому мы никому не позволяем делать это».

«Почему она заболевает?».

«Потому что, когда люди прикасаются к твоим стопам, они передают тебе свои греховные реакции и забирают хорошую *карму*».

Однако даже несмотря на попытки Сварупананды Свами меня поддержать, отказ Анандамайи Ма разочаровал меня, и к тому времени, как я прибыл в Калькутту, я решил приостановить свои поиски. Скорее, я думал, я ожидал, что мой *гуру* придёт ко мне сам. Я испытывал гнев, смешанный с гордостью. Я искал *гуру*, но не мог его найти.

А действительно, был ли на свете кто-то, кто мог бы стать моим *гуру*? Если это так, подумал я, то пусть он придёт и найдёт меня. Я не собирался больше никого искать.

Вскоре после этого я получил письмо от Марка, в котором говорилось, что он скоро приедет в Калькутту, чтобы встретиться со мной. Когда он приехал, я был очень рад его видеть. Я привёз его в дом моего отца, где я остановился. Однако он довольно сильно изменился — не только внешне, но и по тому, как он себя вёл. Раньше он был так против курения, что когда мы путешествовали автостопом, он иногда

просил водителя потушить сигарету. Я даже говорил ему, что он должен быть благодарен за их доброту и не требовать от водителей попуток слушать его просьбы, но он утверждал, что предпочёл бы, чтобы его попросили выйти из машины, чем дышать сигаретным дымом. Теперь я обнаружил, он не только начал курить сигареты, но и курил гашиш.

Однажды, когда мы с Марком сидели на скамейке у озера, он сказал мне, что вернулся в Индию, чтобы раздобыть запас гашиша и марихуаны. У него были люди в Великобритании, но им нужны были постоянные поставки из Индии и Непала. Он предложил мне стать его партнёром и обеспечивать поставки наркотиков. Я был в шоке и надеялся, что он шутит, но когда увидел, что он был серьёзен, я отказался. Я был рад, когда он просто принял мой ответ, и мы договорились отправиться вместе в поход по Непалу. Я пытался поставить условие, что он не будет употреблять гашиш или марихуану во время путешествия, но в конце концов мы согласились, что он будет курить только по вечерам.

Однако вскоре после того, как мы прибыли в Покхару, я понял, что Марк хотел отправиться в Гималаи не только ради треккинга, но и для поиска поставщиков наркотиков. Тем не менее, мы прошагали вместе около десяти дней, до самого лагеря Аннапурны у подножия гор.

Когда мы вернулись в Калькутту, я познакомил Марка с некоторыми из моих друзей, но когда я узнал, что он пытался уговорить их стать его поставщиками, я сказал ему, что нам придётся расстаться. Мне было грустно, но это был не тот искренний и невинный Марк, с которым я путешествовал шесть лет назад.

3. Нектар преданности

(июль 1976 г. – январь 1977 г.)

Этот период в Калькутте был одним из самых трудных в моей жизни. Я не мог ни приспособиться к окружающему миру, ни начать свою духовную жизнь. Я тосковал и знал, что мне нужен был *гуру*, чтобы найти свой духовный путь, — кто-то, кто возьмёт меня за руку и приведёт в мир знаний, освобождения и радости. Но я не смог его найти, и теперь пребывал в ожидании. Инцидент с Анандамайи Ма дал мне надежду; если мне суждено найти *гуру*, я надеялся, что он откроется мне сам.

Однажды вечером ко мне пришёл мой старый друг Прасун. Я был рад был его видеть, но он выглядел иначе. Прасун, которого я помнил, носил длинные волосы и был одет в западную одежду, но теперь его голова была обрита, и он был одет в *дхоти* и *курту*. Я знал, что в Германии он стал преданным Кришны в Международном обществе сознания Кришны (ИСККОН), поэтому перемена в его внешности меня не шокировала, но то, как сияло его лицо, было поразительным; всё его поведение излучало мир и спокойствие.

Когда я впервые услышал, что Прасун и его подруга-немка Корнелия присоединились к ИСККОН, я не воспринял это всерьёз, так как после посещения храма ИСККОН в Гамбурге у нас осталось не очень приятное впечатление. Дело было так. Как-то раз я шёл из

университетской столовой и увидел группу молодых людей — женщины были одеты в *сары*, а мужчины в *дхоти* и *курты* — они пели и танцевали. Их внешний вид меня восхитил, но и заставил тосковать по дому. Я был далеко от Калькутты, и эти молодые мужчины и женщины, одетые в традиционные индийские наряды, наполнили меня гордостью за свою культуру. Один из них раздавал журналы. Я подошёл к нему и купил один, и мы разговорились. Он рассказал мне об их миссии и пригласил в храм, всего в одной остановке метро от университета. Я пошёл туда и подружился там с некоторыми из них. Потом я рассказал об этом Прасуну, и мы несколько раз сходили туда вместе. Однажды мы пришли в храм и стояли беседовали с одним из американских преданных. Рядом стоял человек, которому, должно быть, не понравилось, что мы больше говорили, чем слушали, и он начал критиковать нас, говоря, что Будда был мошенником, а Рамакришна, популярный духовный деятель из Бенгалии, был обманщиком. Прасун посмотрел на меня с удивлением — ни он, ни я не упомянули ни Будду, ни Рамакришну — и я молча сделал знак, что нам следует уйти, что мы и сделали. Больше мы туда не возвращались.

С тех пор, когда бы я ни видел преданных, я избегал их. Если я видел их на одной стороне дороги, я переходил на другую. Когда я вернулся в Калькутту, я много раз проходил мимо храма ИСККОН, который находился недалеко от моего дома, но никогда не заходил туда.

Поэтому, когда я услышал, что Прасун присоединился к обществу преданных, я не поверил, что он настроен серьёзно. Однако, увидев, как он выглядел, когда пришёл ко мне, — каким он был сияющим — мне пришлось задуматься.

«Ты действительно серьёзно настроен?» — спросил я его.

Он ответил с нежной улыбкой: «Да». Он рассказал мне, как присоединился к ИСККОН в Берлине после прочтения книги "Шри Ишопанишад", написанной *ачарьем*-основателем общества, А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупадой. Он был инициирован и получил духовное имя: Сарвабхавана Даса Адхикари.

Теперь он вернулся, чтобы помочь развивать движение сознания Кришны в Индии, и служил вице-президентом храма в Нью-Дели. Он пригласил меня поехать в Дели, но я был уклончив. Он не пытался переубедить меня или проповедовать мне; мы просто разговаривали и наслаждались общением друг с другом.

Я был впечатлён образом жизни, который вёл Сарвабхавана — воздержанием от мясоедения, интоксикации, секса и азартных игр. Но больше всего мне нравилась его любовь и уважение к своему *гуру*, которого он называл Шрила Прабхупада. Когда Сарвабхавана говорил о нём, его глаза загорались и лицо излучало радость. Я думал, что его привязанность может быть просто сентиментальной, но тем не менее я был впечатлён.

На следующее утро Сарвабхавана и я снова встретились, но когда я предложил ему пообедать, он отказался. Я заверил его, что еда будет вегетарианская, но он сказал, что пойдёт домой и поест там. Я настаивал, и тогда он сказал мне, что хотя еда будет вегетарианской, кухня и посуда использовались для приготовления других блюд. Я снова был впечатлён его стандартами и убеждённостью. У меня было много друзей, которые были строгими вегетарианцами, но стандарты Сарвабхаваны говорили о совершенно ином уровне.

В тот же день я пошёл с ним в близлежащий храм ИСККОН, где он познакомил меня с группой молодых американских преданных. У нас состоялась замечательная дискуссия о различных аспектах духовной жизни, и меня особенно впечатлили двое преданных, Кундали Дас и Анирдешья Вапу Дас. Оба показались мне чрезвычайно умными, но, в то время как Кундали — невысокий и пухлый — искрил юмором, Анирдешья — высокий, стройный и святой на вид — был довольно строг. Меня привлек его мягкий и сострадательный характер, и мы сразу подружились.

Он рассказал мне о воспевании святого имени в виде маха-мантры и сказал, что польза от употребления в пищу *кришна-прасада*, пищи, которая была предложена Кришне, была намного больше, чем от той, которая была приготовлена путём совершения тысячи жертвоприношений.

Я был поражён знанием Анирдешьи ведических писаний и оценил мудрость рассказываемых им ведических историй. Когда он спросил меня, не смог бы я оказать ему какую-то услугу, я сразу согласился. Он привёл меня в комнату рядом с алтарём, где показал, как резать фрукты, которые будут предложены Божествам. Он рассказал мне о преимуществах преданного служения — и о том, что это было высшее занятие для живого существа, награда, которую невозможно измерить материальными расчётами.

Мы нарезали довольно много фруктов и предложили несколько тарелок Господу на алтаре. После это мы смешали предложенные фрукты с остальными, вынесли всё это на балкон, где преданные сидели в ряд, и подали им. Анирдешья затем сделал тарелку для нас с ним, мы сели рядом и стали есть, пока он рассказывал мне, как движение сознания Кришны может решить мировые проблемы, доставляя страдающие, обусловленные души "обратно домой" для служения Господу.

Я был тронут словами Анирдешьи и тем, что он взял меня с собой сюда. Внутреннее святилище было священным местом, и он привёл меня, совершенно незнакомого человека, в это священное место, чтобы оказать личную услугу Господу. Я смаковал каждое его слово.

В течение следующих нескольких дней я регулярно возвращался в храм. Однажды вечером, после посещения *сандхья-арати*, вечернего богослужения, и урока по "Бхагавад-гите", я захотел купить копию книги. У них не было ни одного экземпляра под рукой, и я сказал, что буду признателен за любую другую книгу. Один преданный дал мне бесплатный экземпляр "Нектара преданности", краткое изложение Шрилы Прабхупады на английском языке санскритского труда Рупы Госвами, святого, поэта и учёного шестнадцатого века.

Как только я пришёл домой, я открыл книгу и начал читать. Я чувствовал себя так, как будто другая реальность разворачивалась перед моими глазами. С самого начала книги Шрила Прабхупада заявил, что Бог — это личность, Верховная Личность, Кришна. Я сохранил глубокую привязанность к Кришне с детства, но у меня никогда не было такого ясного понимания, что Он Верховная Личность

С прихожанами храма в Калькутте

Бога. На протяжении всего моего духовного поиска я был уверен, что освобождение было конечной целью жизни. Шрила Прабхупада очень ясно объяснил, что тот, кто занимается преданным служением Кришне, достигает освобождение автоматически.

Я никогда не читал ничего подобного. Это было то, чего я искал всю жизнь. Когда я был младше, на меня сильно повлияла философия объективизма Айн Рэнд, изложенная в её романе "Атлант расправил плечи", в котором было изображено идеальное, по-моему, мнение общество. Но "Нектар Преданности", как я теперь понял, представлял собой высшее совершенство настоящего идеального общества. На его страницах я нашёл общество, полностью основанное на высшем идеале жизни — бескорыстном служении Верховному Господу. Я читал до глубокой ночи, а когда проснулся на следующее утро, схватил книгу и начать читать снова.

Шрила Прабхупада объяснял, что существует пять видов освобождения: стать единым с Господом, жить с Господом на одной планете, обладать теми же чертами, что и Господь, наслаждаться теми же богатствами, что и Господь, и быть спутником Господа. Но не освобождение, указал Прабхупада, привлекает преданных, занимающихся служением Господу. Преданное служение само по себе приносит гораздо большую радость.

Всё стало понятно. И чем больше я читал, тем больше я был поглощён. Я сокрушался, что потратил столько лет на поиски, даже не зная, что я искал. Шрила Прабхупада прекрасно ответил на все мои вопросы. Он объяснил причину наших страданий и указал выход.

Я не мог оторваться от книги. Я читал весь день, а в ту ночь мне приснился Шрила Прабхупада. Он сидел на троне, и яркий свет исходил от его тела. У его стоп сидела толпа людей. Я не спрашивал его ни о чём; я просто поклонился и сказал: «Я полностью предаюсь вашим лотосным стопам. Пожалуйста, примите меня и направляйте меня».

Когда я проснулся, моё сердце переполняло прекрасное чувство удовлетворения — я нашёл своего духовного учителя.

Продолжая читать, я узнавал всё больше и больше о Кришне и Его величии. Он был верховным создателем, владельцем и контролёром, и я понял, что цель моей жизни — подчиниться Ему. В глубине души я чувствовал, что мне больше не придётся ни о чём беспокоиться: Кришна позаботится обо мне во всех отношениях. Я был почти ошеломлён ощущением облегчения, безо всякого беспокойства или страдания.

Убеждённый, что я нашёл своего *гуру*, я не мог дождаться возвращения в храм. На следующий день я пошёл и спросил Кундали Даса, знает ли он, как найти Шрилу Прабхупаду. Спросив других преданных, он сказал мне, что Прабхупада был в Америке и не вернётся в Индию ещё несколько месяцев, вероятно, не раньше октября. Он обычно проводил лето в Америке и возвращался в Индию осенью.

С нетерпением ожидая возвращения Шрилы Прабхупады, я решил тем временем отправиться в путешествие по Бенгалии и посетить места, где около пятисот лет назад родился и занялся Своими трансцендентными играми Шри Чайтанья Махапрабху — Кришна в настроении Радхарани, Его вечной супруги. Я был счастлив, что родился так близко к этому месту.

Сначала я отправился в Маяпур, место явления Господа Чайтаньи, всего в 130 километрах от Калькутты. Вечером, когда я приехал, в храме шло *арати*, и большой зал сотрясался от гулких ударов барабанов *мринданги*. Комната была полна преданных — почти все были с Запада — они танцевали, каждый в своём стиле, но все в одном ритме *киртана*. Сцена была экстатической, и все, даже покрытые потом преданные, казались мне святыми.

После *арати* несколько преданных подошли поговорить со мной. Все были очень дружелюбны, они же разместили меня в гостевом доме и пригласили посетить урок по "Бхагавад-гите", который должен был вот-вот начаться.

Занятие проходило в большом конференц-зале наверху, его вёл преданный по имени Рагхава Пандита Дас. Атмосфера была

вдохновляющей — все молодые преданные слушали с восторженным вниманием. Я чувствовал, что мне было позволено взглянуть на то, что такое духовный мир.

Рагхава Пандит казался хорошо образованным и прекрасно говорил, объясняя важность духовной жизни, понимание тщетности наших материалистических устремлений и награды за погружение в духовную деятельность. Предавшись Кришне и занимаясь служением Ему, сказал он, мы можем испытать настоящую радость, то, к чему мы всегда испытывали страстное желание. И Шрила Прабхупада создал идеальные условия для всех нас, чтобы достичь этого высшего совершенства в спокойной атмосфере Маяпура и в обществе преданных Господа.

Я чувствовал, что Рагхава Пандит говорил непосредственно со мной; всё это так подходило к моей ситуации. И я был впечатлен тем, что западный человек так много знал о Ведах и цитировал санскритские стихи из "Бхагавад-гиты", как будто знал наизусть все *шастры*.

После занятий мы все сидели и разговаривали. Не так много людей посещали Маяпур в те дни, и преданные поинтересовались, что привело меня туда. Они были очень воодушевлены и спросили меня, не хочу ли я остаться и стать преданным, ну или по крайней мере, попробовать им стать. Один из *брахмачари*, молодой преданный, принёс большую тарелку сладостей и других деликатесов и обслуживал всех преданных, которые сидели на полу и ели с тарелок из листьев.

Мне сказали, что еда была *маха-прасадом*, *прасад*, который был принесён прямо с алтаря. Я никогда не пробовал ничего столь вкусного. Даже несмотря на то, что физические удобства в Маяпуре были довольно простыми, я чувствовал себя как дома.

На следующее утро я встал рано — задолго до восхода солнца — и отправился на *мангала-арати*. После этого я сидел с преданными и повторял *джану* первый раз в жизни. Я был знаком с Харе Кришна *маха-мантрой*, слышал, как её поют, и участвовал во многих

киртанах, и ещё Анирдешья Вапу из Калькутты объяснял мне её духовное значение, но до этого я никогда не воспевал её тихо, перебирая чётки.

В 7:00 утра мы все приняли участие в *шрингара-арати*, приветствии Божеств. Затем мы поклонились Шриле Прабхупаде на *гуру-пудже*, а затем собрались в комнате наверху для лекции. Мне сказали, что *санньяси*, старший преданный, отрёкшийся от мира, даст урок по "Шримад-Бхагаватам", самому важному писанию вайшнавов, которое перевёл Шрила Прабхупада и для которого он написал обширные комментарии. В зале красивый молодой американец на возвышении пел "*Джая Радха-Мадхава*". Я никогда не слышал эту молитву, но узнал, что храм Божеств был назван Шри Шри Радха-Мадхава, и теперь увидел, что была связь между "Шримад-Бхагаватам" и Божествами. Молитва была изумительной и возвышенной.

Молодой *санньяси*, как и преданный, дававший лекцию предыдущим вечером, был явно хорошо эрудирован: он декламировал санскритские *шлоки* (стихи) бегло и авторитетно. Это был первый раз, когда я встретил западных людей, так хорошо владеющих Ведическими знаниями. Я был охвачен благоговением, и одновременно с этим мне было больно от осознания своей собственной несостоятельности в этом вопросе. Я также начал понимать глубокое влияние Шрилы Прабхупады на своих учеников.

После занятий *санньяси* поприветствовал меня с улыбкой и представился как Шатадханья Свами. Он сказал, что уже слышал обо мне; он выразил удовольствие от встречи со мной и, как и остальные, спросил, хочу ли я остаться с преданными и стать одним из них.

Все эти тёплые приглашения, а также прекрасная, духовная атмосфера, мне очень понравились. Поскольку я уже решил предаться Шриле Прабхупаде, я подумал: «Почему бы и не остаться?».

Это было несложно. Я просто пошёл к парикмахеру и побрил голову, купил *дхоти* и *курту*, искупался в Ганге, выбросил свою старую одежду и надел новую.

Когда я вернулся в храм, все были удивлены и обрадованы моим преображением. Первым, кто меня увидел, был Паду Дас, талантливый художник из Америки, с которым я подружился накануне вечером.

«Эй!», — воскликнул он, — «Ты побрился и стал преданным!». Но затем он добавил: «Нет, ты всегда был преданным!».

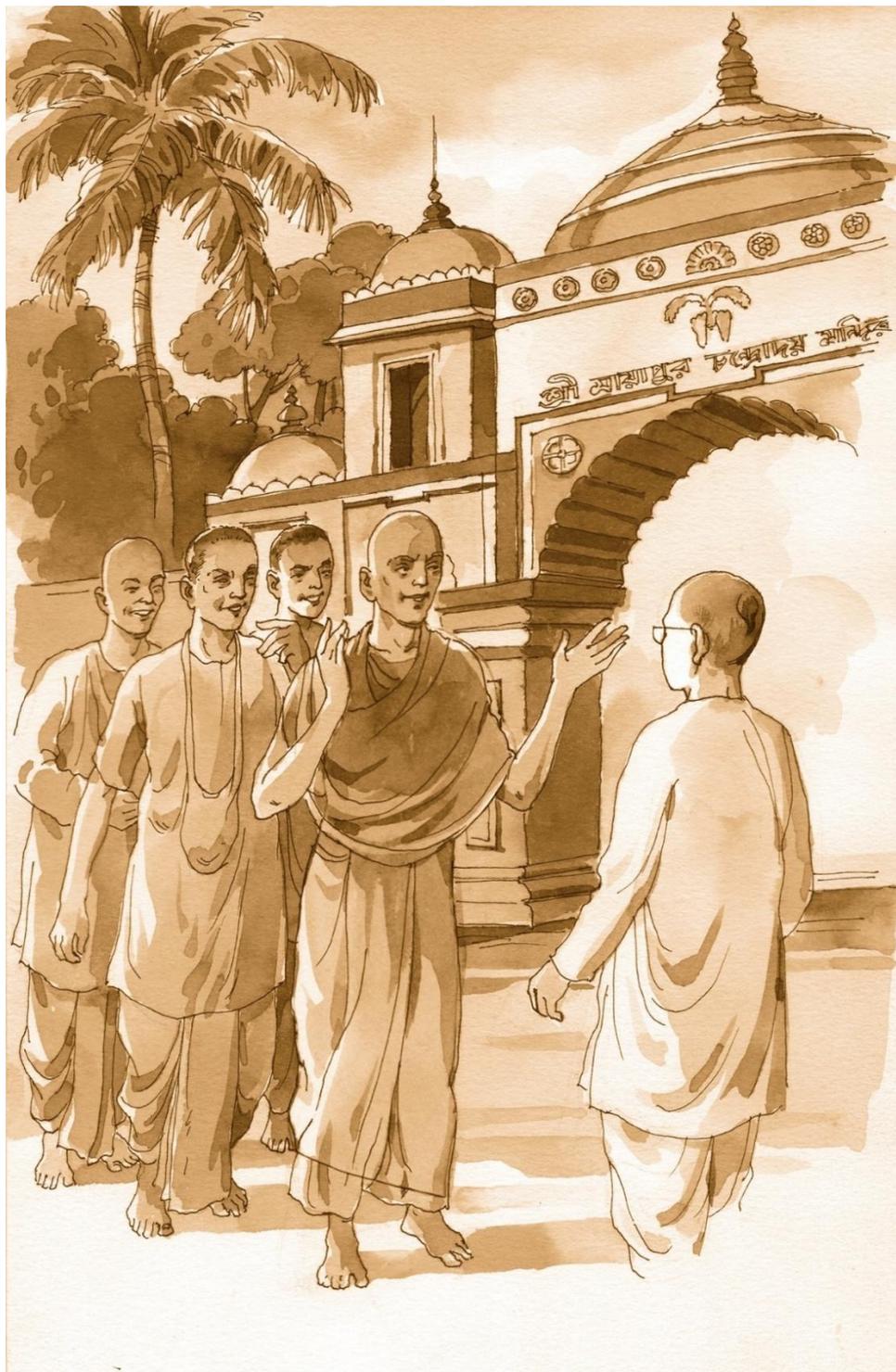
Храмом и общиной Маяпура управляли два ко-директора: Джаяпатака Свами и Бхавананда Госвами, оба из Америки. Джаяпатака Свами был совсем молодым, Бхавананда несколько постарше. Меня познакомили с ними в офисе, где они сидели на матрасе на полу, окружённые преданными. После краткого начального разговора они дали мне анкету для заполнения, где спрашивалось моё имя, адрес и другие детали. Один пункт в анкете особенно меня впечатлил — о том, что мне никогда не следует действовать каким-либо образом, который может навлечь бесчестье или позор на Шрилу Прабхупаду. Это глубоко укоренилось в моём сердце.

Затем меня познакомили с молодым итальянским *брахмачари* по имени Мадхусевита Дас, который служил командующим храма. Как военный командир, он выглядел серьёзным и суровым, что, по моему мнению, было вполне подобающим.

Он отвечал за распределение служений среди преданных, и первая услуга, которую он мне оказал, заключалась в том, что он помог мне приготовить *кичари*, смесь зерновых, *дала* и овощей, которые каждый день раздавались местным жителям в рамках программы распределения продовольствия.

Когда я пошёл на кухню и отрапортовал пожилому бенгальскому преданному, который отвечал за приготовление еды, он осмотрел меня с головы до ног. Было очевидно, что он не был впечатлён. Он вывел меня на задний двор, указал на кучу дров, приказал отнести дрова на кухню и ушёл.

Он не сказал мне, сколько дров следует принести, поэтому я просто продолжал носить охапку дров за охапкой, и к тому времени, как он вернулся, половина кухни была заполнена. Он бросил на меня

Преданные удивлены, увидев, как быстро я побрился

неодобрительный, брезгливый взгляд и сказал мне отнести большую часть дров обратно во двор. Затем он привёл меня в кладовую, попросил меня принести мешки с рисом и *дала* на кухню, и снова исчез.

Мешки, должно быть, весили по сто килограммов каждый; не было никакой возможности их поднять, не говоря уже о том, чтобы нести, поэтому я схватил первый мешок и начал тащить его по полу, но по пути он застрял между лестницей и столбом. Я потянул так сильно, как только мог, чтобы подвинуть его, но он не сдвинулся с места. Я рванул изо всех сил, мешок порвался, и всё рассыпалось по полу.

Тут, конечно, вернулся управляющий. Когда он увидел устроенный мной беспорядок, он так разозлился, что не сказал ни слова; он просто посмотрел на меня, давая понять без слов, что считал меня самым бесполезным человеком, которого он когда-либо встречал.

Я чувствовал, что моя неуклюжая попытка выполнить служение вызвала только разочарование у других преданных. Так началась моя духовная жизнь в Маяпуре.

На следующий день мне было поручено отправиться в поле с несколькими другими преданными и косить траву. Наконец, я подумал — служение, которое я мог выполнить без проблем. Но когда Бхавананда Махараджа услышал, что мне поручили делать, он рассердился и отчитал Мадхусевиту за привлечение меня к такой чёрной работе.

Мадхусевита подошёл ко мне и извинился. Он сказал мне, что это было обычной практикой: когда кто-то новенький приходил в храм, ему давали различные трудные задания, чтобы проверить его искренность. Я сказал, что мне на самом деле понравилась эта идея. Я начинал новую жизнь и был готов выполнять любое порученное мне служение. Таков был один из моих первых уроков в сознании Кришны: "жизнь предназначена для служения и удовлетворения Кришны".

Однако наше взаимопонимание длилось недолго, и однажды днём, когда Мадхусевита застал меня за чтением в библиотеке, он

приказал мне уйти и заняться чем-то полезным. Я знал, что всем разрешено немного отдыхать днём, поэтому я сказал ему, что читаю и предпочёл бы остаться. Если он не мог найти никого для работы, я помогу ему позже.

Возможно, никто никогда не отвечал Мадхусевите таким образом...особенно новичок. Он вспылал, назвав меня самым высокомерным человеком на его памяти. Я не стал спорить, а пошёл прямо к Бхавананде Махараджу в комнату и рассказал ему о том, как со мной обращались.

Бхавананда тут же спустился и снова отчитал Мадхусевиту. Тот смутился и сказал, что Шатадханья Свами велел ему постоянно занимать меня работой, чтобы у меня не оставалось времени соскользнуть в *майю*, иллюзорный аспект энергии Господа, который уводит человека прочь от Него. Тогда Бхавананда позвал Шатадханью и отчитал его тоже, спросив думает ли он, что руководит нацистским концентрационным лагерем.

С этого момента дела пошли более гладко. Преданные, казалось, благосклонно ко мне относились, я установил со всеми хорошие отношения, и даже Мадхусевита и я стали хорошими друзьями. Он был искренним и серьёзным преданным, отличающимся прямолинейностью. Он не терял времени на пустяки, его преданность Шриле Прабхупаде была очевидна, и он был полностью сосредоточен на своём служении.

Поначалу Бхавананда Госвами казался весьма возвышенным и неприступным, но со временем я сблизился и с ним. Он был впечатляющей, яркой личностью, с мощным телосложением и громогласным голосом. Он был прирождённым лидером и вызывал спонтанное восхищение и уважение. Он был старше большинства других преданных, и в то время, как почти у всех нас было довольно богемное и беззаботное прошлое, он был известной и видной фигурой в мире моды и кино Нью-Йорка. Всего лишь краткая встреча со Шрилой Прабхупадой заставила его предаться Кришне и в корне изменила его жизнь.

У меня всё ещё не было постоянного служения, поэтому преданные из разных отделов приглашали меня служить с ними. Сатвика Дас, молодой преданный, который заботился о коровах в *гошале*, коровнике, пригласил меня присоединиться к нему. Мне понравилась эта идея, но я также знал, что забота о коровах была одним из самых желанных служений. Поэтому я попросил Бхавананду Махараджа, но он сказал, что я не был предназначен для такого рода службы. Я был разочарован, но смирился с его решением.

Затем Хираньягарбха Дас, глава *гурукулы* — детской школы — и его помощник, Надиа Дас, пригласили меня преподавать вместе с ними. Я снова пошёл к Бхавананде Махараджу и попросил одобрить такое служение для меня, но он снова сказал, что оно мне не подходит. И снова я был разочарован. Я думал, что преподавание — это лучшая работа для меня, но он посчитал, что это не для меня.

Моя гордость была уязвлена, и я запротестовал: «Вы думаете, я ни на что не годен? Вы считаете меня негодным ни на одно служение!».

«Это не вопрос твоей квалификации», — парировал Махарадж. — «Когда ты увидишь, что ученики — это кучка деревенских детей, которые мочатся в кровать, и что класс воняет, боюсь, твоя идеалистическая мечта будет разрушена».

У меня был сосед по комнате, Тиртхапада Дас, чрезвычайно серьёзный молодой человек, американский преданный. Он никогда не терял ни минуты. Если у него было свободное время, он читал книги Шрилы Прабхупады и принимал *прасад* только после того, как закончил повторять предписанные шестнадцать кругов *маха-мантры*, что занимало почти два часа. Я был рад жить в одной комнате с таким убеждённым преданным.

Моей самой большой проблемой было вставать рано каждое утро. Дома я редко вставал раньше 8:00, но в Маяпуре от всех ожидали, что они будут вставать до 4:00 и приходить на *мангала-арати* в 4:30 утра. Тиртхапада вставал каждый день в 3:30 и будил меня перед тем, как идти совершать омовение. Когда он возвращался в комнату, он часто находил меня всё ещё лежащим в постели и должен был заставлять

меня встать. Я умолял его позволить мне поспать ещё немного, но он хватал конец моего матраса и поднимал его, пока я всё ещё лежал на нём, так что мне приходилось спрыгивать, чтобы не упасть на пол — и мы оба начинали хохотать.

Тиртхапада и его брат присоединились к ИСККОН вместе, но его брат недавно покинул движение, и Тиртхапада был опечален этим. Он был очень ласков со мной, как будто пытался вернуть брата, которого от потерял, помогая мне прийти к сознанию Кришны.

Жизнь в Маяпуре в те дни была очень простой. Каждый, независимо от возраста, национальности или положения, посещали *мангала-арати*, воспевали свои круги в храмовом зале, а затем шли на *шрингара-арати*, *гуру-пуджу* и лекцию по "Шримад-Бхагаватам". Мы все были заняты служением на протяжении всего дня, за исключением тех случаев, когда днём становилось слишком жарко, и тогда мы оставались дома и читали "Шримад-Бхагаватам" или книгу "Кришна, Верховная Личность Бога", краткое изложение Шрилой Прабхупадой Десятой песни "Бхагаватам". Вечером мы посещали *сандхья-арати* и лекцию по "Бхагавад-гите", и после *прасада* мы часто засиживались допоздна, делаясь своим опытом и пониманием сознания Кришны.

После утренней лекции по "Бхагаватам" мы обычно ели простой завтрак из *кичари* и приступали к подготовке овощей. Когда я только начинал жить в храме, после завтрака мы ничего не ели до 5:00 вечера, но в какой-то момент Бхавананда Махараджа понял, что перерыв между приёмами пищи был слишком велик, и организовал обеды в 13:30, и тогда все садились вместе на веранде у кухни, чтобы поесть овощи, *дал* и свежие горячие *чапати* — это была простая еда, которую мы считали настоящей роскошью.

У нас было несколько женщин, прекрасных поваров, в том числе, Кишори-валлабха Даси и Дидима, пожилая вдова из знатной бенгальской семьи. Все сладости для Божеств готовила Вриндавана Виласини Даси, преданная из Южной Африки, которая обосновалась в Маяпуре и овладела искусством приготовления десерта, которые обычно предлагались перед мангала-арати и вечером перед тем, как Божества отходили ко сну.

Самой вкусной едой был *маха-прасадам* из вечернего подношения. После того, как пища предлагалась Божествам, её перекладывали на большие тарелки и относили трём проживающим здесь *санньяси* - Джаяпатаке Махараджу, Бхавананде Махараджу и Шатадханья Махараджу. Когда они были обслужены, блюда приносились в конференц-зал, где Мадхусевита Дас раздавал еду всем остальным. После лекции по "Гите" мы бродили рядом, с нетерпением ожидая нашей очереди.

Однажды вечером *маха-прасад* не принесли. Прождав, казалось, целую вечность, мы поднялись наверх, чтобы разобраться, что происходит. На верхнем этаже мы нашли Мадхусевиту: он сидел на заднем балконе и поедал *прасад*. Мы все от души посмеялись, и после этого он всегда приносил блюда вниз сразу после того, как *санньяси* были накормлены.

В то время в Маяпуре было только одно завершённое сооружение — Здание Лотоса. Храмовый холл находился на первом этаже; конференц-зал, несколько кабинетов и кухня Божеств располагались на следующем этаже; покои Шрилы Прабхупады и комнаты для его секретаря и слуг были этажом выше, и на последнем этаже было несколько комнат для гостей. На крыше были две большие комнаты для Джаяпатаки Махараджа и Бхавананды Махараджа. Остальная часть комплекса Маяпура была ещё не построена. Мы жили в комнатах в ряд вдоль внешней стены, по обе стороны от главных ворот. Туалетов не было; наш единственный душ состоял из четырёх ручных насосов на зацементированном участке посреди открытого поля, и туалеты представляли собой ямы в земле, окружённые стенами из джутовой ткани в деревянных рамах.

Местность была полна ядовитых змей — гадюк, кобр и крайтов. Даже просто по дороге к насосам и туалетам можно было на каждом шагу распротиться с жизнью.

Когда Маяпур затопляло, вода поднималась на десять футов (3 метра), и змеи выползали из своих нор и плыли, скользя вокруг перил, ворот, деревьев и даже внутри здания — повсюду. Желая избавиться от змей, один преданный, Прадьюмна Дас из Ориссы, начал убивать их.

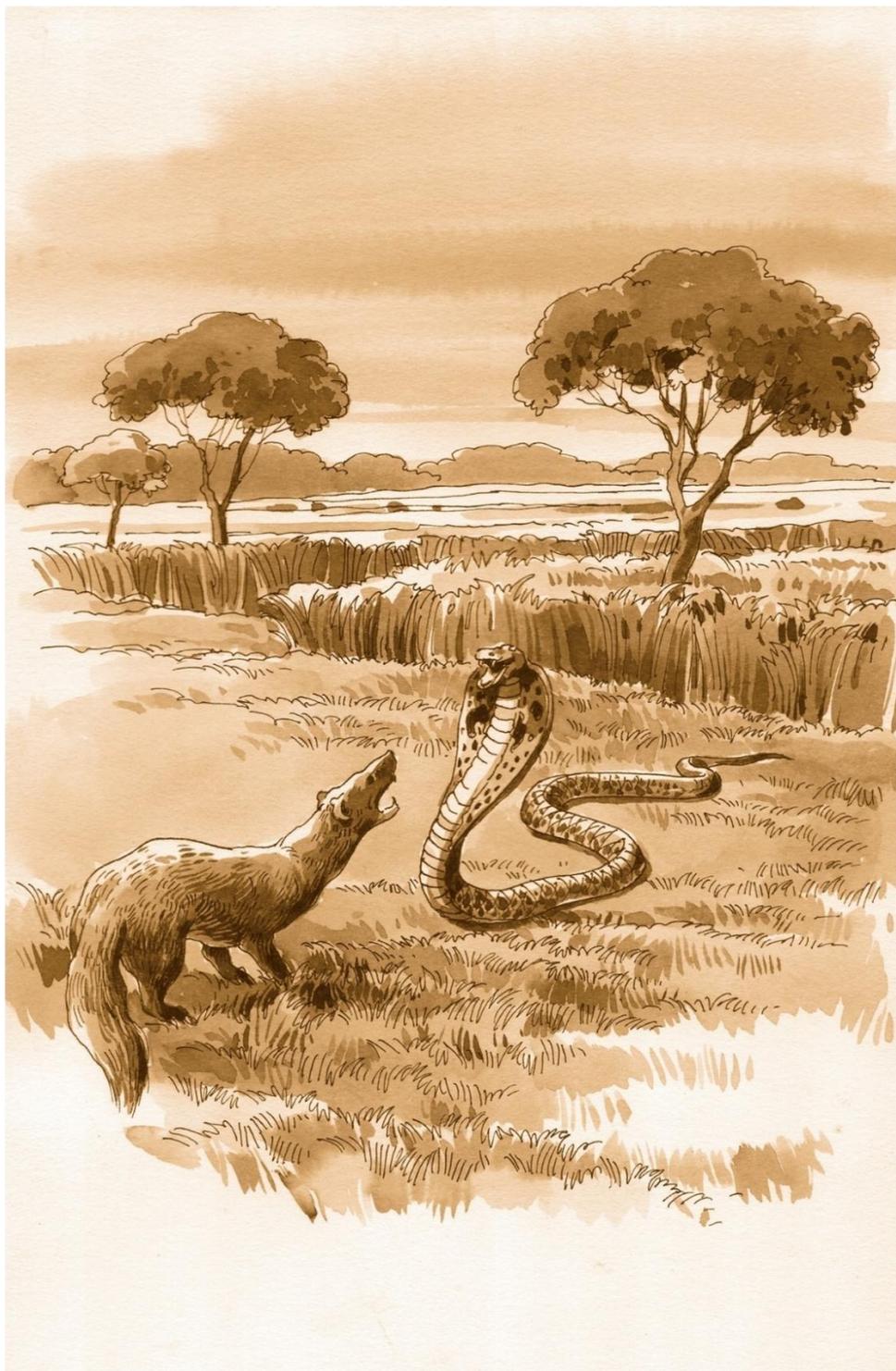
Он убил более пятидесяти и убил бы и больше, если бы мы не остановили его. И вот однажды один преданный увидел, как Прадьюмна идёт по веранде, а за ним следует кобра. Гладкий цементный пол не позволял змее ползти быстрее, поэтому преданный смог прогнать её, но если бы ему не удалось, Прадьюмна был бы укушен. Кобры были чрезвычайно мстительны, как мне сказали. Они могли заглянуть в глаза мёртвого товарища и увидеть лицо убийцы, а затем начать охоту за ним.

Однажды я стоял на задней веранде и увидел большую черную кобру, которая скользила по асфальтированной дороге. Вдруг выбежал мангуст и накинулся на змею. Как только кобра увидела мангуста, она зашипела и расправила капюшон. Несколько секунд они стояли лицом к лицу, почти неподвижно. Затем змея развернулась и ускользнула прочь, в рисовое поле, а мангуст погнался за ней.

Другой преданный, Ситанатха Дас — высокий, тихий, хрупкого телосложения американец — боялся змей. Ему казалось, что в его комнате постоянно есть змеи, даже днём. Однажды утром Бхавананда Махарадж сказал ему: «Ситанатха, если ты так боишься змей, ты никогда не попадёшь в духовный мир, потому что там обитает Ананта Шеша — змея». Я не мог понять реакцию Ситанатхи на заявление Махараджи, но тем не менее я получил огромную пользу от слов Бхавананды: с тех пор, когда бы я ни увидел змею или даже когда я просто думал о них, Ананта Шеша сразу приходил мне на ум.

Каким-то образом ни один из преданных не был укушен, и даже несмотря на погодные ненастья, полчища змей вокруг и более чем скромные условия проживания, мы были весьма довольны и полны энтузиазма в нашем сознании Кришны.

Через некоторое время мне наконец дали служение, которое было одобрено — помогать Панчаратне Дасу, энергичному молодому американцу, который руководил строительством Длинного здания (названного так потому, что это было самое длинное здание в Западной Бенгалии – целых 750 футов, 229 метров), в котором предполагалось 165 комнат для размещения приезжих преданных. Я работал в паре с его помощником, канадским преданным по имени Бхумна Дас: надо

Змея и мангуст на поле в Маяпуре

было покупать материалы в Калькутте, получать поставки строительных материалов, доставляемых по железной дороге, и работать с представителями местных органов власти для получения разрешений.

Когда я был свободен от служения, и у меня было время, я ходил в разные Гаудиа-матхи, ашрамы в других вайшнавских организациях, чтобы встретиться с духовными братьями Шрилы Прабхупады и другими старшими преданными. Я хотел узнать больше о Прабхупаде, а также о вайшнавах и сознании Кришны.

Во время одного из таких визитов — в Девананда-Гаудия-Матх в Навадвипе — я обнаружил некоторые из ранних трудов Прабхупады на бенгальском языке. Они были напечатаны в их ежемесячном журнале "Gauḍīya Patrikā", который он редактировал в конце сороковых-начале пятидесятых.

Прабхупада написал несколько серий статей для журнала. Первая из них называлась "Bhagavāner Kathā" («Знание о Всевышнем»), в ответ на редакционную статью в популярной английской ежедневной газете "Amrita Bazar Patrika". Автор редакционной статьи писал, что хотя Индия стала независимой от британского правления, положение страны не улучшилось, что доказывало то, что воля провидения состоит в том, чтобы человечество страдало и боролось за выживание. Шрила Прабхупада возражал, что настоящий мир и процветание не может быть достигнуто политическими или иными материальными мерами. Единственный способ достичь мира — предаться Кришне, Верховной Личности Бога. Его аргументы были блестящими, и я видел, что даже в 1948 году, когда Прабхупада был ещё семейным человеком, он был уже совершенно твёрд в своей убеждённости и чистой преданности. Потом, посоветовавшись с Панчаратной и Джаяпатакой Махараджем, я решил собрать статьи Шрилы Прабхупады в книгу, которая вышла в объёме шестидесяти четырёх страниц — "Bhagavāner Kathā: Words about the Supreme Personality of Godhead (Слова о Верховной Личности Бога)".

Итак, дела шли хорошо, но мне очень хотелось встретиться со Шрилой Прабхупадой. Мне нравилось слушать истории о нём. Один

преданный, Камала Нараяна Дас, был образованным бенгальским джентльменом средних лет, который однажды случайно услышал речь Шрилы Прабхупады на одной программе в Калькутте. Он был настолько впечатлен, что передал свой бизнес своему сыну, заставил его пообещать, что тот позаботится о своей матери, и ушёл из дома, чтобы присоединиться к ИСККОН. Он предался в мгновение ока.

Камала Нараяна рассказал мне о том, каким любящим и заботливым был Шрила Прабхупада. Когда Прабхупада узнал, что Камала Нараяна оставил свою семью, чтобы присоединиться к ИСККОН, он очень забеспокоился о жене Камалы Нараяны и всякий раз, когда он встречался с Камала Нараяной, он спрашивал, как дела у его жены.

Камала Нараяна также сказал мне, как сильно он восхищается преданностью, любовью и преданностью западных преданных Шриле Прабхупаде. Если бы Прабхупада попросил их спрыгнуть с крыши, сказал Камала Нараяна, преданные сделали бы это, не моргнув глазом.

Одной из особенно динамичных групп преданных была группа "Нама-хатты", возглавляемая Гуру Крипа Свами. Это была шумная компания из примерно пятнадцати человек — в основном американцы, которые приехали из Японии, где они проповедовали, и их присутствие привнесло заразительную динамику в обычную тихую атмосферу Маяпура. Когда они танцевали во время *киртана*, весь храм был охвачен экстазом.

Мы иногда ходили на берег Ганги неподалёку, где проводились поединки по борьбе между группой "Нама-хатты" и преданными Маяпура. Однажды мне пришлось бороться с одним из "Нама-хатт". Он победил меня (довольно легко), его группа ликовала. Однако Джаяпатака Махарадж наблюдал за поединком и не захотел принимать поражение. Он вскочил и зарычал, как лев, бросая вызов любому, кто осмелится сойтись с ним лицом к лицу. На мгновение наступила полная тишина. Затем Гуру Крипа Свами указал на одного из своих людей — высокого, могучего преданного, который был под стать Махараджу и мог бы принять вызов. Это было настоящее зрелище: Джаяпатака Махарадж был словно наделён какой-то особой силой, и

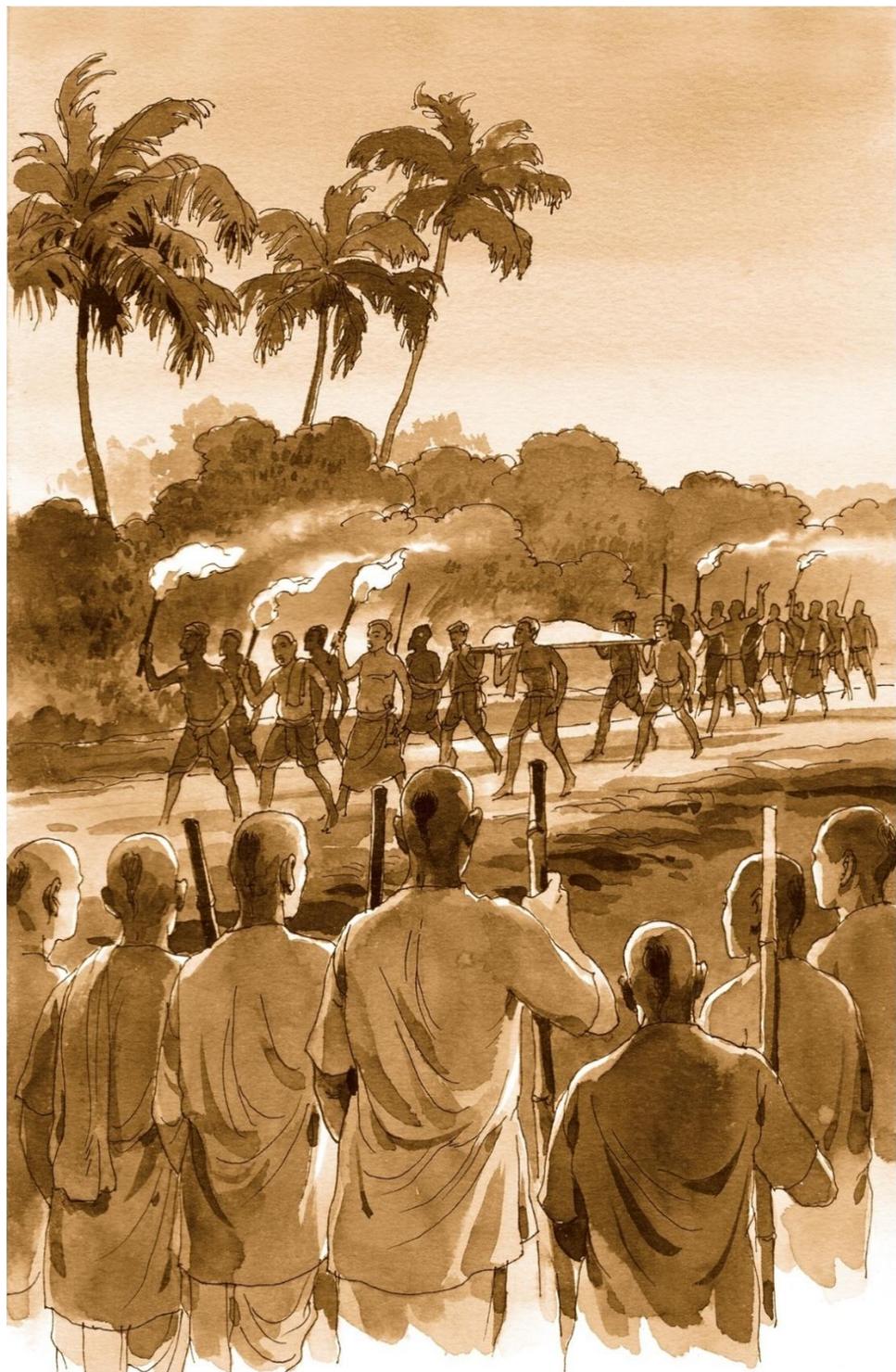
после недолгой борьбы он просто схватил того преданного и швырнул его на землю.

Однажды вечером мы все сидели в комнате Джаяпатаки Махараджа и читали "Шри Чайтанья-Чаритамриту", трансцендентную биографию Шри Чайтаньи Махапрабху. Вдруг прибежал Абхиманью Дас, преданный из Англии, который был назначен начальником службы безопасности, так как у него была военная подготовка — раньше он был офицером британской армии. Он сказал, что *дакойты* (бандиты) собирались напасть на храм. Но Махарадж не поверил ему. Немного раздражённый тем, что его прервали посреди чтения, он сказал: «Абхиманью, это просто твоя паранойя». Но Абхиманью был взвинчен и настаивал, что так оно и есть, так что наконец, чтобы успокоить его, Махарадж встал и сказал: «Ладно, пойдём и встретимся с этими "дакойтами"».

Держа палки в руках, во главе с Махараджем, мы все направились к главным воротам. Вдали мы увидели толпу людей горящими факелами, которые приближались к нам. Когда они подошли, мы слышали крики «Боло Хари, Хари Бол!» — это была традиционная молитва о Господней милости, которую поют во время несения мёртвого тела. Это было похоронное шествие — судя по его количеству народа, несли какую-то важную персону. Джаяпатака Махарадж ничего не сказал. Он просто повернулся и зашагал обратно в свою комнату; остальные последовали за ним.

Махарадж был прирождённым лидером — он был полон энергии и работал с утра до вечера. Нам было очень весело вместе. Как-то он получил лук и стрелы из Америки, и мы практиковались в стрельбе из лука в саду перед зданием "Лотоса". Он был превосходным стрелком и попадал в яблочко практически каждый раз. Он был экспертом по плаванию, и он не только пересекал Гангу без усилий, но и не раз спасал тонущих верующих. А когда на самом деле возникла угроза нападения бандитов, Махарадж вставал у них на пути. Мы всегда чувствовали себя в безопасности под его началом.

Божества Маяпура, Шри Шри Радха-Мадхава, были ростом 18 дюймов (46 см). Они были высокие и сделаны из восьми благоприятных

Похоронная процессия ошибочно принята за нападение бандитов

металлов. Они были лично установлены Шрилой Прабхупадой. Я начал развивать отношения с Ними, и всякий раз, когда удавалась минутка, я садился перед Ними, медитируя на Их трансцендентную красоту.

Однажды утром после завтрака я сидел перед Ними, воспевая святые имена, и вдруг меня охватило глубокое осознание: воспевая *маха-мантру* — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе — я на самом деле общался с Кришной, и Он слушал. Я приблизился к Шри Мадхаве, всматриваясь в Его черты. Вдруг я воистину, полностью осознал, что Он был верховным владельцем и контролёром — Верховной Личностью Бога. У меня уже было рациональное понимание этого из прочитанных мною книг, но моё новое осознание было иным и выходило за рамки осмысленного; это было глубокое осознание.

Тогда мне пришло в голову, что я могу просить у Него всё, что угодно, и что Он удовлетворит мою просьбу. Мысли начали мелькать в моей голове — Что мне просить у Него? Богатства ли просить? Положения? Признания и славы? Я был полностью уверен, что все, о чем я попрошу, я получу.

Но потом я подумал: если я завтра умру, какая будет во всём этом польза?

С огромным облегчением я решил попросить что-нибудь, что будет со мной навсегда. Я взмолился: «Пожалуйста, позволь мне стать Твоим преданным и оставаться занятым вечно в любящем служении Тебе».

Глубокое спокойствие поселилось в моём сердце, и меня переполнила неопишуемая радость. Я распростёрся на полу и пролежал так долго-долго, преисполненный благодарности и любовью.

Анирдешья Вапу также приехал в Маяпур, и моя дружба с ним продолжалась. Мы совершали долгие прогулки и иногда ходили на расстояние километра вверх по Ганге и потом плыли обратно вниз по течению. Мы говорили на разные темы, но в основном о нашей

духовной жизни. Он был из Лос-Анджелеса, а его отец, как и мой, работал в киноиндустрии, только в Америке. Его также с детства интересовали вопросы духовности. Ещё будучи подростком, он встретил преданных и сразу же почувствовал тягу к Кришне, особенно после прочтения книг Шрилы Прабхупады. Вскоре после этого он присоединился к ИСККОН и отправился в Индию, чтобы посвятить себя движению. Индийская культура была ему чрезвычайно любопытна, и он много расспрашивал меня о моей родине. Он любил рассказывать другим, как он знал, что я стану преданным, с первой же нашей встречи. И я рассказывал им, как он сразу же вовлёк меня к нарезке фруктов для Божеств, и что только благодаря этому служению я вообще стал преданным.

Однажды утром во время завтрака Мадхусевита объявил, что Шрила Прабхупада только что прибыл в Бомбей. Моё сердце подпрыгнуло, и я побежал к Бхавананду Махараджу и сказал ему, что мне нужно поехать в Бомбей, чтобы увидеть Прабхупаду. Однако Махараджа не одобрил эту идею. «Даже если ты поедешь, — сказал он мне, — ты не сможешь к нему подойти. Там тебя никто не знает. И кроме того, здоровье Шрилы Прабхупады неважное; он почти ни с кем не видится. Подожди, пока он приедет сюда. Он скоро приедет, и у тебя будет много возможностей увидеть и поговорить с ним».

Я принял совет Махараджа и старался быть терпеливым. И вот однажды мы получили известие, что Прабхупада собирается на Кумбха-мелу в Аллахабад, примерно в восьмистах километрах на северо-запад, три дня езды на автобусе. Гуру Крипа Свами собирался туда со своими ребятами из группы "Нама-хатта", и некоторые из наших Маяпурских во главе с Бхаванандой Махараджем планировали присоединиться к ним. Я очень хотел поехать.

4. Кумбха-мела

(10 января – 18 января 1977 г.)

Кумбха-мела, проводимая в Аллахабаде каждые двенадцать лет, является крупнейшим в мире мероприятием, привлекающим до ста миллионов человек к месту слияния рек Ганги, Ямуны и Сарасвати. Чтобы принять участие, нам нужно было сделать прививки от холеры и других инфекционных заболеваний. К сожалению, мой организм отреагировал на прививку, и накануне нашего запланированного отъезда у меня всё ещё была высокая температура. Бхавананда Махараджа не думал, что мне следует отправляться в путешествие, но я ни за что не соглашался упустить возможность встретиться со Шрилой Прабхупадой, и, увидев мою решимость, Махарадж согласился.

На следующее утро, приняв пару таблеток "Экседрина", я присоединился к группе из тридцати преданных, и мы сели на автобус в Навадвипе, городе на другой стороне Ганги. Под руководством энергичных преданных из "Нама-хатты" мы провели все три дня поездки, распевая *киртан*, весело смеясь всевозможным шуткам и угощаясь щедрым *прасадом*.

Хотя у меня было общее представление о Кумбха-меле, перед поездкой я решил прочитать кое-какие из книг Шрилы Прабхупады об этом. Прабхупада описал пахтание молочного океана *деватами*

(полубогами) и *данавасами* (демонами), что и послужило основой фестиваля. *Деваты* были прокляты Дурвасой Муни, чрезвычайно могущественным мистиком-йогом, и потеряв свои волшебные силы, они были побеждены *данавами* и были вынуждены бежать из предназначенной для них обители - небесного царства. Они пошли к Господу Брахме и пожаловались на своё затруднительное положение, и Брахма, вместе со всеми другими полубогами, пошёл к Господу Вишну на берегу молочного океана и предложил Ему молитвы. Господь предстал перед ними и посоветовал им заключить временное перемирие с демонами, чтобы сбить нектар из молочного океана. Согласно Его наставлениям, полубоги заключили мир с царём Бали, царём демонов, и предложили вместе вспахать молочный океан, чтобы получить из него нектар и поделить между собой. Они решили использовать небесную гору Мандара, расположенную в высших областях вселенной, как венчик для взбития, и попросили царя змей Васуки послужить верёвкой. Полубоги и демоны изо всех сил старались принести тяжёлую гору, но не смогли сдвинуть её с места. Будучи сострадательным, им явился Господь на Своем возничем Гаруде: он поставил гору на спину Гаруды и отвёз её к молочному океану. Что полубоги и демоны не смогли сделать даже вместе, возница Господа, Гаруда, легко сделал в одиночку. Затем полубоги и демоны попытались взбить молочный океан, используя гору Мандара как мутовку, а Васуки — как верёвку. Демоны расположились возле пасти великой змеи, полубоги в хвосте. С большим усилием они начали тянуть Васуки в в обоих направлениях, но так как гора Мандара была очень тяжёлой и её ничто не держало, она упала в молочный океан. Верховная Личность Бога тогда проявилась как Господь Курма (Господь в форме черепахи) — и черепаха подняла гору Мандара и удерживала её на Своей спине.

Первое, что получилось в результате сбивания, было огромное количество смертельного яда. Праджапати, изначальный прародитель вселенной, осознавая опасность яда для всего творения, попросил Господа Шиву выпить его. Господь Шива набрал яд в свои пригоршни и выпил его. Он не пострадал, но его горло посинело, и вот так он получил имя Нилакантха, «синее горло». Небольшое количество яда соскользнуло из рук Господа Шивы на землю, где его поглотили

некоторые живые существа, что привело к появлению ядовитых змей, скорпионов, ядовитых растений и других созданий.

В результате сбивания молочного океана появилась корова Сурабхи, небесный конь Уччаихшрава, а также великолепный слон Айравата, драгоценный камень Каустубха и другие благоприятные существа. Затем появилась Лакшмидеви (богиня удачи) и приняла Господа Вишну как своего мужа. Наконец, Дханвантари, воплощение Господа, появился с горшочком нектара.

Демоны тут же выхватили горшочек и начали драться между собой, кто из них первый выпьет нектар. Во время их драки часть нектара пролилась в четырёх разных местах — в Праяге, Харидваре, Насике и Удджайне — и говорят, что с тех пор нектар снова проявляется в этих четырёх местах каждые двенадцать лет во время Кумбха-мелы, когда воды Ганги, Ямуны, и Сарасвати превращаются в нектар, и тот, кто купается в месте слияния этих рек, освобождается от цикла рождений и смертей.

Садху (святые люди и те, кто следует духовным практикам) приезжают сюда из всех уголков Индии и всего мира. *Йоги* прекращают свои медитации и спускаются из своих отдалённых пещер на вершинах Гималаев. Я слышал, что Шрила Прабхупада говорил о том, что жители других планет также присутствуют на этом фестивале, скрывая свои личности и смешиваясь с толпой.

Кумбха-мела всегда привлекает миллионы людей, но этот год был годом особой *пурна-кумбха-мелы*: это случается, когда горшок с нектаром наполняется до краёв, что происходит только один раз в 144 года.

ИСККОН приобрёл участок земли на месте проведения Кумбха-мелы; он простирался на многие квадратные мили. Там устанавливаются палатки для проведения программ и размещения преданных. В разных местах *йоги* демонстрировали свои навыки и достижения. Один из них запер себя в сундуке и похоронил на несколько дней. Его появление невредимым произвело огромную

сенсацию, но мне всё это было не очень интересно; целью моего приезда была встреча с моим духовным учителем.

Как только мы приехали, я бросил сумку в нашей палатке и побежал искать Шрилу Прабхупаду, который жил в большой палатке, окружённой гофрированными листами жестяного забора. Когда я попытался войти, однако, один очень высокий и крупного телосложения преданный с Запада, охранявший ворота, остановил меня и сказал вернуться вечером, когда Шрила Прабхупада будет проводить *даршан* (аудиенцию).

Разочарованный, я пошёл обратно. Но по дороге я встретил Бхавананду Махараджа, который нёс корзину с овощами, привезёнными из Маяпура. «Пойдём!» — сказал он, — «Я собираюсь на встречу со Шрилой Прабхупадой».

Радуюсь, что я все-таки смогу увидеть Прабхупаду, я присоединился к нему. Когда мы подошли к воротам, охранник, узнав Махараджа, предложил свои поклоны и отошёл в сторону. Мы приблизились к палатке, и внутри я увидел Шрилу Прабхупаду, сидящего на полу за столом. Было темно, поэтому я не мог хорошо его разглядеть, но даже тени шафрановых одежд Прабхупады было достаточно, чтобы наполнить моё сердце радостью. Я ждал этого момента в течение многих лет и почувствовал, что достиг конечной цели моей жизни. Слезы брызнули из моих глаз, и я упал на землю и предложил мои поклоны. Когда я поднялся, ошеломлённый и подавленный, я шагнул вперёд, чтобы войти внутрь, но Рамешвара Свами, секретарь Прабхупады, остановил меня и сказал, что Шрила Прабхупада обедает, и что мне не следует входить.

Моё состояние благоговения было прервано, я вернулся к реальности окружающего мира, разочарованный и опечаленный. Почему я предложил поклоны, находясь снаружи? Я упрекал себя. Почему я не вошёл с Бхаванандой Махараджем и не поклонился внутри? Никто бы не остановил меня.

Я снова пошёл обратно к своей палатке с тяжёлым сердцем. Я начал осознавать, что не так-то просто приблизиться к Шриле

Прабхупаде. У него были тысячи учеников по всему миру, и многие из них были высококвалифицированными и служили ему годами. Кто я был такой по сравнению с ними? Я только что присоединился к движению и едва ли сослужил хоть кому-то какую-то службу. Принимая реальность моей ситуации, я решил не пытаться обратиться к Прабхупаде напрямую; я решил восхищаться им, поклоняться ему и служить ему на расстоянии.

В тот же день Шридхара Свами, канадский *санньяси*, собрал группу их нескольких преданных, чтобы пойти распространять книги Шрилы Прабхупады. Фестиваль был прекрасным для этого местом — нас окружали миллионы паломников, у всех был интерес к духовной жизни. Мы знали о силе книг Прабхупады, о том, как любой может извлечь духовную пользу от простого соприкосновения с ними. Я сам испытал их эффект: чтение "Нектара преданности" привело меня к духовному пробуждению и затем в общество преданных и к лотосным стопам Шрилы Прабхупады.

Джаяпатака Свами часто возил нас за пределы Маяпура, чтобы раздавать книги в близлежащих городах, и иногда мы неделями разъезжали по окрестностям в фургоне Mercedes Benz, привезённом специально для этой цели из Германии. Нас было примерно полдюжины — мы ездили в близлежащие города, распространяли книги в течение дня и приглашали людей на вечерние программы, на которых Джаяпатака Махараджа давал лекции. Он не говорил на бенгальском свободно, но люди всё равно были впечатлены, увидев западного человека, говорящего на тему философии Бхагаваты.

На бенгальском языке тогда была только одна книга — "Gītār Gān", поэтическое изложение "Бхагавадгиты" Шрилы Прабхупады — поэтому в Маяпуре у нас не было разнообразия книг, которые мы могли распространять, но на Кумбха-мелу мы привезли с собой книги и на хинди, и на английском.

Реакция на предложение книг была удивительной. Большинство паломников были довольно бедны, но многие покупали книги, и почти все реагировали положительно.

Я так увлёкся распространением книг, что почти забыл, что Прабхупада собирался дать *даршан* вечером. Когда я внезапно вспомнил и побежал обратно к его палатке, она была полностью забита. В палатке должно быть, собралась тысяча человек, но мне удалось протиснуться между последним рядом и задней стеной. Только от вида Шрилы Прабхупады меня наполнила невероятная радость, и всё, что я мог слышать, был мой собственный пульс – моё сердце колотилось так, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Всё моё тело стало дрожать, и слёзы затуманили мне зрение. Я никогда ничего не чувствовал ничего подобного — я был в полном восторге.

Когда я пришёл в себя, я увидел Шрилу Прабхупаду именно таким, каким он явился мне во сне после прочтения "Нектара преданности"; он казался ярким, как солнце, сидя на *вьясасане*, которая выглядела как трон. Он сидел очень прямо, в позе лотоса, с цветочной гирляндой вокруг шеи. Его подбородок был слегка приподнят, когда он смотрел на толпу — он выглядел как трансцендентный аристократ, преисполненный сознания Кришны и готовый им поделиться со всеми присутствующими.

Люди задавали Шриле Прабхупаде вопросы, и он отвечал на хинди с лёгкостью и уверенностью авторитета. Некоторые из вопросов были сложные и даже неприятные. Один уважаемый на вид мужчина средних лет спросил: «Зачем вы строите все эти новые здания храмов, когда так много старых храмов нуждаются в ремонте?».

Вместо того чтобы ответить ему прямо, Прабхупада спросил мужчину:

«Кто эта дама сидит рядом с вами?».

«Она моя жена».

«Почему вы поженились?».

Мужчина помолчал, раздумывая, как ответить.

Прабхупада продолжал: *«Лутрате кривате бхарья — человек берёт себе кого-то в жены для того, чтобы иметь детей. Но почему вы хотите иметь детей, когда так много детей-сирот слоняются по улицам? Так же, как вы хотите иметь собственных детей, преданные Господа хотят строить храмы для Него, чтобы показать Ему свою любовь».*

Мужчине больше нечего было сказать.

Один молодой человек, чья одежда выдавала в нем выходца из Бхараты Севашрам Санги — бенгальской группы, занимающейся деятельностью в сфере социального обеспечения, которая оказывала помощь при наводнениях, голоде или землетрясениях, спросил Шрилу Прабхупаду, делал ли он что-то, что приносило бы пользу обществу.

Он задал свой вопрос на бенгали, но Прабхупада ответил на хинди, сказав, что истинная благотворительная деятельность — реальный способ принести пользу людям — это дать им сознание Кришны. Обеспечение едой и убежищем и помощь в беде — это всего лишь временное облегчение страданий, которое не решает подлинную дилемму. Реальная проблема, сказал он, будет решена только тогда, когда люди разовьют свои любовные отношения со Шри Кришной, Верховной Личностью Бога.

Мужчина спросил: «Разве не следует помогать людям, когда они в беде?».

Шрила Прабхупада ответил, что социальная помощь всегда временна. Хотя это и хорошая идея сама по себе, проблемы людей никуда не уйдут до тех пор, пока люди продолжают пребывать в материальном мире. Только предавшись Кришне человек может навсегда освободиться от всех материальных страданий, избавившись от рабства материи и возвысившись до духовного мира, полного бесконечной радости.

Но тот человек не смог понять мудрых слов Прабхупады.

«Я задал вам вопрос на бенгали», — сказал он с вызовом. — «Почему вы отвечаете на хинди, разве вы сами не бенгалец?».

Шрила Прабхупада повысил голос. «Бенгали или хинди, это не имеет значения», — заявил он. — «Что действительно имеет значение, так это то, чтобы вы поняли то, что я говорю».

Мужчина казался опустошённым, и я засомневался, что он когда-нибудь придёт в ИСККОН ещё раз. Но годы спустя, после ухода Прабхупады, как-то раз я увидел его в Маяпуре: он стал преданным.

Время на Кумбха-меле проходило замечательно, и я чувствовал себя одухотворённым. Около трёхсот преданных приехали со всех уголков мира, и я наслаждался их общением. Однажды утром, когда я чистил зубы в туалете, находившийся рядом со мной молодой американский преданный мне мило улыбнулся и спросил, как меня зовут. Я представился и сказал ему, что я из Маяпура. В ответ он тихо сказал, что его зовут Гирирадж Дас; он приехал из Бомбея. С первой же встречи я почувствовал глубокую симпатию к этому доброму преданному. Позже я узнал, что он был президентом храма в Бомбее. Он происходил из богатой семьи — его отец был судьёй в верховном суде в Чикаго. Он встретил Шрилу Прабхупаду в 1969 году, во время обучения в Университете Брандейса, недалеко от Бостона, и почти сразу присоединился к ИСККОН и посвятил себя служению Прабхупаде. Он приехал в Индию и делал всё возможное для распространения движения, перенося всевозможные трудности. Его отец пытался "вернуть его в чувства", но ни одна из его попыток, даже предложение миллиона долларов, не увенчалась успехом. Благодаря своей искренности и преданности Гирирадж Прабху стал очень дорог Шриле Прабхупаде — он относился к нему с большой любовью.

Каждый день преданные вставали рано утром, чтобы отслужить *мангала-арати* и воспеть *джану*, а затем шли в палатку Шрилы Прабхупады для *гуру-пуджи*. Однажды утром во время *гуру-пуджи* один из преданных проводил оживлённый *киртан*, а все остальные подпрыгивали в экстазе. Когда он начал петь «*Бхаджа Харе Кришна, Харе Кришна*», Прабхупада вдруг закричал остановить *киртан*. Все замерли; в палатке стало тихо. «Где ты этому научился? *Бхаджа Харе Кришна?*» — взревел Прабхупада.

Преданный онемел от шока и смущения. Прабхупада продолжил: «Харе Кришна *маха-мантру* следует повторять так: *Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе*. К этому не следует ничего добавлять, и ничего не должно быть опущено».

После *гуру-пуджи* Шрила Прабхупада давал лекцию по "Шримад - Бхагаватам". Он держал нас всех в напряженном внимании, каждое слово привносило какие-то новые реализации, как будто духовная реальность проявлялась прямо перед нашими глазами.

После занятий мы садились завтракать и обсуждали наше понимание услышанного. Потом мы шли распространять книги, а вечером возвращались в палатку Прабхупады, чтобы получить *даршан*. Я просто сидел позади, в состоянии полного восторга, впитывая в себя урок и присутствие учителя.

Накануне одного из самых благоприятных дней для омовения — когда три реки превращаются в нектар — Шрила Прабхупада выразил своё желание искупаться в Тривени. Он не хотел делать это в толпе, так что он попросил преданных пойти в самый благоприятный час к реке и принести воды, чтобы он мог искупаться в ней на следующий день.

Двое верующих сумели добраться до Тривени и вернуться с ведром воды. На следующее утро во время *даршана* старший преданный спросил, как прошло его омовение. Прабхупада задумался на мгновение, а затем ответил, что это было похоже на обычную ванну в обычной воде из-под крана. Он объяснил, что несмотря на то, что миллионы людей приезжали в Тривени, чтобы принять омовение во время Кумбха-мелы, любое другое действие ради удовольствия Кришны в любом другом месте на планете было бы более благоприятным.

Вся атмосфера Кумбха-мелы была пропитана восторгом, но существовала одна проблема. Место было настолько людным и шумным, даже по ночам, что Шрила Прабхупада не мог работать над переводом "Шримад-Бхагаватам" и не мог писать свои комментарии. И вот однажды утром он позвал своих старших учеников и сказал им,

что он решил уехать. К тому времени я уже принял тот факт, что у меня не получится физически быть рядом с Прабхупадой, поэтому я не был слишком разочарован. Я решил удовлетвориться тем, что могу служить ему на расстоянии, в настроении разлуки. Меня устраивало все, что бы он ни сделал; я бы продолжал служить ему, несмотря ни на что.

После лекции по "Бхагаватам" в тот день Бхавананда Махарадж сказал мне:

«Шрила Прабхупада собирается покинуть Кумбха-мелу сегодня вечером».

«Да», — ответил я, — «я слышал».

Но тут я был потрясён тем, что услышал дальше: «Небольшая группа преданных поедет с ним, и ты в том числе».

Я не мог поверить своим ушам. Я был так взволнован и счастлив, что практически пустился в пляс. Мысль о том, что я буду ехать в поезде вместе со Шрилой Прабхупадой заставила меня почувствовать себя самым счастливым человеком в мире. Все, что я мог сделать, это снова и снова благодарить Махараджа.

Мы уехали той ночью в вагоне первого класса поезда, направлявшегося в Калькутту. Весь вагон был зарезервирован для Шрилы Прабхупады и его окружения — четырнадцать преданных, среди которых был и я. Сотни преданных пришли на вокзал, чтобы проводить Прабхупаду, помахав рукой и выразив почтение. Я стоял у дверей вагона и махал рукой в ответ, радуясь своей удаче.

Как только поезд тронулся, мы все легли спать. На следующее утро, после умывания, я читал *джану* в своём купе, когда Бхавананда Махараджа пришёл и сказал: «Пойдём, я отведу тебя к Шриле Прабхупаде».

Я с нетерпением ждал встречи с Прабхупадой с того момента, как приехал в Маяпур, но теперь, когда Махараджа предоставил мне непосредственную возможность, я вдруг чувствовал себя не

достойным этого. Я боялся, что он посмотрит сквозь меня, в моё сердце, и увидит всю грязь, все греховные действия, которые я когда-либо совершил. Он отвергнет меня, откажется дать мне своё убежище. Я слышал, что были преданные, которые ждали годами, чтобы получить инициацию у Прабхупады, но так и не были приняты им.

Бхавананда, казалось, знал в точности, что именно я чувствую. Он просто схватил меня за руку, потащил по коридору, открыл дверь купе Прабхупады и втолкнул меня внутрь. Внутри я упал на пол, предлагая свои поклоны.

Когда я встал, Шрила Прабхупада смотрел на меня, сладко улыбаясь, и попросил сесть рядом с ним. На сиденье напротив него сидели Джаяпатака Свами, Рамешвара Махарадж и Бхавананда. Абхирама дас, президент храма в Калькутте, сидел на полу. Я колебался, принимать ли предложение Прабхупады, и думал, что мне тоже лучше сесть на пол, но он настоял:

«Нет, ты садись здесь».

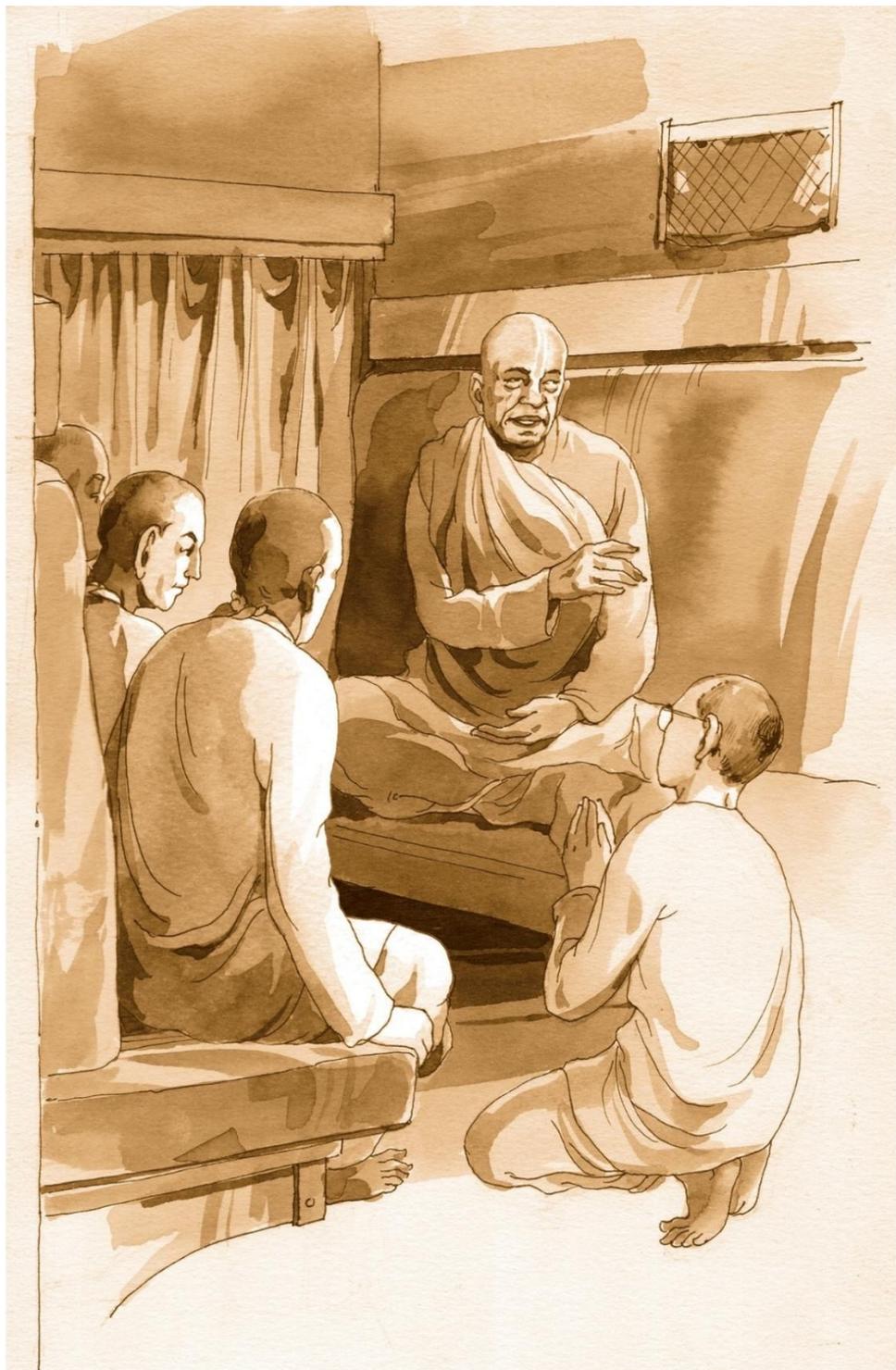
Поэтому я сложил уголок одеяла, расстеленного на сиденье, и сел на самый краешек. Затем, после некоторых вводных реплик, Шрила Прабхупада дал мне прямое указание: «Ты должен перевести мои книги на бенгали».

Моё сердце подпрыгивало от радости, но я не был уверен, что понял его правильно.

«Шрила Прабхупада», — сказал я, — «У меня нет особого опыта перевода с английского на бенгали. Смогу ли я сделать это правильно?».

«Просто делай», — заверил он меня. — «Человек достигает совершенства посредством практики».

Когда я вышел из комнаты, мне пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не спал. Я не мог поверить своему счастью! При первой же нашей встрече Шрила Прабхупада дал мне это невероятное

Первая встреча со Шрилой Прабхунадой в поезде

служение. Я знал, что он считал публикацию и распространение своих книг делом первостепенной важности, и я слышал, что так как многие книги были написаны на бенгали нашими предыдущими *ачарьями*, он был особенно пристрастен в отношении переводов на бенгали. Я просто продолжал молиться Кришне, чтобы мог выполнить свой долг и исполнить наставления Прабхупады.

Когда мы прибыли в храм в Калькутте, Шриле Прабхупаде очень понравились *шрингара* Божеств — Их наряды и украшения.

«Кто Их так украсил?» — спросил он.

Пурнапрагья дас, главный *пуджари* (священник, служащий Божествам), сказал, что это сделала его жена, Нараяни Деви Даси. Шрила Прабхупада очень порадовался и процитировал стих "Шри Гурваштаки": *ш́рī-ви́грахā́рā́дхана-ни́тйа-на́нā-ш́рн̄gā́ра-тан-манди́ра-ма́рджанā́дау* — духовный учитель всегда занимается поклонением храмовым Божествам Шри Шри Радхи и Кришны. Преданным, сказал Прабхупада, следует украшать Его самым наилучшим образом, чтобы выразить свою любовь к Господу.

Пребывание Шрилы Прабхупады в Калькутте было чрезвычайно насыщенным. Он был знаком там со множеством преданных, и многие из них пришли увидеть его. Однажды несколько журналистов пришли взять у него интервью по поводу его достижений на Западе. «Шрила Прабхупада», — сказал один из них, — «то, что вы сделали, просто беспрецедентно. Никогда в истории такого не случилось. За короткое время ваше духовное движение распространилось по всему миру... Шри Чайтанья Махапрабху удалось распространить это движение только по Индии, но вы сделали это по всему миру».

«Нет», — ответил Прабхупада. — «То, что я сделал — это просто по милости Шри Чайтанья Махапрабху и моего Гуру Махараджа. На самом деле всё сделали они, а мне просто достались их почести».

День уже шёл к вечеру, а Шрила Прабхупада всё ещё разговаривал с несколькими важными людьми. Когда начался вечерний *арати*, и он сказал, что пора идти в храм для поклонения. Я пошёл было вместе со

всеми, но потом мне пришло в голову, что на *арати* я мог ходить каждый день, а возможность быть с Его Божественной милостью у меня была не всегда, поэтому я вернулся в его комнату.

Когда я осторожно открыл дверь, Прабхупада поднял глаза и спросил:

«Ты что-то хотел?».

«Шрила Прабхупада», — ответил я, — «я просто хотел быть с вами».

«Тогда заходи».

Когда я вошёл и сел, он повторил: «Итак, что же ты хочешь?».

Моё сердце колотилось. «Шрила Прабхупада», — удалось мне выговорить, — «Пожалуйста, дайте мне посвящение! Пожалуйста, примите меня как своего ученика!».

«Конечно», — ответил Прабхупада. — «Я дам тебе посвящение. Во время Гаура-пурнимы в Маяпуре я дам тебе посвящение».

С сердцем, замирающим от благодарности и экстаза, я поклонился моему вечному духовному учителю.

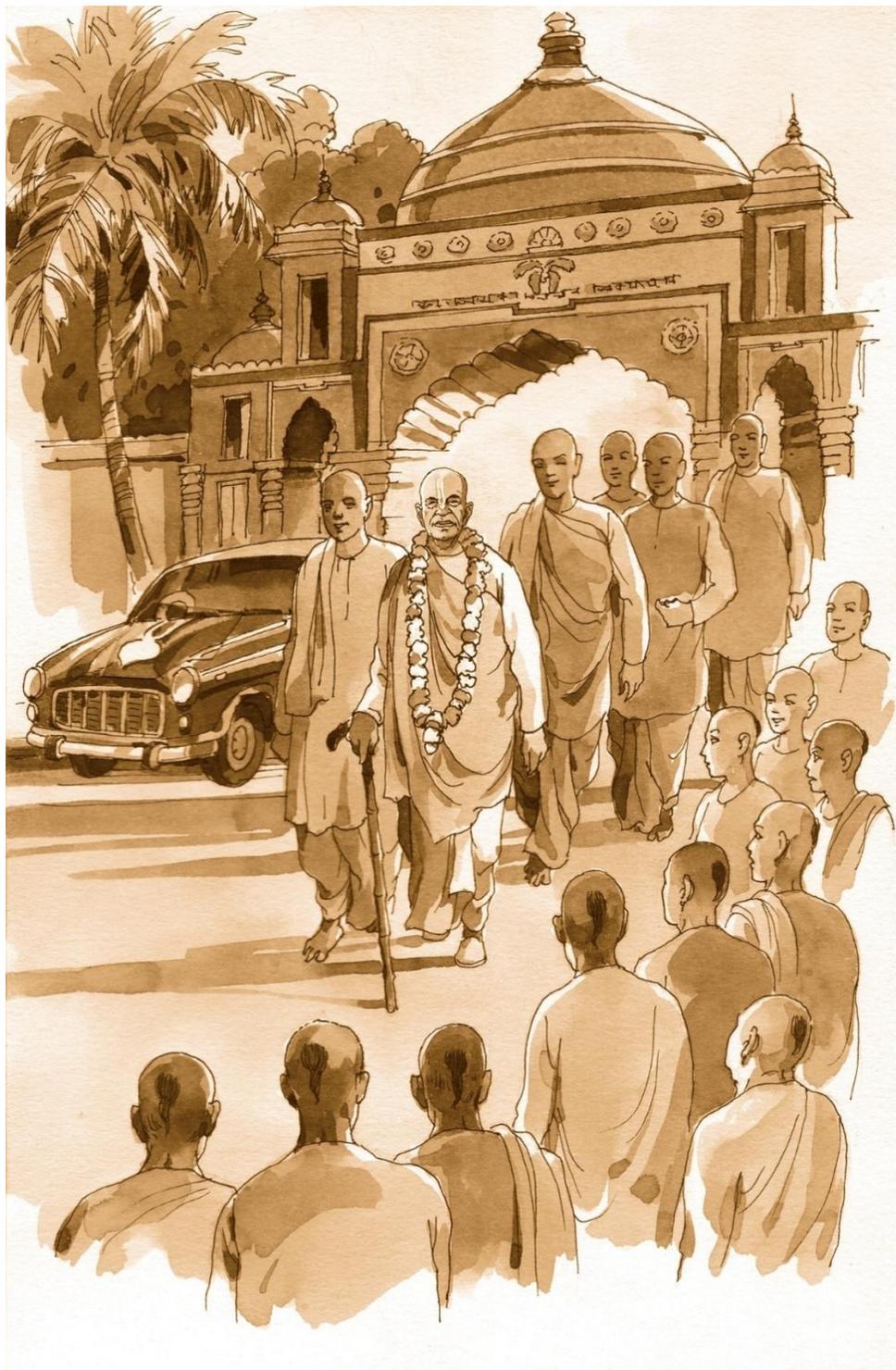
5. Со Шрилой Прабхупадой в Маяпуре

(7 февраля – 21 марта 1977 г.)

Одним прекрасным весенним утром, когда земля, казалось, купалась в золотых лучах солнца, и воздух был наполнен ароматом цветов и пением птиц, Шрила Прабхупада прибыл в Маяпур в своём бордовом Амбассадоре, с вайшнавской *тилакой* из нержавеющей стали на капоте. Он был в Бхуванешваре, где закладывал там краеугольный камень нового храма, который начался строиться по проекту Гоур Говинда Свами, его ученика-*санньяси* из Ориссы. Я мог бы поехать с ним, но решил остаться, чтобы завершить печать книги "Bhagavāner Kathā", которую я планировал поднести Его Божественной Милости сюрпризом.

Преданные стояли по обе стороны дороги, чтобы поприветствовать Прабхупаду, распевая мантры и танцуя в ликующем ожидании. Когда его машина показалась вдалеке, *киртан* достиг своего крещендо, и танец превратился в самый настоящий экстаз. Машина остановилась перед храмом, из неё вышел Шрила Прабхупада, и все преданные упали на землю, чтобы выразить почтение. Многие разрыдались; другие замерли, окаменев.

Прабхупада шёл впереди в сопровождении поющих и танцующих преданных. Походкой аристократа он прошёл сквозь толпу в храм. Несколькими годами ранее, в 1972 году, он установил там Божества —

Шрила Прабхупада прибывает в Маяпур

Шри Шри Радха-Мадхава и Шри Чайтанья Махапрабху — и подойдя, он предложил Им свои поклоны, а затем встал перед алтарём, глядя на Их трансцендентные лица. Он обошёл Их три раза, затем подошёл к другой стороне храмовой комнаты и расположился на своей *вьясасане*, в то время как преданные пели и танцевали перед ним. Так он сидел какое-то время с закрытыми глазами, в глубокой медитации.

Когда *киртан* прекратился, Прабхупада прочитал молитвы *према-дхвани*, прославляющие и выражающие почтение Господу и предыдущим *ачарьям*. Затем он стал рассказывать о проекте "Маяпур". Его духовный учитель Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур всегда был абсолютно убеждён в предсказании Шри Чайтанья Махапрабху о том, что Движение сознания Кришны распространится по всему миру и дойдёт до каждого города и деревни. Шрила Бхактисиддханта показал, как можно служить Кришне, даже живя в больших городах и пользуясь автомобилями и другими современными удобствами. Он поручил Шриле Прабхупаде миссию распространения движения не только по всей Индии, но и по всему миру, и Прабхупада продолжил это миссию с размахом, проводя всевозможные мероприятия для привлечения разных категорий людей.

Шрила Прабхупада процитировал стих из «Бхакти-Расамрита синдху» (1.2.187):

*īhā īasīa харер дāsīе
карманā манасā гирā
никхилāсв апī авастхāсу
джīван-муктах са учйате*

«Человек, который служит Кришне своим телом, умом, разумом, и словами — это освобождённый человек, даже в материальном мире, хотя он может быть занят многими, казалось бы, материальными делами».

Он отметил, что некоторые люди могут почувствовать зависть, глядя на преданных, живущих в роскошных зданиях, но Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур сказал, что в такой роскоши должны жить только преданные. Так же, как государственные

служащие получают особые привилегии, тем, кто служит Кришне, должны быть предоставлены все виды льгот и почестей. Кроме этого, европейцы и американцы, приезжавшие в Индию проповедовать о Кришне, не привыкли к тяготам индийского быта. В Маяпуре создавались условия для их пребывания и деятельности.

Шрила Прабхупада сказал, что посредством ИСККОН он объединил западные мозги и деньги с индийской духовной культурой. Он привёл пример хромого и слепого. Поодиночке каждый из них сильно ограничен. Но если слепой посадит хромого себе на плечи, то комбинация сильных ног слепого и хорошего зрения хромого даст им возможность достичь гораздо больших успехов. Америка, сказал он, духовно слепа, в то время как Индия была материально хромой. Но вместе они могут распространить Сознание Кришны по всему миру.

Каждое утро Шрила Прабхупада приходил в храм, предлагал поклоны и получал *даршан* Божеств. Потом он обходил вокруг Них трижды и давал лекцию по "Шримад-Бхагаватам". В день явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура он говорил о своём божественном духовном учителе. Хотя я уже слышал и читал о нём, узнавать о его *лилах* лично от Прабхупады было потрясающе. Шрила Бхактисиддханта был исключительно умным человеком — одним из величайших учёных своего времени. Его прославленный отец, Шрила Бхактивинода Тхакур, с детства воспитывал его как преданного, и даже в юности он помогал отцу в его проповеднической миссии, которой он оставался преданным до конца своей жизни. Хотя Шрила Бхактивинода возродил миссию и учение Шри Чайтаньи Махапрабху, он не смог широко их распространить, но всё же Бхактисиддханта построил 64 храма в Индии и привлёк важных и образованных людей к продолжению своей миссии.

Шрила Прабхупада объяснил, что чистый преданный Господа не заинтересован в своей личной выгоде; его волнует только реальное благополучие других. Он полностью посвящает себя тому, чтобы другие встали на духовный путь, не заботясь о собственном освобождении. Следовательно, это самый щедрый и величайший филантроп. Духовные личности, такие как Шрила Бхактивинода Тхакур и Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, были не из этого мира.

Как и Сам Господь, они пришли из духовного царства, чтобы принести пользу страдающим обусловленным душам, и, когда их миссии были завершены, они вернулись назад в духовный мир. Шрила Прабхупада заявил, что тем не менее он никогда не разлучался со своим духовным учителем.

Мне вспомнился случай, который мне рассказал один старший преданный. Когда Шрила Прабхупада вернулся в Индию с Запада и приехал в Маяпур, чтобы увидеть землю, которая была приобретена для строительства храма, он не остановился по дороге у *самадхи* (гробницы) своего духовного учителя, и за это некоторые из духовных братьев его критиковали. Когда Шрила Прабхупада услышал об их неодобрении, он ответил: «Они думают, что есть такое время, когда я не нахожусь вместе с моим духовным учителем? Нет, он всегда со мной, а я всегда с ним. Я не разлучаюсь с ним даже на мгновение».

Моё служение по переводу книг Шрилы Прабхупады на бенгальский язык позволило мне регулярно с ним общаться. Когда он приехал в Маяпур, однако, я был занят, помогая строить "Длинное здание" и заканчивая печать книги "Bhagavāner Kathā", поэтому я встречался с ним только по вечерам, когда он давал *даршан*, сидя на скамейке перед зданием "Лотоса".

Однажды мне пришлось поехать в типографию в Калькутте, и когда я вернулся, мне сообщили, что Прабхупада спрашивал обо мне. Я обрадовался, услышав, что он заметил моё отсутствие, и побежал в его комнату. Я спросил Прабхупаду, могу ли я что-нибудь для него сделать. Прабхупада спросил, куда я ездил, и я, наконец-то, получил возможность рассказать ему, что мне удалось собрать его ранние сочинения из "Gauḍīya Patrikā", и под руководством Джаяпатаки Махараджа и Панчаратна Прабху, они были напечатаны в виде книги.

Шрила Прабхупада был явно доволен и спросил, как мне удалось найти эти статьи. Я объяснил, что во время одного из моих визитов в "Девананда Гаудия Матх" я нашёл их в журналах "Gauḍīya Patrikā", который, как я выяснил, Прабхупада редактировал. Прабхупада улыбнулся в знак признания и спросил, когда книга будет готова. Я сказал, что хотел сделать ему сюрприз после возвращения из

Бхубанешвара, но процесс печати занял слишком долго. «Да», — сказал он, — «в Индии всё занимает долго. Здесь так трудно что-либо сделать».

Потом, по какой-то причине, мне вдруг пришла в голову мысль рассказать о том, что когда я езжу в Калькутту, я иногда захожу в кондитерскую лавку. «Шрила Прабхупада», — начал я, — «в "Шри Чайтанья-чаритамрите" говорится, что если человек не может контролировать свой язык, он не сможет получить Кришну. Мне так трудно контролировать свой язык! Как мне с этим справиться?».

Прабхупада ответил:

«Так это же тоже *Кришна-прасад*. У Кришны есть очень хороший план для того, чтобы мы держали свой язык под контролем — *кришна бада дайāмай, карибāре джихвā джай, сва-прасāдāнна дила бхāи*. Чтобы покорить наш язык, Кришна даёт нам Свой *прасад*. Таким образом можно контролировать свой язык».

«Шрила Прабхупада», — признался я, — «когда я приезжаю в Калькутту, иногда я захожу в кондитерскую и ем сладости».

К моему величайшему изумлению, он сказал: «Это также *Кришна-прасад*. Кришна очень милостиво дал нам все эти продукты. Он дал нам все, что нам нужно, и мы просто должны принимать всё это как Его милость — Его *прасад*».

Позже, когда я рассказал об этом случае одному старшему преданному, он посоветовал мне не злоупотреблять данным разрешением, несмотря на такое широкое видение Прабхупады.

Однажды днём Шрила Прабхупада позвал меня в свою комнату, дал мне стопку писем на бенгальском и попросил меня ответить на них. Я зачитал их ему, и он дал мне указания, какие моменты следует привести в ответ. В то время у меня не было пишущей машинки с бенгальскими буквами, поэтому я вручную писал черновики, приносил Прабхупаде и зачитывал их вслух. Он вносил исправления, затем я писал ответы на его фирменной бумаге, а потом он их подписывал.

Когда на все бенгальские письма были даны ответы, Прабхупада спросил, могу ли я писать на хинди. Я сказал, что могу, но мой почерк на хинди был не очень красив. Он просто улыбнулся и сказал: «Вообще-то, ни у кого нет красивого почерка на хинди». А потом он рассказал мне анекдот: «Однажды, один человек получил письмо на хинди от своего друга и написал в ответ, что в следующий раз, когда тот будет ему писать письмо, пусть заодно пришлёт ему билет на поезд, чтобы поехать навестить его. Когда его друг спросил зачем, человек ответил, что для того, чтобы понять, что написал его друг, он должен съездить к нему в гости, так как только автор мог расшифровать написанное».

Мы оба рассмеялись, и Шрила Прабхупада дал мне стопку писем на хинди. Его шутка придавала мне немного уверенности, и после этого я стал отвечать на письма на хинди и бенгальском.

Однажды я пошёл к Прабхупаде с пачкой писем, когда он получал утренний массаж на крыше. Я прочитал все письма и записал ответы. Затем я остался, пока его личный слуга, Хари Шаури Дас, делал ему массаж. Я хотел быть рядом с Прабхупадой как можно больше. Видя, что я не ухожу, Шрила Прабхупада сказал мне: «Просто предложи свою жизнь Кришне. Многие, многие жизни ты провёл, пытаешься наслаждаться, но как видишь, ты всё ещё не удовлетворён. Просто предложи эту жизнь Кришне и не связывайся с женщинами. Это влечение к женщинам происходит от Майи [иллюзорная энергия Господа] – таким образом она удерживает живые существа привязанными к материальному миру. Поэтому материальная природа называется *маитхунья-агара* —тюрьма сексуального желания. В этом материальном мире всех тянет к противоположному полу, и это цепь, которой человек прикован к своей тюрьме.

Но что же это такое, сексуальное желание? Это как зуд. Думаешь, что почешешь там, где зудит, и получишь удовольствие. Но чем больше чешешь, тем больше чешется, и в конце концов начинает кровоточить и причиняет боль. Но люди настолько глупы, что считают это величайшим наслаждением. Верблюд ест колючки, и его язык и нёбо начинают кровоточить. Верблюд чувствует вкус собственной крови, но думает, что колючки очень вкусные. В результате полового акта

*Получение изменяющих жизнь наставлений от Шрилы Прабхупады
во время массажа*

мужчина теряет саму суть своего тела, своё семя, однако он думает: "О, какой это восхитительный акт!". Он готов даже пожертвовать своей жизнью ради этого сиюминутного удовольствия. Это трюк *майи*. Сексуальным желанием *майи* привязывает живые существа к материальной природе. Поэтому тот, кто хочет освободиться от рабства этого материального существования, должен стать свободным от сексуального желания».

Шрила Прабхупада говорил довольно долго, призывая меня предаться Кришне. Наконец, он сказал мне: «Просто предложи эту жизнь Кришне и посмотри, что будет. Даже если ничего не произойдёт, то что ты теряешь? В конце концов, это всего лишь одна жизнь из многих».

Я мысленно поклялся: «Да, Шрила Прабхупада, я отдаю свою жизнь Вам. Я знаю, что так я достигну высшего совершенства своего существования».

Однажды утром я увидел Бхавананду Махараджа, шедшего с каким-то человеком с очень яркой внешностью. В этом преданном было что-то поразительное; я просто не мог отвести от него глаз. Тиртхапада, который стоял рядом со мной, сказал, что это Тамал Кришна Госвами: «Он один из наиболее выдающихся лидеров нашего движения».

Я слышал о Тамал Кришна Махарадже – он был героем ИСККОН. Он присоединился к движению в Сан-Франциско, когда оно было в зачаточном состоянии, и почти сразу же взял на себя роль лидера. Затем Шрила Прабхупада поручил ему свои самые важные проекты. По мере того, как движение на западном побережье Америки стало расти, Прабхупада назначил его президентом храма в Лос-Анджелесе. Когда ИСККОН появился в Англии, и Джордж Харрисон стал частью движения, Прабхупада послал его в Лондон. Когда сознание Кришны набирало силу в Индии, Прабхупада назначил его уполномоченным руководящего совета (ДжиБиСи) там. И когда Прабхупада столкнулся с трудностями в получении земли в Маяпуре, именно Тамал Кришна преодолел препятствия и приобрёл землю. Затем он организовал программу распространения книг и привлечения преданных в

ИСККОН — Путешествующую группу *санкиртаны* "Радха-Дамодара": участники программы распространяли тысячи книг и привлекали сотни преданных.

Один только вид Тамал Кришна Махараджа наполнил меня благоговением и почтением. Я предложил ему свои поклоны на расстоянии.

Днём, когда я был со Шрилой Прабхупадой в его комнате, вошёл Махарадж, и лицо Прабхупады озарилось яркой улыбкой. Они сразу же приступили к разговору, и было件нятно, что они очень близкие люди. Тамал Кришна сказал Прабхупаде, что он отказался от всех своих руководящих должностей, чтобы быть с Его Божественной Милостью и служить ему. Шрила Прабхупада был очень рад это услышать.

Затем они заговорили о проблеме депрограммирования в Америке. Некоторые богатые родители преданных нанимали головорезов, чтобы насильно похищать своих детей из ИСККОН. Похищения оспаривались в американских судах, но решения до сих пор принимались в пользу депрограммистов и родителей.

Шрила Прабхупада был чрезвычайно обеспокоен и хотел услышать о ситуации в деталях. Махарадж рассказал ему, что Ади Кешава Свами вёл важное дело в Нью-Йорке и спросил, следовало ли позвать его — он сейчас находился в Маяпуре.

Прабхупада послал меня позвать Ади Кешаву Свами из его комнаты этажом выше. Махараджу было всего лишь около двадцати лет, но он уже был *санньяси* и член ДжиБиСи, самый молодой в ИСККОН. Его худая фигура могла поначалу создать впечатление слабости, однако его поведение, яркая улыбка и живая речь помогли исправить это ошибочное восприятие. Он присоединился к движению, когда ему было всего 17 лет, но его способности и достижения позволили ему достичь высших ступеней ИСККОН.

Когда я вернулся с Ади Кешавой Свами к Шриле Прабхупаде, в комнате уже находились несколько старших преданных. После того, как все обменялись поклонами, Махарадж рассказал Шриле

Прабхупаде о том, как обстоят дела с упомянутым случаем судебного разбирательства. Прабхупада рассердился, его тон стал жёстким. Он предложил нам воспринимать ситуацию как возможность рассказать всем о цели нашей миссии.

Я вспомнил о том, что с первых дней пребывания в Индии Шрила Прабхупада использовал любую возможность, чтобы говорить или писать о Сознании Кришны. Теперь, используя обвинения в промывании мозгов, он хотел ещё раз напомнить всем, что целью человеческого интеллекта должно быть понимание разницы между мёртвой и живой материей. Он зашёл так далеко, что сказал, что до того, как присоединиться к движению, преданные не использовали свой интеллект — что у них не было мозгов — так что не могло быть и речи о промывании мозгов. Он не промывал мозги, а давал им мозги.

Ади Кешава сообщил, что депрограммисты сформировали группу под названием "Возврат к личному выбору". Прабхупада парировал: «Они похищают их, пытая и заставляя их изменить выбор, сделанный на основе разума, и называют это "личным выбором"?».

Махараджа показал Прабхупаде фотографию депрограммистов, возвращающих кого-то по так называемому личному выбору — мать, отец, и похитители были сфотографированы, пока они тащили какого-то преданного. Это называлось это "спасением".

Шрила Прабхупада вслух задал вопрос: как можно такой насильственный акт назвать личным выбором? Тамал Кришна Махарадж пояснил, что по мнению правительства США родители имели право диктовать их потомству, независимо от возраста, что им делать. Решающим критерием являлась недееспособность их сына или дочери, то есть потеря умственных способностей.

Когда Прабхупада спросил о законности таких действий, Ади Кешава пояснил, что в американском законодательстве есть положение, называемое опекуном. Любой, кто был признан душевнобольным или имеющим какое-либо другое физическое заболевание или наркотическую зависимость, или даже тот, кого удалось обмануть или сбить с толку, может быть лишён прав и отдан

под опеку. Другому человеку поручалось управление делами отданного под опеку, и он или она могли быть отправлены в психиатрическую больницу, где проводилось "депрограммирование". Сейчас принимались новые законы, чтобы ещё больше укрепить этот процесс. В одном штате уже существовал закон, который разрешал всем, а не только родителями или членам семьи, брать на себя такой вид контроля.

Махарадж представил отчёт, подготовленный членами Американского союза гражданских свобод (American Civil Liberties Union, ACLU). Они провели огромную конференцию в Нью-Йорке, где был представлен доклад о депрограммировании — собрание частных рассказов, описывающих похищения людей, заключение их в тюрьму, избиения, физические пытки и пытки голодом, — все, чтобы заставить преданных вернуться к прежней жизни.

В отчёте упоминалось, что у депрограммистов была брошюра, руководство "сделай сам" по депрограммированию, в которой подробно описывалось, как похитить кого-то и как заставить человека отказаться от своей обретенной веры.

Американский Союз гражданских свобод выразил протест, заявив, что депрограммисты делали именно то, в чем они обвиняли преданных. Они обвиняли преданных в слепом следовании своему *гуру*, но при этом сами безоговорочно, слепо следовали за своим *гуру*, Тедам Патриком, лидером депрограммирования.

Патрик был преступником и бывшим заключённым, который совсем недавно был вновь заключён в тюрьму после нового осуждения; и тем не менее последователи Теда Патрика продолжали его гнусные деяния без него.

Махарадж сказал, что в отличие от США, Канада заняла твёрдую позицию против депрограммистов и способствовала благоприятному освещению ИСККОН в СМИ. Один преданный из Бостона недавно попросил политического убежища в Канаде после преследований со стороны депрограммистов. Канадские власти отказывались выдавать

преданных обратно в США. Парламент принял закон, запрещающий депрограммистам находиться в Канаде.

«В Нью-Йорке», — объяснил Махарадж, — «была похищена девушка по имени Муртивандья. Депрограммисты подъехали к ней на улице на фургоне, втащили её внутрь и уехали. Когда мы подали заявление о похищении, они повернули обвинение против меня, заявив, что я был похитителем. Они признались, что похитили её прямо с улицы, но при этом уверяли её: "Нет, ты просто не знаешь, чего ты на самом деле хочешь. В глубине души ты не хочешь быть Харе Кришна – ты была похищена движением Харе Кришна"».

Тед Патрик и его последователи нацелены не только на преданных, но и на других людей. Однако они признают, что труднее всего было депрограммировать преданных Кришны.

В телешоу с Ади Кешавой Свами и новым преданным, Васу Гопал, Тед Патрик повернулся к Васу Гопалу и сказал: «Я мог бы запросто его депрограммировать». И действительно, Васу Гопал позже стал жертвой процесса депрограммирования. Но затем Патрик повернулся к Ади Кешаве и сказал: «А вот этот уже испорчен. Я не смог бы его сломать». Они верили, что когда человек пробыл преданным в течение четырёх или более лет, его мозг окончательно начинал работать по-другому, и такого человека уже невозможно было депрограммировать.

В отчёте Американского союза защиты гражданских свобод (ACLU) содержался список всех преданных, которые были депрограммированы. Около двух третей возвращались в движение — более, чем из любой другой группы. Только совершенно новые преданные фактически пропадали. Преданные же, которые провели в движении более года или двух, в конце концов находили дорогу обратно. Тамал Кришна Махарадж описал, как после депрограммирования, попав в материальный мир, они снова встречали преданных, распространяющих книги, и как, взяв книгу и увидев изображение Кришны, они вспоминали свою жизнь в сознании Кришны, их снова влекло к преданным, и они возвращались в храм.

Депрограммисты похищают преданную в Нью-Йорке

Именно так и произошло с Васу Гопалом, который был депрограммирован, но потом вернулся. Ади Кешава рассказал, как Васу Гопал взглянул на книгу "Кришна" и сказал: «Отведите меня в храм. Мне надо продавать книги, а не покупать их». И он тут же снова присоединился к движению.

Васу Гопал подвергся ужасным издевательствам со стороны депрограммистов; его случай был описан в книге Теда Патрика «Отпустите наших детей». Одна глава книги посвящена движению Харе Кришна и Васу Гопалу, в частности. Патрик открыто признавался, как жестоко ему пришлось пытаться и издеваться над Васу Гопалом, чтобы депрограммировать его.

«Когда его держали взаперти», — рассказывал Ади Кешава, — «ему удалось добраться до телефона и позвонить мне. Так что мы приехали туда с несколькими *брахмачари* из храма и начали бить окна и барабанить в двери. Васу Гопал пытался открыть дверь, но его братья и другие родственники схватили его и швырнули об стену. Они заперли его в комнате и безжалостно избили. Тед Патрик написал в своей книге, что нас было двадцать пять человек, но на самом деле нас было только пятеро. Наконец, все родственники вышли и затеяли с нами драку. Обычно депрограммисты оставляли драки родственникам, но на этот раз Тед Патрик лично напал на меня с опасной бритвой».

До сих пор суды поддерживали депрограммистов, утверждая, что насилие совершалось в наилучших интересах жертвы. Поскольку правительство считало подобные конфликты семейными разборками, любое вмешательство посторонних, включая преданных, считали нецелесообразным.

Тамал Кришна Махараджа привёл пример инцидента в Техасе: отец убил своего сына во сне, но был оправдан. Суд выразил своё одобрение действиям отца в связи с тем, что его сын сбился с пути. Обычно родители и родственники преданных бывали замешаны в жестоком обращении с ними, начиная с первоначального похищения и кончая пытками.

«Если преданный ударит своих родителей», — продолжил Ади Кешава, — «они говорят: "Посмотрите, каким сумасшедшим он стал!". Защищаясь от нападавших, Васу Гопал ударил свою мать и убежал, выкрикивая имя Нрсимхадева. Но его удержали другие члены семьи, и он не смог убежать. Они заперли его в ванной на тридцать часов, и поскольку он пытался сопротивляться, они сказали: "Посмотрите — он сошёл с ума; он ударил свою собственную мать!". Судья согласился с ними».

Выслушав все подробности, Шрила Прабхупада заявил, что нам не следует поддаваться давлению; мы должны бороться — доказывать в открытом суде, что мы не промывали мозги молодым верующим, а давали им мозги, то есть разум, через совершенное понимание абсолютной реальности и высшей мудрости. Противостояние правительства и судов США может показаться камнем преткновения, но в конечном итоге это станет ступенькой, ведущей вверх. Пока мы пребываем в уверенности, что служим Кришне, всемогущей Верховной Личности Бога, нам нечего бояться. В конце концов победа будет за нами — это неизбежно.

Все в комнате кивнули с серьёзной решимостью, и я мог видеть, что под командованием Шрилы Прабхупады все были готовы сражаться до конца.

Шрила Прабхупада не был голословен — он проливал свет на то, что говорил, с точки зрения священных писаний: «Тот, кто не может освободить своих детей из цикла рождений и смертей не отец:

*гурур на са сйāt сва-джано на са сйāt
питā на са сйāдж джананī на сā сйāt
даивам на тат сйāн на патии ча са сйāн
на мочайед йах самупета-мртйум*

Тот, кто не способен вызволить своих подопечных из круговорота рождения и смерти, не имеет права становиться духовным учителем, мужем, отцом, матерью или полубогом, которому поклоняются простые смертные». ("Шримад-Бхагаватам", 5.5.18).

С приближением праздника Гаура-пурнима в Маяпур стали приезжать преданные со всего мира. Триста пятьдесят человек приехали из США на первом рейсе Boeing 747 в Калькутту. Шрила Прабхупада выразил обеспокоенность в разговоре с Тамал Кришной Махараджем по поводу того, что туман и пасмурная погода могут быть опасны для посадки самолёта, но потом распогодилось, и к тому же администрация аэропорта удлинила взлётно-посадочную полосу, чтобы сделать больше места для большого реактивного самолёта, и 747-й приземлился без происшествий.

Рамешвара Свами, который был на борту самолёта и прибыл специально для того, чтобы увидеть Шрилу Прабхупаду, рассказал, как чудесно было лететь на самолёте, полном преданных. Пока они летели, Хридаянанда Госвами и Панчадрави Свами поговорили с пилотом, который оказался самым опытным лётчиком авиалинии Air India и главой Ассоциации лётчиков Индии, так как это был первый рейс на Boeing 747 в Калькутту. Лётчик оказался чрезвычайно восприимчивым человеком, сказал Рамешвара, и они проповедовали ему в течение нескольких часов.

Несмотря на то, что самолёт приземлился ещё до рассвета, грандиозное празднование приветствовало прибывших. Сто высокопоставленных лиц из авиакомпаний, ТВ и радио, включая генерального директора Air India и других высокопоставленных чиновников, пришли их поприветствовать. Пресса без конца фотографировала и интервьюировала старших преданных, включая Рамешвару Свами, который сказал им, что компания Air India доставила самолёт, полный народа, в Западную Бенгалию не сама по себе: люди приехали со всех концов света благодаря милости Господа Чайтаньи. Некоторые репортёры признали, что заслуга в успехе рейса на самом деле принадлежит Шриле Прабхупаде.

Прибытие стольких преданных со всего мира создало приподнятую, праздничную атмосферу. Один молодой *брахмачари* выделялся из толпы. Он был худым, носил очки, которые делали его похожим на интеллектуала, и у него была непосредственная, яркая улыбка. Хотя он вёл себя очень скромно, было понятно, что он один из

лидеров. Я узнал, что это был Джаядвайта Дас, учёный, которому было поручено редактировать книги Шрилы Прабхупады.

Однажды я увидел Джаядвайта, сидящего на корточках на лестнице на краю пруда, наблюдая за рыбами в воде. Я пошёл к нему.

«Харе Кришна!» — поприветствовал он меня своей характерной улыбкой. — «Вы пришли сюда поговорить со мной?».

«Да», — ответил я, — «Мне стало интересно, чем вы таким занимаетесь».

«Пытаюсь изучить психологию рыб», — сказал он, и это заставило меня расхохотаться.

«Они живут в своём собственном мире и понятия не имеют, что я за ними наблюдаю».

«Может быть, именно так полубоги смотрят на нас, а мы не осознаем этого», — предположил я.

«А Кришна наблюдает за полубогами, хотя те в свою очередь тоже не осознают этого», — сказал он. — «Может ли такое быть?»

«Да, полубоги действительно не обладают сознанием Кришны».

Брахмананда Свами служил секретарём Шрилы Прабхупады. Он был крупным, высоким мужчиной, но у него был мягкий и нежный характер, и я развил к нему спонтанную благодарность. Его брат, Гаргамуни Дас, также был ведущим преданным в движении. Брахмананда, старший брат, присоединился к движению в Нью-Йорке, и Гаргамуни последовал за ним.

Шрила Прабхупада назначил их обоих членами ДжиБиСи.

Пока Гаргамуни служил в Индии, Брахмананда в основном работал в Африке. Хотя они и были братьями, их характеры были совершенно разными. Гаргамуни был тверд, как гвоздь. Он был таким

экспертом по сбору средств, что Шрила Прабхупада в шутку называл его «Гарга-мани (деньги – прим. переводчика)». Брахмананда был менее сведущ в денежных вопросах и более склонен к развитию дружеских отношений. До встречи со Шрилой Прабхупадой он был учителем чтения для детей с отклонениями в развитии в Нью-Йорке, но, как и многих других молодых людей в то время, его привлекала американская контркультура, он даже планировал поехать в Индию. Однажды, проходя мимо первого храма Кришны на Второй авеню, дом 26, в Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка, он увидел объявление об уроках по "Бхагавад-гите" А.Ч. Бхактиведанты Свами. Он захотел встретиться со Шрилой Прабхупадой, что в те ранние дни было не так уж и сложно — Прабхупада жаждал встреч с молодыми американцами, чтобы проповедовать им.

Когда Брахмананда встретил Шрилу Прабхупаду, он с гордостью сказал ему, что уже прочитал "Бхагавад-гиту", и вытащил книгу из кармана своего пальто. Прабхупада улыбнулся, как будто был весьма впечатлен, и попросил его открыть книгу и начать читать вслух. Примерно через страницу Прабхупада сказал ему закрыть книгу, что тот и сделал. Затем Прабхупада сказал: «Теперь ты скажи мне, что понял». Внезапно Брахмананда понял, что он ничего не понял, и признался в этом Шриле Прабхупаде. Тогда Прабхупада сказал ему, что просто прочитать книгу недостаточно; любому человеку нужен учитель, чтобы объяснить содержание. Это была его первая встреча с Прабхупадой, но этого было достаточно, чтобы убедить Брахмананду: он немедленно посвятил себя миссии Свами.

За три дня до Гаура-пурнимы Брахмананда Махарадж поведал, что Прабхупада решил дать мне оба посвящения, и первое, и второе (*харинама* и *брахмана*). «Парень, тебе крупно повезло!» — сказал он. — «Я не думаю, что кто-либо когда-либо получал такую милость».

Эта новость стала для меня одновременно и большим сюрпризом, и большой радостью. Шрила Прабхупада обычно давал Харе Кришна маха – мантру в качестве первого посвящения, а затем, по крайней мере, через год, давал Гаятри-мантру — второе посвящение — и только достойным кандидатам. Я знал преданных, которые были в движении много лет и до сих пор не получили вторую инициацию. Я испытал

глубокую благодарность Шриле Прабхупаде за то, что он даровал мне такую милость. Я также был благодарен Брахмананде Махарадже, и когда я выразил ему своё почтение, он нежно обнял меня.

Когда я спросил, что мне нужно сделать, чтобы подготовиться к посвящению, он улыбнулся и сказал: «Просто побрейся и будь готов принять милость».

Посвящение состоялось утром Гаура-пурнимы. Более ста преданных сидели вокруг жертвенного огня. Шрила Прабхупада не спустился в храмовую комнату, вместо этого несколько *санньяси* сели на возвышении и стали вызывать кандидатов по одному и выслушивать наши клятвы следовать четырём регулирующим принципам: не есть мясо, не принимать одурманивающие вещества, не предаваться недозволенным половым связям и азартным играм. Мы также обещали воспевать на чётках по шестнадцать кругов Харе Кришна *маха-мантры* ежедневно. Один из санньяси от имени Шрилы Прабхупады давал кандидату чётки и произносил его духовное имя, выбранное Шрилой Прабхупадой. Каждое имя встречалось громкими аплодисментами и ударами по *мринданге*.

Когда пришла моя очередь, Ачьютананда Свами принял мои обеты и объявил моё имя — Кшира-чора-гопинатха Дас. Имя означало, что я был слугой Господа Гопинатхи, который украл *кширу*, сгущённое молоко, для Своего преданного Мадхавендры Пури.

Божество Гопинатхи находилось в Ремуне, штат Орисса. Мадхавендра Пури раскопал Божество Гопала во Вриндаване и установил Его на вершине холма Говардхана. Шри Гопал велел Мадхавендре достать масло сандалового дерева и камфару и умастить этими благовониями Его тело, поскольку летняя жара причиняла Ему большой дискомфорт. Мадхавендра Пури отправился в Ориссу и выпросил эти ценные средства у царя. По дороге он остановился в Ремуне, чтобы получить *даршан* Гопинатхи. В храме Мадхавендра Пури вспомнил, что *кшира*, которую храмовые священники подносили Гопинатхе, славилась своим вкусом. Он подумал, что если ему удастся попробовать *кширу*, то он сможет приготовить такую же для Гопала. Сразу после того, как эта мысль промелькнула у него в голове, однако,

он понял, что хотел попробовать *кширу* до того, как она будет предложена Господу Гопинатхе. Он почувствовал себя крайне виноватым и покинул храм, расположившись на ночь на заброшенном деревенском рынке неподалёку.

Когда *пуджари* Гопинатхи лёг спать в ту ночь, ему приснился сон: Гопинатха велел ему пойти на рынок и дать *кширу* Мадхавендре Пури. Пуджари сказал Гопинатхе, что вся *кшира* уже была роздана, но Гопинатха ему ответил, что Он спрятал горшок с *кширом* под Своим *дохоти*. По утру *пуджари* как обычно омылся и пошёл в храм, где к своему величайшему изумлению, он нашёл горшок с *кширом* под *дохоти* Гопинатхи. С тех пор Гопинатха Ремуны стал известен как Кшира-чора-гопинатха.

Я был очень рад получить это имя. Оно звучало как небесная музыка для моих ушей, и я был полон благодарности за то, что Шрила Прабхупада так милостиво сделал меня слугой Шри Шри Кшира-Чора-Гопинатхи.

Во время огненного жертвоприношения, когда я подносил огню зерна и повторял «Сваха», я почувствовал, что предлагаю Кришне всё, что у меня есть. Но потом мне пришло в голову, что на самом деле у меня ничего нет. Все, что я мог предложить, это себя самого. Так что именно это я и сделал. Голос Шрилы Прабхупады эхом отдавался в моей голове: «Ты пытаешься наслаждаться на протяжении многих, многих жизней, но ты же сам видишь, что ты всё ещё не удовлетворён. Так что просто предложи эту жизнь Кришне».

После посвящения мне нужно было пойти к Шриле Прабхупаде, но у меня не оказалось возможности собрать *гуру-дакшина*, денежный подарок для *гуру*, который обычно дарится после посвящения. Вечером, когда новопосвящённые преданные собрались в его комнате и каждый предложил свою *гуру-дакшину*, я пожалел, что у меня ничего не было.

Когда все ушли, я остался наедине с Прабхупадой, моё сердце наполнилось с раскаянием. «Шрила Прабхупада», — сказал я ему, — «вы дали мне *дикину*, но я не предложил Вам *гуру-дакшину*».

«Ты предложил себя; это лучшая *гуру-дакшина*», — заверил он меня.

Я предложил ему свои поклоны и сказал: «Шрила Прабхупада, я предлагаю вам себя полностью. Пожалуйста, примите меня и используйте меня в любом служении по своему усмотрению».

Однажды утром, после того как я закончил писать под диктовку Шрилы Прабхупады, он подписал написанные письма и сказал мне: «Я назначаю тебя своим секретарём по делам Индии». Я был очень удивлён — мне говорили, что Прабхупада назначал только своих самых близких и эффективных помощников в качестве своих секретарей, однако я был просто новым преданным. Как же он давал мне самое важное служение? Я чувствовал одновременно невероятную радость и огромную благодарность.

Шрила Прабхупада позвал Тамал Кришну Махараджа и рассказал ему о моём новом назначении, и предложил мне перебраться в комнату секретаря, где сейчас жил Махарадж. Тамал Кришна ласково положил мне руку на плечо и сказал: «Да, Шрила Прабхупада», и отвёл меня в комнату через две двери. Комната рядом с комнатой Прабхупады раньше была комнатой его секретаря, но пишущая машинка делала слишком много шума, поэтому Прабхупада попросил, чтобы его слуга и секретарь поменялись местами. Там было две кровати. Махарадж сказал мне, что кровать в дальнем углу комнаты будет моей и велел принести вещи.

Когда я сообщил об этом моему дорогому другу и соседу по комнате Тиртхападе, он сначала ничего не сказал. Потом он мне признался, что всегда догадывался о моей уникальности. Он обнял меня и поблагодарил за то, что я был его соседом по комнате. Я видел, что ему было грустно, и знал, что мне тоже будет не хватать нашего общения.

Находиться так близко к Тамалу Кришне Махараджу — это было нечто особенное. Хотя мы жили в одной комнате, я всё равно относился к нему с большим почтением. На самом деле, он пользовался чрезвычайным уважением практически у всех в ИСККОН. Он

относился ко мне с теплотой и любовью. Я кланялся ему, а он обнимал меня. Он был моим героем ещё до того, как я встретился с ним, и эта близость была как сон — я никогда не мог даже представить, что это станет реальностью.

Махарадж вставал очень рано каждое утро, но не включал свет, чтобы не беспокоить меня. Однако в ванной он проигрывал записи лекций Шрилы Прабхупады, и это неизбежно меня будило. Обычно я просто лежал в постели, слушая трансцендентный голос Прабхупады до тех пор, пока Махараджа не заканчивал своё омовение, и только тогда я вставал и готовился к новому дню.

Махарадж был чрезвычайно организованным и следовал строгому распорядку дня: подъем каждое утро в 3:00, купание, а затем повторение *джапы*. Он заканчивал все круги и становился готовым служить Шриле Прабхупаде к рассвету. Он учил меня быть таким же организованным, настаивая, чтобы я выделял определённое время дня для перевода и ответов на письма Прабхупады, чтобы я был готов уделить внимание Его Божественной Милости или просто быть рядом с ним на случай, если ему что-то понадобится, и к тому же непременно оставлять время для перевода "Бхагавад-гиты" Прабхупады на бенгальский.

Проживание в одной комнате с Махараджем было одним из самых запоминающихся впечатлений моей жизни в ИСККОН. Он всегда относился ко мне с любовью и мастерски натренировал служить Шриле Прабхупаде на самом высоком уровне.

Благодаря его присутствию я постоянно узнавал что-то новое и важное о Сознании Кришны и служении Шриле Прабхупаде. Из-за его старшинства я хотел служить и ему тоже, но он всегда отказывался. Всякий раз, когда я пытался подать ему *прасад*, он настаивал, чтобы я принимал *прасад* вместе с ним. Если преданный, служивший ему, совершал ошибку, он расстраивался и ругал его, но никогда не сердился на меня.

Когда я рассказал о своём опыте Бхавананде Махараджу, он сказал с улыбкой: «Тебе повезло. Тамал известен своим вспыльчивым

характером. Вот почему его прозвали Горячий Тамал (Прим. переводчика: «hot tamale», острое мексиканское блюдо). В любом случае, я вижу, что он принял тебя как своего человека. Это в его характере: когда ему кто-то нравится, он сделает всё, что угодно для него. И ты один из тех счастливцев, который заслужил его благосклонность».

Я был рад это услышать и сказал ему: «Вы тоже один из счастливцев. Я вижу, какая глубокая дружба у вас с ним».

Махараджа улыбнулся и ответил: «Да, это правда. Мы развили глубокую дружбу с первой встречи. Он настоящий человек с золотым сердцем. Вот почему Шрила Прабхупада так его любит».

Позже Тамал Кришна Махарадж рассказал мне, что он вырос в Гарлеме, в самом неблагополучном районе в Нью-Йорке, где ему часто приходилось противостоять местным бандам, и что такое взросление заставило его стать жёстким. Но я также видел, каким нежным и любящим человеком он был, и то, как он служил Шриле Прабхупаде, было невероятным примером. Прабхупада доверял ему и зависел от него.

Хари Шаури Прабху также вышел из суровой среды. Сначала у меня сложилось впечатление, что он был сдержан и не очень дружелюбен. Хотя мы виделись часто, я даже не пытался общаться с ним; мы ограничивались просто обменом вежливыми улыбками. В конце концов, однако, я убедился, что он был просто сосредоточен на своём служении Прабхупаде и не говорил много, если в этом не было необходимости. По мере того, как я всё больше вовлекался в служение Прабхупаде, наше общение развилось глубже.

Примерно в это время у одного из *санньяси*-членов ДжиБиСи в Австралии возникли трудности, и он покинул движение. Нужен был кто-то, кто бы взял на себя ответственность, и мне сказали, что Шрила Прабхупада рассматривает возможность назначения на этот пост Хари Шаури. Если это произойдёт, кто-то должен будет взять на себя роль личного слуги Прабхупады. Хари Шаури предположил, что это мог бы быть я, но окончательное решение должен был принять Шрила Прабхупада. Я также знал, что самым важным служением в роли

личного слуги был массаж, а я не умел делать хороший массаж. Нужен был кто-то посильнее, вроде Хари Шаури.

Однажды утром Хари Шаури спросил меня, умею ли я готовить. Долго не думая, я ответил, что да, у меня был кое-какой опыт. Он сообщил о моих способностях Шриле Прабхупаде, и вскоре после этого мне сказали, что Прабхупада хочет, чтобы я готовил для него. Хотя я и сказал Хари Шаури, что умею готовить, я не думал, что мои способности действительно настолько хороши, чтобы готовить пищу для Прабхупады. Когда я жил в Германии, я готовил время от времени, но мне для этого не нужно было быть экспертом — я готовил для себя.

Я замер в полном недоумении; я не знал, что делать. Тогда мне пришла в голову идея. Сестра Шрилы Прабхупады, Пишима, была там, и я слышал, что она была одним из лучших поваров в мире, и что она любила готовить для своего брата. Поэтому я пошёл к Пишиме и рассказал ей ситуацию. Она заверила меня, что мне не о чем беспокоиться, и сразу же пошла на кухню и принялась готовить. Я просто стоял и смотрел; она не дала мне прикоснуться ни к одному блюду. Когда пришло время подавать еду, она поставила всё на поднос, который выглядел действительно великолепно, со множеством искусно приготовленных блюд.

Я с радостью отнёс его Шриле Прабхупаде.

Прабхупада взглянул на поднос и спросил меня, кто всё это приготовил. По тону его голоса я понял, что он не был доволен.

«Пишима, Шрила Прабхупада», — ответил я.

«Я просил готовить тебя или Пишиму?» — спросил он. Затем он приказал мне убрать поднос.

Дрожа от страха и испытывая чувство вины, я обратился к нему: «Пожалуйста, Шрила Прабхупада — я совершил ошибку. Я больше никогда так не буду поступать». И я просто остался стоять, не желая ничего иного, кроме как молить о прощении у его стоп, но я не осмеливался. Он в конце концов успокоился, но в конечном итоге мой золотой шанс был упущен.

Тем не менее, я продолжал служить Прабхупаде, и он был доволен тем, как я отвечал для него на письма. Я переводил каждый день и читал переведённое ему вслух, а он вносил свои исправления. Инцидент с приготовлением пищи, однако, всё ещё тяготил мой разум. Я был так близок к тому, чтобы получить это замечательное служение, но из-за своей незрелости оно мне так и не досталось. Я решил, что научусь готовить, так что, если когда-нибудь снова появится такая возможность, я не подведу Прабхупаду.

Однажды вечером я был в покоях Шрилы Прабхупады и воспевал святые имена, пока он находился в спальне. Я пел довольно громко, я хотел порадовать Прабхупаду. Однако через некоторое время он позвал меня и сказал: «Не надо так громко петь». Я почувствовал себя виноватым и смущённым, и с тех пор всякий раз, когда я находился рядом с Прабхупадой, я очень-очень тихо повторял святые имена.

Несколько дней спустя я один сидел с Прабхупадой, пока он повторял мантру на чётках, опираясь спиной на подушку. Я спросил его: «Шрила Прабхупада, как вы думаете, смогу ли я выучить санскрит?».

Он выпрямился и спросил: «Почему ты хочешь изучать санскрит?».

Я подумал немного и ответил: «Чтобы понимать Священные Писания правильно, чтобы приблизиться к ведической культуре и ...».

Прабхупада прервал меня. «Нет смысла», — сказал он. — «Не наше дело — становиться *пандитом*. Наше дело стать преданным. Наше дело служить Кришне. Есть так много знатоков санскрита, но что они делают? Они продвигают ведическую культуру и мудрость Вед? Нет. Они не делают ничего полезного. Что действительно нужно, так это проповедовать сознание Кришны. И для этого не нужно учить санскрит. Тебе не нужно ничего изучать, кроме того, кто такой Кришна и каковы твои отношения с Ним». Затем он добавил: «Просто прочти мои книги, и ты выучишь всё что надо».

Здоровье Шрилы Прабхупады было неважным уже несколько месяцев с тех пор, как он вернулся в Индию, и теперь оно быстро ухудшалось. Он перестал совершать свои обычные утренние прогулки, и ему нужна была помощь, чтобы просто дойти до туалета. В Маяпуре его апартаменты не имели прилегающей ванной; вместо этого ванная комната находилась в самом конце ряда комнат. Даже когда Прабхупада использовал свою трость, ему нужен был сопровождающий, чтобы поддерживать его, обхватив талию одной рукой, а другой придерживая левое плечо.

Несмотря на то, что его здоровье было слабым, он не хотел лечиться. Ему не нравилась аллопатическая медицина, и он считал, что аюрведическое лечение не помогало, потому что травы утратили свою силу, а врачи были шарлатанами. Тем не менее, когда Абхирама Прабху пригласил в Маяпур знаменитого аюрведического врача, доктора Вималананда Таркатиртха, он наконец-то согласился на осмотр.

Доктор Таркатиртха был пожилым и полуслепым; ему было около восьмидесяти лет. Хотя доктор привёз с собой своего слугу, Шрила Прабхупада хотел, чтобы я обслуживал его тоже. Таркатиртха, он сказал, был великим аюрведическим врачом в своё время — возможно, лучшим в Калькутте, но занялся политикой и стал членом Законодательного собрания Западной Бенгалии, что фактически положило конец его карьере.

Доктор Таркатиртха был приятным, но несколько сдержанным. По его внешнему виду и самообладанию можно было сказать, что он происходил из аристократического рода. Я приводил его в комнату Шрилы Прабхупады каждое утро и каждый вечер, он внимательно осматривал Прабхупаду, измерял его пульс, а затем выписывал лекарства.

Трудно сказать, насколько серьёзно Шрила Прабхупада воспринимал доктора Таркатиртху и его лечение, но они вели долгие, сокровенные беседы. Доктор Таркатирта был на несколько лет старше Прабхупады, но они были из одного города и знали друг друга с молодости. Я видел, как они наслаждаются общением друг с другом.

Однажды вечером после осмотра Шрила Прабхупада разговаривал с доктором Таркатиртха о состоянии Кали-юги, нашего нынешнего века — о том, как всё постепенно ухудшается — и попросил меня подать Двенадцатую песнь "Шримад-Бхагаватам" со своего стола. Двенадцатая Песнь ещё не была переведена, поэтому Прабхупада просил меня принести книгу санскрите. Когда я принёс её, он попросил меня прочитать вслух вторую главу.

Итак, я начал читать стихи на санскрите, а он переводил и подтверждал точность утверждений. Я читал о том, как в эпоху Кали отношения между мужчинами и женщинами основываются исключительно на сексе. Семья состоит только из мужа и жены, и никто не заботится о пожилых родителях. Женатые сыновья оставляют своих родителей и уезжают, и даже отношения между мужем и женой длятся недолго. Браки основаны на сексуальной совместимости и скреплены только устными соглашениями. Царствует безудержная распущенность и нет никакой супружеской верности. О внешнем виде мужчины судят по длине его волос. Он упомянул, что в Америке и в Европе молодые люди отращивают длинные волосы, и это стало решающим фактором их физической привлекательности. Прабхупада описал, как преступники становятся правителями. Они крадут деньги у своих подданных посредством сбора налогов, а люди стали настолько разочарованными, что убегают из городов и деревень, чтобы избежать эксплуатации. Состояние земли стало настолько нестабильным, что коровы перестали давать молоко, зерновые выросли похожими на обычную траву, а фрукты были лишены вкуса.

После того, как доктор Таркатиртха ушёл, Шрила Прабхупада спросил меня, как мне удалось выучить санскрит. Вспомнив тот случай, когда я спрашивал его про изучение санскрита, я понял, что этим вопросом он хотел дать мне понять — я могу выучить санскрит, просто прочитав его книги.

Однажды вечером, после того как доктор Таркатиртха осмотрел Шрилу Прабхупаду, Прабхупада начал рассказывать ему о своей жизни. Он рассказал доктору, как однажды к нему пришёл его друг Нарен Маллик и пригласил его пойти к *садху*. Шрила Прабхупада не испытывал тогда большого уважения к так называемым *садху*, потому

что вырос, наблюдая, как его отец приглашал их к себе домой, но они приходили только чтобы поесть и попросить милостыню. Поэтому он отказался. Нарен, однако, настоял на том, чтобы Шрила Прабхупада пошёл с ним, сказав ему, что этот *садху* не был обычным *садху*; он был образован и воспитан в высших кругах общества. В конце концов Прабхупада смягчился и согласился пойти.

Этот *садху*, сказал он доктору Таркатиртхе, в конечном итоге стал известен как Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Тхакур. Он был духовным учителем Прабхупады. Во время их первой встречи Шрила Бхактисиддхант дал наставления Прабхупаде принять миссию Шри Чайтаньи Махапрабху, чтобы распространять Сознание Кришны — на английском языке — по всему миру.

Шрила Прабхупада изначально пытался противостоять инструкциям Шрилы Бхактисиддханты. Сначала Индия должна стать независимой, возражал он, иначе никто не воспримет её послание всерьёз. В ответ Шрила Бхактисиддхант сказал ему, что учение Чайтаньи Махапрабху выходит далеко за рамки политических, социальных, географических или даже религиозных соображений; оно было из другого мира и не зависит ни от каких условий материального характера.

Позже, когда Нарен спросил его мнение о *садху*, Шрила Прабхупада ответил: «Теперь, когда ответственность за распространение послания Шри Чайтаньи Махапрабху дошло до такого человека, как этот *садху*, он обязательно что-нибудь с этим сделает». С первой же встречи Прабхупада был настолько впечатлен Шрилой Бхактисиддхантой, что решил принять его как своего духовного учителя, а следование его наставлениям — миссией своей жизни.

Шрила Прабхупада был менеджером фармацевтической компании «Лаборатория доктора Бозе», принадлежавшей доктору Картику Бозе. Буквально на следующий день после встречи с *садху* он пошёл в офис компании и подал заявление об увольнении. Доктор Бозе был в шоке. Он был другом семьи и относился к Прабхупаде с

любовью. Он не мог понять, почему вдруг Прабхупада подал заявление об увольнении.

Когда Прабхупада рассказал о своей встрече и наставлениях Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура и о своём решении посвятить себя этой миссии, доктор Бозе пытался убедить его, что он может служить миссии, даже работая в компании. Но Прабхупада ответил, что если он останется работником компании, всё его время будет занято выполнением профессиональных обязанностей. Доктор Бозе возразил, что Прабхупада был не просто сотрудником; он управлял компанией и был для него как член семьи, как сын. Но Прабхупада был непреклонен.

«Но что же ты собираешься делать, уволившись с работы?» — спросил доктор Бозе. — «У тебя есть семья, которую нужно содержать. Ты женат, у тебя есть сын. У тебя есть пожилой отец».

Прабхупада сказал ему, что он станет заниматься своим собственным бизнесом. Таким образом он может содержать свою семью, но у него будет достаточно времени для проповеди Сознания Кришны.

Когда доктор Бозе услышал это, он сказал: «Хорошо, тогда бери на себя выпуск моей продукции в Северной Индии».

Вот как Шрила Прабхупада отправился в Аллахабад и начал свой бизнес. Тем не менее, он не достиг больших успехов. Его разум был далеко от бизнеса; он был сосредоточен на том, как выполнить указания своего духовного учителя.

Шрила Прабхупада думал, что, управляя своим бизнесом, он заработает деньги, и у него появится возможность отправиться на Запад, чтобы исполнить приказ Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Однако в результате, когда он отправился на Запад, он был нищим, у него не было никакой поддержки. Потом же всё просто начало происходить самым удивительным образом. События развивались по распоряжению Шри Чайтанья Махапрабху. И благодаря этому опыту он выучил для себя важный урок — когда

человек служит Верховной Личности Бога, не нужно было беспокоиться о деньгах или о чём-либо ещё. Господь всё устроит; если человек служит Ему искренне, Он предоставит всё необходимое.

Даже тогда, слушая этот рассказ, я осознавал, как мне повезло, что я услышал историю жизни Шрилы Прабхупады из его собственных уст.

Утром в день ухода Шрипады Махеша Пандита, одного из самых близких спутников Шри Чайтаньи Махапрабху, я заметил какое-то необычное оживление вокруг покоев Шрилы Прабхупады. Я поинтересовался, что происходит, и узнал, что Прабхупада принял приглашение посетить фестиваль, посвящённый этому событию, в Пал Пара — Шрипад Махеша Пандита, месте его жительства, которое находилось примерно в пятидесяти километрах.

Шрила Прабхупада поехал на своём темно-бордовом «Амбассадоре», за ним на нескольких машинах ехали ведущие преданные, в том числе и я. Когда мы приехали, нас приветствовали благозвучным *киртаном*. Шрилу Прабхупаду встретили с большим воодушевлением, почётом и уважением, и вместе с несколькими ведущими учениками его провели на сцену. Прабхупада прославил Шри Махешу Пандита, который, будучи спутником Господа Чайтаньи, сошёл к нам из духовного мира, чтобы помочь Ему в Его Миссии. Под руководством Нитьяланды Прабху он и другие преданные распространяли *Кришна-бхакти* по всей Бенгалии, и благодаря усилиям Шри Чайтаньи Махапрабху, вся Индия наполнилась чистой преданностью Верховной Личности Бога.

Шрила Прабхупада отметил, что Шри Чайтанья Махапрабху предсказал, что движение сознания Кришны распространится по всему миру и придёт в каждый город и деревню. Когда-то это казалось невозможным, но теперь Его предсказание становилось реальностью.

Прабхупада указал на своих западных учеников на сцене и заявил, что предсказание Махапрабху не могло не сбыться. Он был Верховной Личностью Бога, и Его слова были абсолютной истиной.

Шрила Прабхупада похвалил своих американских и европейских учеников за преданность и поблагодарил их за помощь в исполнении божественного предсказания. Затем он напомнил присутствовавшим индийцам об инструкции Махапрабху, в которой Он говорил, что все индийцы, независимо от касты и вероисповедания, могут добиться успеха в своей жизни, если будут распространять Сознание Кришны по всему миру. Он процитировал "Шри Чайтанья-чаритамриту":

*бхārата-бхūмите хаила манушйа-джанма йāра
джанма сārтхака кари 'кара пара-упакāра*

«Тот, кто родился человеком на земле Индии [Бхарата-варши], должен сделать свою жизнь совершенной и трудиться на благо всем людям».

И лучший способ принести пользу другим, сказал он, — это дать им Кришну.

Он процитировал ещё один стих из Чайтанья- Чаритамриты:

*йāре декха, тāре каха 'кришна'-упадешā āmāра āджнāййа гуру ханā
тāра 'эи деша*

«Проси всех исполнять наставления Господа Шри Кришны, изложенные в "Бхагавад-гите" и "Шримад-Бхагаватам". Таким образом стань духовным учителем и постарайся спасти всех в этих краях».

Шрила Прабхупада подчеркнул, что каждый индеец должен взять на себя ответственность; это было то, чего хотел Шри Чайтанья Махапрабху, Верховная Личность Бога. Кто-то может чувствовать себя неквалифицированным, чтобы принять такую важную ответственность, но в этом не было никакой необходимости. Так же, как существуют различные виды птиц, некоторые из которых, например воробьи, летают по двору, прочие — из одной страны в другую, а третьи — с одного континента на другой, — точно также и люди есть разные тоже. Каждый может проповедовать по своим способностям; одни могут проповедовать друзьям и соседям, в то время как другие могут ездить из одной страны в другую.

Весь мир нуждался в сознании Кришны, и индийцы имели священную обязанность делиться им со всеми. Шрила Прабхупада заявил, что он был всего лишь одним индийцем, который уехал из Индии и занялся распространением сознания Кришны по всему миру. «А что могло бы быть, если бы все индийцы взяли на себя эту ответственность?» — спросил он. — «Никто не может даже представить себе».

Большинство людей в зале были простыми сельскими жителями; они не представляли себе, что когда-то смогут отправиться за границу, что уж говорить о проповеди послания Шри Чайтаньи Махапрабху. Но Шрила Прабхупада убеждал даже их: «Это духовное послание Индии — настоящее Богатство Индии, и весь мир ждёт, чтобы получить его. Если не индийцы, то кто же? Так много индийцев уехали в Америку, чтобы воспользоваться её материальным благополучием и разбогатеть, но я поехал не для того, чтобы просить у них милостыню; я поехал в Америку, чтобы предложить им что-то, чего у них никогда не было — величайшее духовное богатство».

Прабхупада пригласил всю толпу присоединиться к ИСККОН и заняться выполнением духовной миссии Шри Чайтаньи Махапрабху. К сожалению, никто не откликнулся на его приглашение.

На следующей неделе Кальяна Дас, второй инициированный бенгальский преданный, который жил за пределами храма и работал страховым агентом и школьным учителем, приехал в Маяпур, чтобы встретиться со Шрилой Прабхупадой. Прабхупада расспросил его о его духовной жизни, а также о его жене и детях. Это был милый, тёплый разговор. Затем Кальяна спросил: «Шрила Прабхупада, какова моя *сиддха-сварупа*?». Он имел в виду - его духовная идентичность.

Эта идея — узнать свою духовную идентичность во время посвящения — происходила от *сахаджи*, или другой ветви духовной практики, и настроение Шрилы Прабхупады изменилось. Он немедленно пришёл в ярость и с рёвом в голосе и дрожащими губами, стал повторять: «Ты негодяй. Твоя *сиддха-сварупа*... Ты негодяй. Твоя *сиддха-сварупа*...». Наконец, он остыл и опустил голову. Всё ещё повышенным голосом, он сказал Кальяне: «Не беспокойся о своей

сиддха-сварупе. Когда ты достигнешь квалификации, я лично приду и открою её тебе».

Я был удивлён резким ответом Шрилы Прабхупады, но также мне стали ясно видны две вещи. Первое: как преданные, мы не должны беспокоиться о нашей духовной идентичности; мы просто должны были быть вовлечены в преданное служение. Остальное произойдёт автоматически, и наша духовная идентичность будет раскрыта по милости гуру и Кришны. И второе: Прабхупада всегда был рядом с нами. Он вернёт нас к Богу; это был просто вопрос нашей квалификации.

Кальяна сильно расстроился и попросил прощения у Шрилы Прабхупады. Через несколько мгновений Прабхупада вновь обрёл своё естественное спокойствие и в милостивом настроении объяснил Кальяне, что если и гуру, и ученик были квалифицированы, то гуру мог раскрыть духовные способности ученика и его идентичность. Однако, если кто-либо из них двоих действовал ненадлежащим образом, это могло привести не только к возникновению хаоса, но к разрушению духовной жизни обоих.

Вскоре после фестиваля Гаура-пурнима Шрила Прабхупада должен был поехать в Бомбей. Преданные там организовали недельную программу для него на Крестовом Майдане, в самом сердце города. Было вынесено на обсуждение, буду ли я его сопровождать или нет. Руководство храма хотело, чтобы я остался, так как я был вовлечён во многие виды работ и служений. Кроме того, я был единственным образованным индийским преданным в Маяпуре, поэтому мне часто приходилось иметь дело с правительственными чиновниками и другими важными лицами. Бхавананда Махарадж особенно зависел от моего присутствия, и буквально за два дня до отъезда Прабхупады он пришёл и сказал мне, что хотя я и был включён в состав команды для поездки в Бомбей, я должен остаться в Маяпуре.

Моё сердце сжалось, но я не мог протестовать. Махарадж сделал так много для меня, и я был безмерно благодарен ему за то, что он познакомил меня со Шрилой Прабхупадой и помог мне получить

служение по переводу книг Прабхупады, что дало мне возможность находиться вместе с Прабхупадой практически всё время.

Понимая мои переживания, Махараджа объяснил, что служение духовному учителю в разлуке было выше личного служения в его физическом присутствии. И всё же я не мог избавиться от тяжести на сердце.

На следующий день я сидел напротив Шрилы Прабхупады в его комнате, пока он воспевал *джану* на чётках. Внезапно он посмотрел на меня и спросил: «Разве ты не едешь со мной в Бомбей?».

Я ждал именно этой возможности и выпалил: «Нет, Шрила Прабхупада. Бхавананда Махарадж хочет, чтобы я остался в Маяпуре. Он сказал мне, что служение духовному учителю в разлуке лучше личного служения».

Шрила Прабхупада ответил: «Я думаю, когда твой духовный учитель хочет, чтобы ты служил ему лично, ты должен слушаться».

«Значит, мне следует ехать с вами?» — спросил я. — «Вы хотите, чтобы я поехал с вами?».

Я едва сдерживал себя.

«Да», — заявил он.

Я побежал к Бхавананде Махараджу и рассказал ему о том, что сказал Прабхупада.

«Если Шрила Прабхупада хочет», — ответил он, — «то, конечно, тебе придётся ехать с ним».

«И он хочет, чтобы вы заплатили за мой проезд», — пошутил я.

«Конечно, — сказал он с улыбкой. — Я так и сделаю».

6. Бомбей

(22 марта – 4 мая 1977 г.)

В пригороде Джуху строился новый великолепный храм Бомбея. Две шестиэтажные башни обрамляли вход, и весь шестой этаж башни справа, с окнами к входу, был отведён для покоев Шрилы Прабхупады.

Когда Прабхупада добрался до храма, его отвезли на старую квартиру, но он отказался выходить из машины, настаивая на том, что его привезли в новую. Он думал, что жильё уже готово, и когда ему сказали, что это не так, он расстроился и заявил, что он хочет остановиться там независимо от состояния квартиры.

Тамал Кришна Махарадж, который приехал вместе с Прабхупадой, велел водителю ехать в новый храм. К счастью, хотя башни не были полностью достроены, лифт на стороне покоев Прабхупады работал, так что в сопровождении Махараджа Прабхупада поднялся на шестой этаж.

Сама квартира совсем не была готова. Туалеты и некоторые двери всё ещё устанавливались, а электроприборы пока не были подключены. Жильё было похоже на стройку. Тем не менее, Прабхупада вошёл и сел на *асану* (сиденье) за богато украшенным мраморным столом, дав понять, что он собирается остаться в своей новой квартире, независимо от её состояния.

Преданные Бомбея, особенно Гирирадж Прабху, президент храма Джуху, и Сурабхи Свами, директор проекта, сильно беспокоились об условиях, но когда они спросили Тамал Кришну Махараджа, он отметил, что поскольку Крестовый Майдан, место проведения фестиваля, находится в центре Бомбея, будет более практично, если Прабхупада остановится где-то поблизости. Картикея Махадевия, богатый и влиятельный поклонник, согласился принять Прабхупаду в своих апартаментах, прекрасной квартире в одном из самых престижных зданий города, прямо у моря.

Г-н Махадевия и его семья освободили квартиру и переехали к брату, который жил в том же здании. Днём он и его жена прислуживали Шриле Прабхупаде. Они не были инициированы, но поскольку были чистыми вегетарианцами, Прабхупада разрешил миссис Махадевию готовить для него, и ему понравилось, как она готовит.

Бомбей был финансовой столицей Индии, и многие важные люди хотели приехать и встретиться со Шрилой Прабхупадой. Прабхупада уделял всем им своё время, несмотря на занятость переводами и плохое здоровье. Кто бы ни пришёл, он всем старался внушить одну главную мысль: осознайте важность послания Кришны для блага всего мира.

Одна из важных личностей, с которой Прабхупада встретился на той неделе, был Ратан Сингх Раджда, член парламента. Морарджи Десаи только что стал премьер-министром Индии, и поскольку он был вегетарианцем и убеждённым индуистом, противником убийства коров, казалось, что он может быть благосклонен к движению Сознания Кришны. Гирирадж Прабху не смог устроить встречу с ним напрямую, но ему удалось организовать разговор Шрилы Прабхупады с г-ном Радждой, важным членом правящей партии Десаи.

Г-н Раджда был весьма уважителен к Шриле Прабхупаде и слушал его внимательно, а Прабхупада говорил ему, что поскольку Десаи верил в учения "Бхагавад-гиты", он должен попытаться создать правительство, основанное на принципах Гиты, которые были даны Самим Кришной. Правительство несло ответственность за то, чтобы развивать сознание Бога у своего народа, сказал он; если он возьмёт на себя эту обязанность, люди последуют за ним. Если правительство

серьёзно относилось к созданию Рама Раджъя, правления Господа Рамы, в Индии Рама должен быть поставлен во главу правления.

Шрила Прабхупада объяснил, как всего за двенадцать лет, благодаря участию западной молодёжи, движение сознания Кришны достигло признания во всём мире. Теперь это была ответственность Индии — взять на себя эту миссию. «Необходимо создать учреждение для обучения индийской молодёжи в рамках движения сознания Кришны», — предложил он.

Г-н Раджда оценил идею и сказал, что он организует встречу Шрилы Прабхупады с премьер-министром. И когда он вернулся в Дели, он действительно назначил встречу и связался с Гирираджем Прабху, однако потом было решено, что из-за плохого здоровья Прабхупады будет лучше, если они смогут встретиться в Бомбее.

Г-н Раджда снова посетил нас примерно через десять дней с женой, дочерью и одним другом. Шрила Прабхупада высказал предположение, что так же, как в США правительство предоставило ему вид на жительство, индийское правительство также должно предоставить сотне активных членов ИСККОН из Америки постоянный вид на жительство в Индии. Прабхупада заверил его, что у них нет никаких политических мотивов, он находились там только для того, чтобы помогать ему в распространении Ведической культуры. Г-н Раджда воспринял предложение благосклонно и пообещал сделать всё возможное, чтобы убедить правительство оказать Прабхупаде полную поддержку.

На следующий день другой депутат парламента, Рам Джетмалани, пришёл встретиться со Шрилой Прабхупадой. Он был успешным юристом, который занялся политикой и стал членом парламента в Бомбее. Нам было ясно с самого начала, что он не был настроен положительно к плану Прабхупады по одухотворению мира, распространяя сознание Кришны. Тем не менее, Прабхупада проповедовал ему, и наконец, когда г-н Джетмалани собирался уходить, Прабхупада настоял, чтобы он сначала принял немного *прасада*. Мне показалось, что Шрила Прабхупада, видя безнадежное

положение этого человека, решил по крайней мере принести ему какую-то духовную пользу.

Когда премьер-министр Десаи приехал в Бомбей, были приняты меры по организации встречи Шрилы Прабхупады с ним, но поступило предложение, что Тамал Кришна Махарадж и Гирирадж Прабху сначала должны поговорить с ним сами, чтобы подготовить почву для более продуктивной встречи. Прабхупада долго беседовал с Тамал Кришной о моментах, на которые следует обратить особое внимание — получение постоянного вида на жительство для ста иностранных верующих, обеспечение государственной поддержки для образовательных учреждений ведической культуры, поощряющих индийских подданных оставаться в естественных условиях деревенской жизни, запрещающих убой коров и развитие *брахманических* качеств в членах правительства, чтобы они могли должным образом вести массы к достижению конечной цели жизни.

К сожалению, контактное лицо, которое должно было отвезти их к премьер-министру, задержался, поэтому они опоздали на полчаса, и премьер-министр отказался их принять. Шрила Прабхупада был довольно расстроен и спросил Тамал Кришну, почему он не объяснил министру причины своего опоздания.

Это был последний раз, когда Прабхупада предпринял какие-либо попытки сделать что-либо при помощи политических деятелей.

В тот день в нашей комнате Махарадж сокрушался о постигнувшей их неудаче. Ему было очень плохо из-за того, что пропустил такую важную встречу и разочаровал Шрилу Прабхупаду, создав впечатление у премьер-министра, что мы, как движение, были безответственными.

Он рассказал мне, что в 1975 году у Шрилы Прабхупады была встреча с Индирой Ганди, которая тогда была премьер-министром, но эта встреча также не дала желаемого результата. Буквально за пару дней до этого Шейх и премьер-министр Бангладеша Мозибур Рахаман был убит, и она беспокоилась о своей безопасности. Прабхупада отправился к ней с предложением разрешить его иностранным

ученикам иметь постоянный вид на жительство в Индии, а также с другими предложениями, основанными на Ведической философии, касающимися того, как следует управлять страной. Хотя премьер-министр Ганди была к нему уважительна, она призналась, что ей сейчас было не до дискуссий.

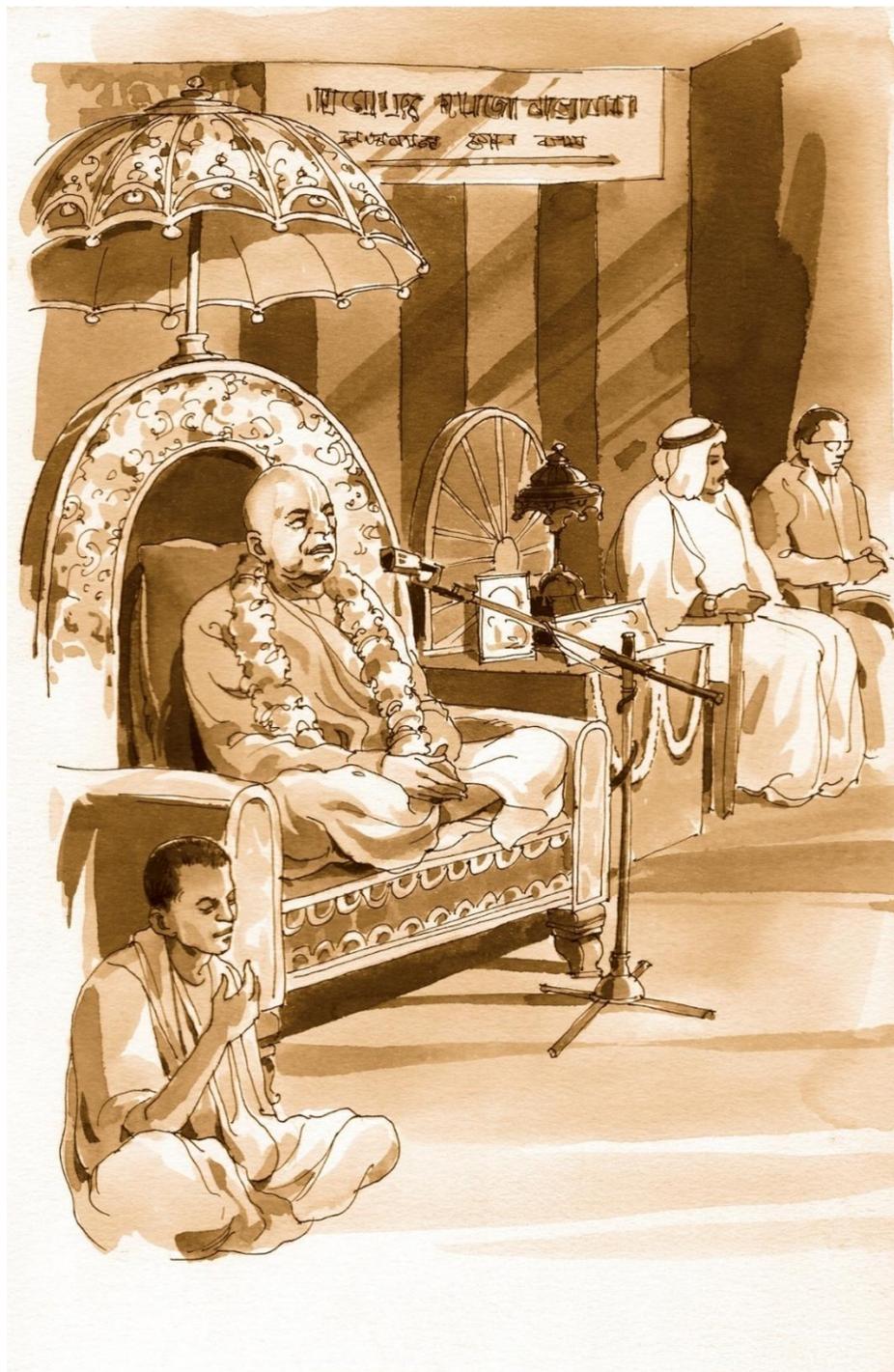
Когда я спросил Махараджа, считает ли он, что политические деятели Индии действительно делают все, чтобы помочь распространению сознания Кришны, он ответил: «Нет, я так не думаю, но Шрила Прабхупада просто продолжает пытаться... дать им возможность послужить Кришне».

«Даже если премьер-министр примет сознание Кришны», — прокомментировал я, — «он не сможет это осуществить, потому что ему придётся придерживаться линии своей партии. Если он начнёт делать что-то другое, он будет свергнут незамедлительно. Несмотря на то, что он является главой государства, у него нет возможности для осуществления своих идеалов — ему приходится быть марионеткой в руках своей партии».

Махарадж согласился.

Преданные тщательно готовились к проведению мероприятий на Крестовом Майдане. Были поставлены огромный пандал (просторная палатка) и красиво оформленная украшенная сцена. Собрались тысячи людей, чтобы послушать Шрилу Прабхупаду. Его здоровье было не очень, он был физически слаб, но когда он начал говорить, его голос стал сильнее, а осанка — более прямая. Его высказывания, как всегда, были прямыми и смелыми, и показывали его обеспокоенность о страдающих обусловленных душах. Стоя позади него и обмахивая его, пока он говорил, я мог видеть, как он оживился во время проповеди.

Однажды вечером, глядя на толпу, Шрила Прабхупада заметил одного джентльмена, одетого в традиционную арабскую одежду. Он попросил Бхавананда Махараджа привести человека на сцену. Когда мужчина сел на стул рядом с ним, Прабхупада ласково заговорил с ним. Человек оказался начальником полиции Кувейта. Он приехал в Бомбей на лечение, и в тот вечер его впервые выпустили из больницы.

Шрила Прабхупада приглашает мусульманина из Кувейта на программу в Бомбее

Прогуливаясь по парку, он увидел собрание и из любопытства подошёл посмотреть, что там происходит.

Шрила Прабхупада заметил, что в руках у мужчины были чётки, и спросил об их предназначении. Мужчина сказал, что он просто носит их с собой, без какой-либо определённой цели. Тогда Прабхупада вытащил свои чётки из мешочка и сказал: «Видишь, у меня тоже есть чётки», и они оба рассмеялись. Чётки были священными, сказал ему Прабхупада; они использовались для воспевания святых имён Господа. Они должны храниться в мешочке, чтобы не осквернились. Прабхупада не вступал в серьёзную философскую дискуссию с этим человеком. Они просто тепло пообщались, но я не мог не заметить, что Прабхупада произвёл на него глубокое впечатление.

Я также был впечатлен, увидев Шрилу Прабхупаду, возвышенного индусту и духовного лидера, пригласившего мусульманина с Ближнего Востока подойти и сесть рядом с ним во время такой важной программы. Это было могучим посланием — ИСККОН не является сектантским; он приветствует всех. Все, кто был открыт для изучения Вед и был заинтересован узнать о Верховной Личности Бога и установить любящие отношения с Ним, могли присоединиться к движению, независимо от касты, вероисповедания или религии.

Каждый день после программы я сопровождал Шрилу Прабхупаду обратно на квартиру Картикеи Махадеви. Он всегда был изнурён и по возвращении он сразу ложился в постель, где я массировал ему ноги. Однажды вечером, когда я делал ему массаж, Прабхупада спросил: «Как тебе понравилась моя сегодняшняя лекция?».

«Это было чудесно, Шрила Прабхупада», — ответил я.

«Что в этом было такого замечательного?».

Я рассказал всё, что мог вспомнить: «Вы сказали, что в человеческом обществе должен быть класс разумных личностей, который будет руководить остальными. Хотя Господь Рамачандра был

Верховной Личностью Бога, Он всё равно консультировался с учёным *брахманом*. Административный класс — правители, правительство — должен прислушиваться к советам *брахманов*. Вы отметили, что ИСККОН создаёт *брахманов* во всём мире. Весь мир страдает из-за отсутствия такого важного руководства, и вы отметили, как важно, чтобы интеллигенция очень серьёзно отнеслась к движению сознания Кришны. Индия обладает духовной мудростью, и поэтому индийцы должны взять на себя ответственность по распространению сознания Кришны. Вы процитировали Шри Чайтанью Махапрабху:

*бхārата-бхūмите хаила манушйа-джанма йāра
джанма сārтхака кари' кара пара-упакāра*

«Тот, кто родился человеком на земле Индии [Бхарата-варши], должен сделать свою жизнь совершенной и трудиться на благо всем людям».

Вы указали, что истинная *пара-упакāра*, благотворная деятельность, заключается в том, чтобы дать им Сознание Кришны. Это то, что должен делать каждый индиец, чтобы его жизнь стала успешной.

Вы просили всех выйти за рамки телесного понимания жизни, прийти к духовному осознанию и пониманию своей истинной идентичности как духовного существа, и вы сказали, что их духовная ответственность – воспевать Святое имя. Тогда их сердца очистятся от всех нечистот, и, развивая свои любовные отношения с Кришной, Верховной Личностью Бога, они смогут осознать свою духовную идентичность».

Шрила Прабхупада, казалось, был доволен тем, что я внимательно слушал его лекцию. Затем он попросил меня почтить ему из "Шри Чайтанья-чаритамриты". Пока я читал, он уснул. Я остался на полу у его кровати, повторяя *джану*. Когда Тамал Кришна Махараджа вернулся и увидел, что я сижу там, он отправил меня отдыхать.

Программа "Бомбей пандал" имела огромный успех. От восьми до десяти тысяч человек приходили каждый день, почти все были внимательны и восприимчивы. И Шрила Прабхупада передавал величайшую мудрость с самой трансцендентной простотой.

Сварупа Дамодара Дас из Манипура произвёл на меня самое сильное впечатление из всех приехавших в Бомбей преданных. Когда однажды вечером он вошёл в спальню Шрилы Прабхупады в сопровождении г-на Махадевия, лицо Прабхупады озарилось яркой улыбкой, и даже будучи окружённым группой ведущих преданных, он воскликнул: «Сварупа Дамодара!». Сварупа Дамодара немедленно рухнул на пол в поклоне и затем коснулся стоп Прабхупады. Всё ещё улыбаясь, Прабхупада представил его г-ну Махадевию и сказал: «Он родился вайшнавом, но серьёзно принял вайшнавскую культуру только после того, как он встретился со мной в Америке. Он блестящий юноша — получил степень магистра химии в Калькуттском университете, а затем отправился в Америку, чтобы получить докторскую степень в Калифорнийском университете. Но когда он встретился со мной, он отказался от карьеры и присоединился к ИСККОН в качестве преданного, посвятившего себя этому делу на постоянной основе».

«Манипур — прекрасное место», — продолжил Прабхупада, — «это долина, окружённая семью холмами в конце Гималайского хребта. Царь той местности стал преданным Шри Чайтаньи Махапрабху после того, как встретился с одним из учеников Шрилы Нароттама Даса Тхакура. Он превратил своё царство в государство вайшнавов. Он устроил так, чтобы Гаудия вайшnavы приезжали туда из Бенгалии, чтобы обучать граждан вайшнавской культуре. Она всё ещё распространена в Манипуре. Их танцы, песни, кулинария и одежда сохраняют первозданную культуру вайшнава».

Судя по тому, как Шрила Прабхупада говорил о Сварупа Дамодаре, я мог догадаться, как сильно он был к нему привязан.

Прабхупада продолжал: «Я поручил ему проповедовать научному сообществу и создать специальный факультет ИСККОН для этой цели,

под названием «Бхактиведанта Институт». Он отвечает за этот институт».

Сварупа Дамодара дал подробный отчёт о своей проповеди. Он рассказал Прабхупаде, что встретился с несколькими учёными в Центре атомных исследований в Тромбае, районе Бомбея, и что они оказали большую поддержку. В Индии даже учёные гордились своим ведическим наследием.

Прабхупада был рад это услышать и спросил, был ли разговор записан. Когда Сварупа Дамодара сказал, что нет, Прабхупада велел ему отныне всегда носить с собой диктофон или брать кого-нибудь с собой, чтобы записывать содержание бесед. Разговоры, сказал он, были важны и могли быть использованы в будущем.

Затем Шрила Прабхупада стал говорить о значении города Бомбея.

«Бомбей, несомненно, лучший город в Индии», — утверждал он. — «63% дохода страны поступает из Бомбея».

«Калькутта также очень богата», — отозвался Сварупа Дамодара.

«Их деньги — черные деньги», — парировал Прабхупада. — «Чтобы избежать уплаты налогов государству, они не декларируют доходы».

Сварупа Дамодара сообщил, что несколько студентов из Бомбейского университета пришли в храм Джуху и хотели поступить учиться в Институт Бхактиведанты. Шрила Прабхупада был рад это услышать и сказал, что им следует предоставить им хорошие условия, и что здания на территории храма Джуху должны использоваться для содействия Институту, чтобы интеллигенция могла приходить и заниматься познанием науки сознания Кришны.

«Предоставьте им хорошее жилье, чтобы им не было некомфортно», — сказал он. — «Кормите их хорошо. Предоставьте им

все удобства. Люди с образованием, учёные, привыкли к определённым удобствам. Поэтому следует учитывать это. Мой Гуру Махараджа также хотел этого. Он хотел привлекать людей высшего сословия и предоставлять им все удобства, когда они приходят к нам. Мы не можем ожидать, что они вдруг начнут спать на полу. Нет, это невозможно. Тогда они будут раздражены. Дайте им хорошее жильё; пусть еда будет вкусной, создайте для них хорошие удобства. Вы все умные ребята. Займитесь этим немедленно. Постройте ещё одно здание, пусть будет помещение для первого класса».

Прибыл новый слуга Шрилы Прабхупады, Упендра Дас с Фиджи, где он был первым преданным, проповедовавшим сознание Кришны. Он также был личным помощником Прабхупады, и Прабхупада был вполне доволен его службой. Поэтому, когда Хари Шаури уехал в Австралию, чтобы служить там представителем ДжиБиСи, Прабхупада предложил Упендру в качестве его замены.

Упендра был живым, беззаботным преданным, и мы подружились почти сразу. У него была жена и двое детей в Америке, но когда он был занят служением Шриле Прабхупаде, он как будто превращался в другого человека и переносился в другой мир, в другую жизнь, полностью поглощённый своим служением. Его преданность Прабхупаде была примечательна, он служил искренне и с большой эффективностью.

Шрила Прабхупада был очень доволен тем, как прошла программа на Крестовом Майдане. Когда мы ехали в машине обратно на квартиру г-на Махадевии, он спросил меня: «Как ты думаешь, сколько человек пришло сегодня?».

«Около десяти тысяч», — сказал я.

«Ты думаешь, они внимательно слушали и поняли, что я им говорил?»

«Да, Шрила Прабхупада. Было видно, что они очень внимательно слушали. Пока вы говорили, никто не вставал и не уходил. И когда

начался *киртан*, все присоединились с таким энтузиазмом! Многие пустились в пляс».

«Индусам близко сознание Кришны», — сказал Прабхупада. — Мы должны представить им нашу философию надлежащим образом, и тогда они отреагируют благосклонно и примут её».

Когда программа закончилась, Шрила Прабхупада захотел вернуться в Джуху, где его новые покои были уже готовы. По прибытии он сразу отправился на даршан Божеств, Шри Шри Радха-Расабихари. Строительство храма ещё не было закончено, поэтому Божествам поклонялись в небольшом жестяном сарае у входа. Территория представляла собой одну большую строительную площадку, но двор был расчищен, и сотни преданных собрались там, чтобы поприветствовать Шрилу Прабхупаду. Они пели и танцевали в экстазе.

Мадхава Дас, доктор философии из Италии, работавший со Сварупой Дамодарой в Институте Бхактиведанты, залез на дерево плюмерии, чтобы фотографировать. Плюмерии — деревья довольно мягкие, и ветка, на которой он сидел, не смогла выдержать его вес. Она сломалась с громким треском, и Мадхава Дас упал на землю прямо перед Шрилой Прабхупадой.

Прабхупада был явно обеспокоен и немедленно остановился, чтобы убедиться, что Мадхава ничего себе не сломал. Мадхава, красный от смущения, встал на ноги, как будто ничего не произошло, и заверил Прабхупаду, что он в порядке — пострадала только его камера.

После краткого обращения к преданным Шрила Прабхупада отправился домой, в новую квартиру. Он осмотрел каждую комнату и выразил своё удовлетворение. Впереди, прямо напротив лифта, находилась приёмная с большим столом, за которым сидел Тамал Кришна Махарадж. Потом шла восьмиугольная комната ожидания, которая прилегалась к просторному залу для *даршана* с длинным мраморным столом, за которым Прабхупада мог сидеть на богато украшенной *асане* с подушками. Зал разветвлялся на две стороны: в правом крыле рядом с умывальной комнатой находился небольшой

стол и сиденье для Прабхупады, для принятия *прасада*, а слева было помещение с таким же столом и креслом, за которым он мог работать над переводами. Дальше слева от зала была его спальня с туалетом, душевой и балконом, с которого открывался вид на храм. В другом крыле, сзади и справа от столовой Прабхупады, был коридор и комната для его секретаря, с собственным туалетом и душевой, а также хорошо оборудованной кухней.

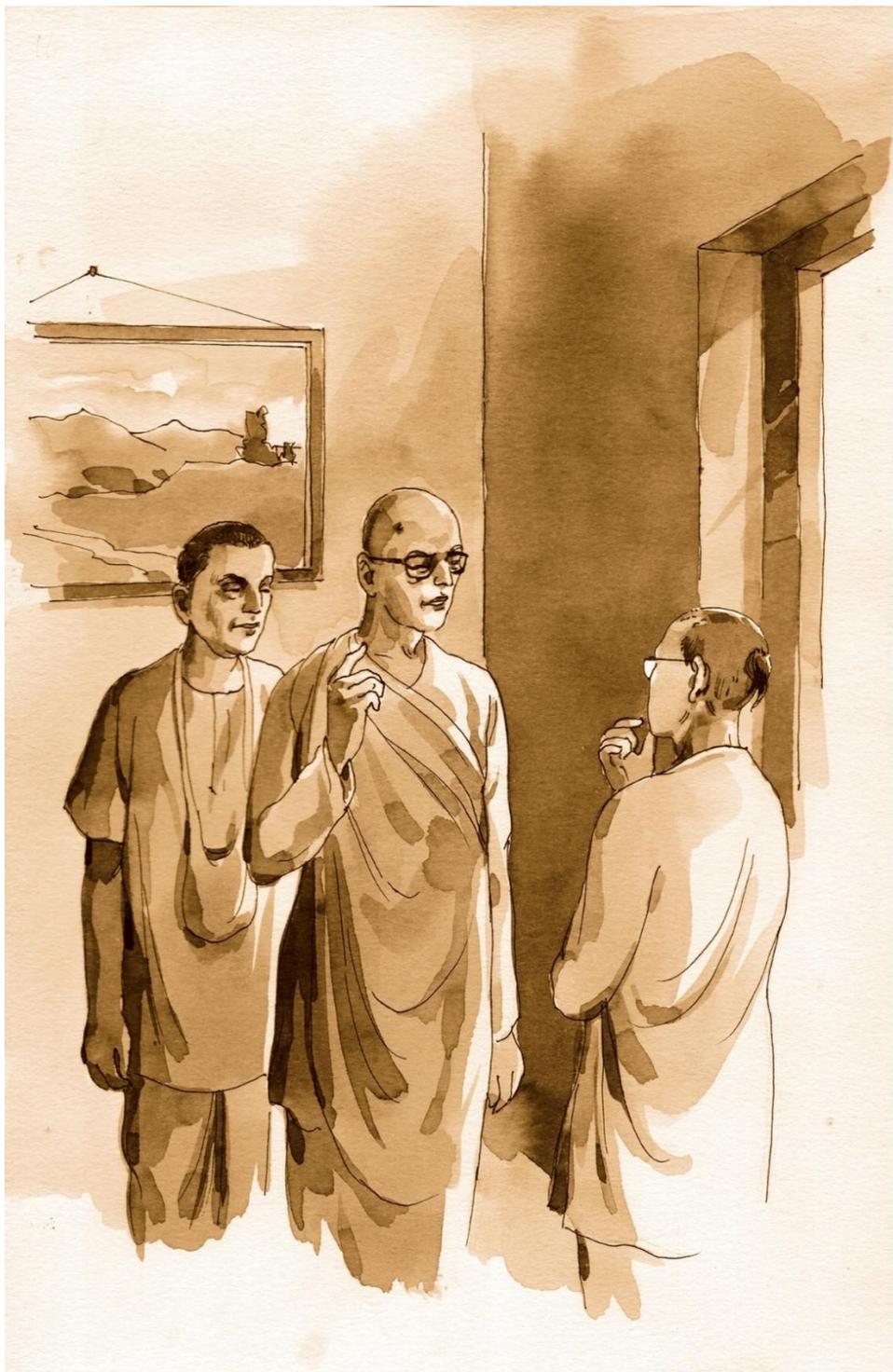
Я думал, что буду жить в одной комнате с Упендрой, чтобы Тамал Кришна мог расположиться в комнате секретаря, но Махарадж настоял на том, чтобы я остался с ним, и я был рад увидеть его настойчивость и последовать его желанию.

Во второй половине дня Тамал Кришна Махарадж вызвал меня и Упендру для разговора. Здоровье Шрилы Прабхупады было неважным, напомнил он нам; ему понадобится постоянная забота. Но его жилище было несколько изолировано, и там не будет других преданных, которые могли бы служить ему. Нам придётся самим заботиться о Шриле Прабхупаде. По крайней мере, кто-то из нас должен быть рядом с ним всё время, особенно по ночам. Упендра взял на себя смену с 10 часов вечера до полуночи, я — с полуночи до 2 часов ночи, а дежурство Махараджа будет с 2 до 4 утра.

Первой ежедневной обязанностью была уборка всей квартиры. Упендра убирал спальню и гостиную Прабхупады, а я — приёмную, коридор и нашу с Тамал Кришна Махараджем комнату. Матаджи Палика, одна из наших американских духовных сестёр, готовила для Прабхупады, а я подавал ему *прасад*.

Шрила Прабхупада также дал мне другие виды служения, одним из которых было забирать ежедневные газеты и приносить их ему в 7 часов утра каждый день. Я читал ему заголовки с первой страницы, и если его что-то интересовало из перечисленного, он просил меня читать дальше. Иногда по мере чтения он делал комментарии.

Первый срок правления Индиры Ганди только что закончился, и Морарджи Десаи занял пост премьер-министра. Шрила Прабхупада был доволен, что Ганди покинула правительство. Во время её

Получение наставлений от Тамала Кришны Госвами

правления она ввела чрезвычайное положение в стране и правила практически как диктатор. Прабхупада был недоволен этим и говорил мне, что когда он жил в Аллахабаде, он был знаком с членами её семьи и видел, что они были деградировавшими и распутными личностями.

Прабхупада был особенно обеспокоен программой обязательной стерилизации, которую начал сын Индиры Ганди Санджай Ганди. Даже *садху* заставляли делать вазэктомию. Программа была создан в целях контроля за ростом населения в Индии. Прабхупада сказал: «Они не знают, что творят. Они не знают, что будет результатом такого оскорбления *садху*». Будущее показало, что он был прав: в 1980 Санджай Ганди погиб, когда самолёт, которым он управлял, потерпел крушение; в 1984 году во время своего второго правления Индира Ганди была убита своими собственными телохранителями; а в 1991 году её другой сын, Раджив Ганди, который также стал премьер-министром, был убит террористом-смертником.

Но Прабхупада также не был высокого мнения о Морарджи Десаи. «Он лелеет высокие цели, но у него нет ни интеллекта, ни харизмы, чтобы их исполнить».

Шрила Прабхупада оставался в своих покоях, в основном занимаясь переводами, в течение всего своего пребывания в Джуху. Он делал большую часть работы по ночам. Перед сном, Тамал Кришна Махарадж клал на рабочий стол Прабхупады Шримад Бхагаватам на санскрите с комментариями предыдущих *ачарьев*, а также диктофон, дополнительную аудиокассету, стакан воды и медную плевательницу. Всё было устроено так, чтобы Прабхупада мог переводить, не отвлекаясь ни на что другое.

Моя смена начиналась в полночь, и к тому времени, как я приходил сменить Упендру, Шрила Прабхупада уже переводил. Он вставал в одиннадцать, иногда десять, и сразу же приступал к работе.

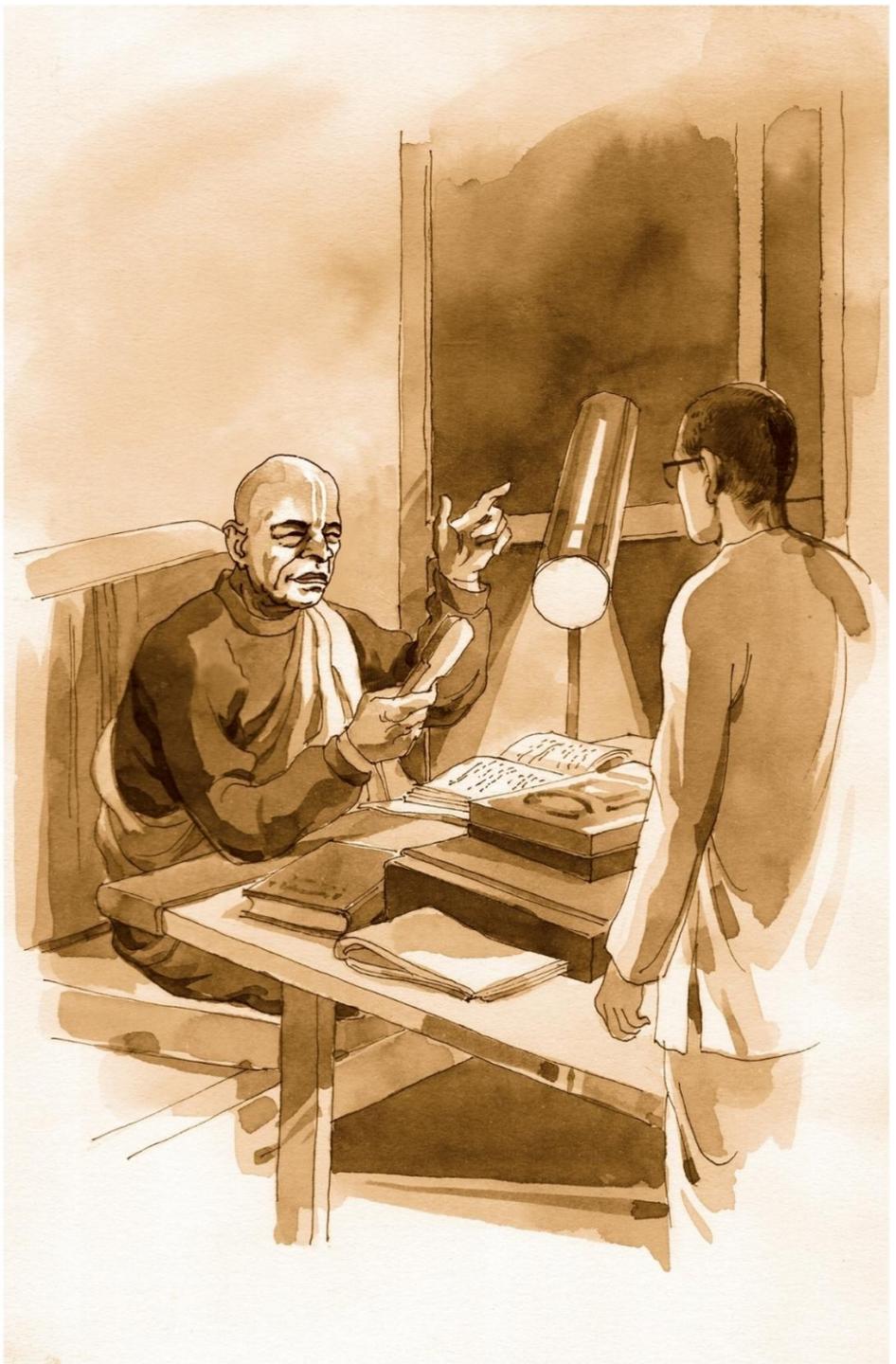
Мне очень понравилось наблюдать, как Прабхупада наговаривает в свой диктофон. Весь мир был погружен в глубокий сон; единственным звуком был его голос — он переводил стихи и затем надиктовывал свои комментарии. Однажды ночью, однако,

Прабхупада заметил, что я наблюдал за тем, как он работает, и сказал мне прекратить мою слежку. Мне было неловко, что я причинил ему беспокойство, и с тех пор я садился за колонной и смотрел в другую сторону, просто слушая его трансцендентный голос.

Я всё ещё переводил "Бхагавад-гиту" Прабхупады на бенгальский язык, и каждый день я читал ему новые переведённые абзацы, а он наставлял и поправлял меня, а иногда и выражал мне свою признательность. Когда я прочитал свой перевод второго стиха четвертой главы, Прабхупаде не понравилось, как я перевёл слова *йога наштах*. В пословном переводе на английский язык он использовал слово «рассеянный» для *наштах*, но в полном переводе стиха он использовал выражение "кажется потерянным". Я перевёл выражение буквально на бенгальский, но Прабхупаде не понравился результат, и сколько бы раз он ни просил меня переделать этот стих, мне никак не удавалось ему угодить. Он мог бы подсказать мне правильное выражение, но он хотел, чтобы я нашёл его сам. Наконец, я использовал бенгальское выражение *нашта-прая*, буквальный перевод "почти потерян", и он подтвердил: «Да, именно так!». Я был в восторге, что мне удалось найти правильное слово.

В конце концов Прабхупада подарил мне мой собственный диктофон и попросил меня отныне наговаривать переводы на диктофон; записи позже расшифровывались кем-то ещё — таким образом моя работа пошла быстрее. Когда я впервые начал пользоваться диктофоном, однако, я не мог сразу сообразить, что говорить и как. Я поговорил с Прабхупадой о моих трудностях, и он заверил меня, что, хотя поначалу это может показаться сложным, со временем я привыкну переводить таким образом. И с его благословения, и с поддержкой, я вскоре привык так работать, и мой темп действительно увеличился.

Однако одна из проблем с записью моей работы на диктофон заключалась в том, что я больше не читал свой перевод Прабхупаде, и я беспокоился о сохранении высокого качества и совершении ошибок. Я выразил свою обеспокоенность ему, но он снова возразил мне с мягкой уверенностью. Не о чем беспокоиться, сказал он. Он уверен, что я хорошо справляюсь.

*Шрила Прабхупада просит не беспокоить его
во время перевода "Шримад-Бхагаватам"*

Меня воодушевляло его доверие, но мне всё равно не хватало нашего близкого общения — мне нравилось, когда мы работали вместе.

Строительство храма Джуху всё ещё было в самом разгаре. Шрила Прабхупада поручил концепцию дизайна и ответственность за строительство в целом Сурабхи Свами — своему ученику и санньяси из Голландии, который был опытным архитектором — и он работал день и ночь, чтобы завершить проект. Размеры храма, его богатый дизайн и высокое качество используемого мрамора произвели настоящую сенсацию в Бомбее. В газете Times of India была опубликована статья о храме, которую Тамал Кришна Махарадж зачитал Шриле Прабхупаде. Статья, занимающая практически целую страницу, сопровождалась фотографиями строящегося храма и включала много технических и финансовых подробностей. Но хотя название ИСККОН было упомянуто, об имени и положении Шрилы Прабхупады не было ни слова.

Прабхупада спросил, кто предоставил репортёру эту информацию. Оказалось, что статья была основана на интервью с Сурабхи Свами. Прабхупада позвал Махараджа и спросил, читал ли он статью. Да, читал, сказал Махарадж. Прабхупада спросил, кто передал информацию репортёру, и Махарадж сообщил, что это сделал он сам. Тогда Прабхупада спросил, почему его имя не было упомянуто ни разу во всей статье. Сурабхи Свами замолчал; он просто сидел там, глядя в пол, не произнося ни слова. Тогда Прабхупада приказал, что всякий раз, когда упоминалось имя ИСККОН, его имя и титул должны так же быть указаны. Он был, в конце концов, *ачарья*-основатель ИСККОН.

Я не мог понять, почему Шрила Прабхупада был так озабочен данным инцидентом. Он всегда был таким отстранённым и никогда не хотел приписывать себе какие-либо заслуги за свои достижения, какими бы значительными они ни были, но теперь он выражал крайнее недовольство, что его имя упомянуто не было. Я не стал задавать ему этот вопрос — я не имел права его судить; всё, что он делал, было совершенным, но тем не менее, я всё равно думал об этом.

Со временем я понял, что Прабхупада делал акцент на своём титуле ачарьи-основателя не для личного возвеличивания, но для

целостности и благополучия ИСККОН как организации. Он сам нам говорил, что хотя ему и удалось распространить Движение санкиртаны по всему миру за короткие десять лет, тем не менее он не успеет за остаток своей жизни распространить учение Шри Чайтаньи Махапрабху в каждый город и деревню, как было предсказано Господом. На это потребуются поколения, и именно поэтому возникла необходимость в создании духовной организации — для распространения миссии даже после того, как Прабхупада покинет тело. По его словам, успех ИСККОН будет зависеть от двух вещей: сотрудничества в управлении (Руководящего совета) и духовного руководства его *ачарьи*-основателя.

Однажды матаджи Палика заболела, и другая наша духовная сестра приготовила обед для Шрилы Прабхупады. Однако, когда я подал ему *прасад*, я заметил, что он не стал есть.

«Шрила Прабхупада», — спросил я, — «разве сегодня еда не вкусная?».

«Нет», — ответил он. — «Эта матаджи не умеет готовить».

«Можно я завтра сварю обед для вас?» — выпалил я.

«Да, можно».

На следующее утро, когда Прабхупаде делали массаж с маслами, он позвал меня и попросил принести немного картофеля, *парвала* (тыквы), куркумы, сухого красного перца чили и банку горчичного масла, которую мы привезли с собой из Калькутты для того, чтобы делать ему массаж. Он показал мне, как резать картофель и *парвал* на кусочки размером в три четверти дюйма, и велел добавить куркуму, красный перец чили, а затем горчичное масло. Я налил достаточно много масла, но когда я поставил банку назад, Прабхупада сказал: «Почему ты перестал лить? Продолжай лить». Я последовал его команде и продолжал лить, пока, наконец, он не сказал мне остановиться. Затем я должен был добавить соли и ровно столько воды, чтобы покрыть овощи, и поставить кастрюлю на огонь. «Вода испарится», — сказал он, — «затем пойдёт белый пар, с характерным

пощёлкиванием, чат-чат-чат. Тогда снимай кастрюлю с огня и дай ей чуть-чуть остыть. Куркума немного обжарится на дне кастрюли в горчичном масле и станет вкусной корочкой — её надо соскрести со дна лопаточкой. И только тогда блюдо будет готово к подаче». Затем он добавил: «Этот рецепт называется *бати-чачари*».

Я также приготовил несколько других блюд, но когда я накрыл стол для Шрилы Прабхупады, он поел только *бати-чачари* и *чапати*.

Прабхупада закончил трапезу, и я пошёл мыть посуду. Вдруг на кухню вбежал Упендра: «Эй, что ты приготовил сегодня? Шрила Прабхупада так хвалил твою готовку и даже попросил меня попробовать». А позже в тот же день, когда вернулся Тамал Кришна Махараджа после чтения и записи писем Прабхупады под диктовку, он также сказал мне, насколько Прабхупаде понравился приготовленный мной обед. Таким образом, с тех пор готовка стала моей служением.

Однажды утром Шрила Прабхупада захотел апельсинового сока. Однако на кухне не оказалось апельсинов, поэтому я пошёл на рынок. Когда я вернулся и собирался делать сок, раздался звонок из комнаты Прабхупады, и я побежал спросить, что ему нужно.

«Что случилось с апельсиновым соком?» — спросил он. — «Почему он так долго?».

Я видел, что он был раздражён.

«Я сейчас принесу сок, Шрила Прабхупада», — ответил я и побежал обратно на кухню. Я ещё не закончил давить сок, как он принялся звонить в звонок снова и снова. Звонок продолжал звонить беспрестанно, как будто сам колокольчик был зол. В невероятной тревоге я быстро налил сок в серебряную чашу Прабхупады, поставил на поднос и побежал в его комнату.

Когда я вошёл, я услышал громовой голос Шрилы Прабхупады: «Унеси это прочь. Я не хочу этого!». Чувствуя себя виноватым, низко опустив голову, я просто продолжал двигаться вперёд. Когда я оказался перед Прабхупадой, я опустил на колени, держа поднос с

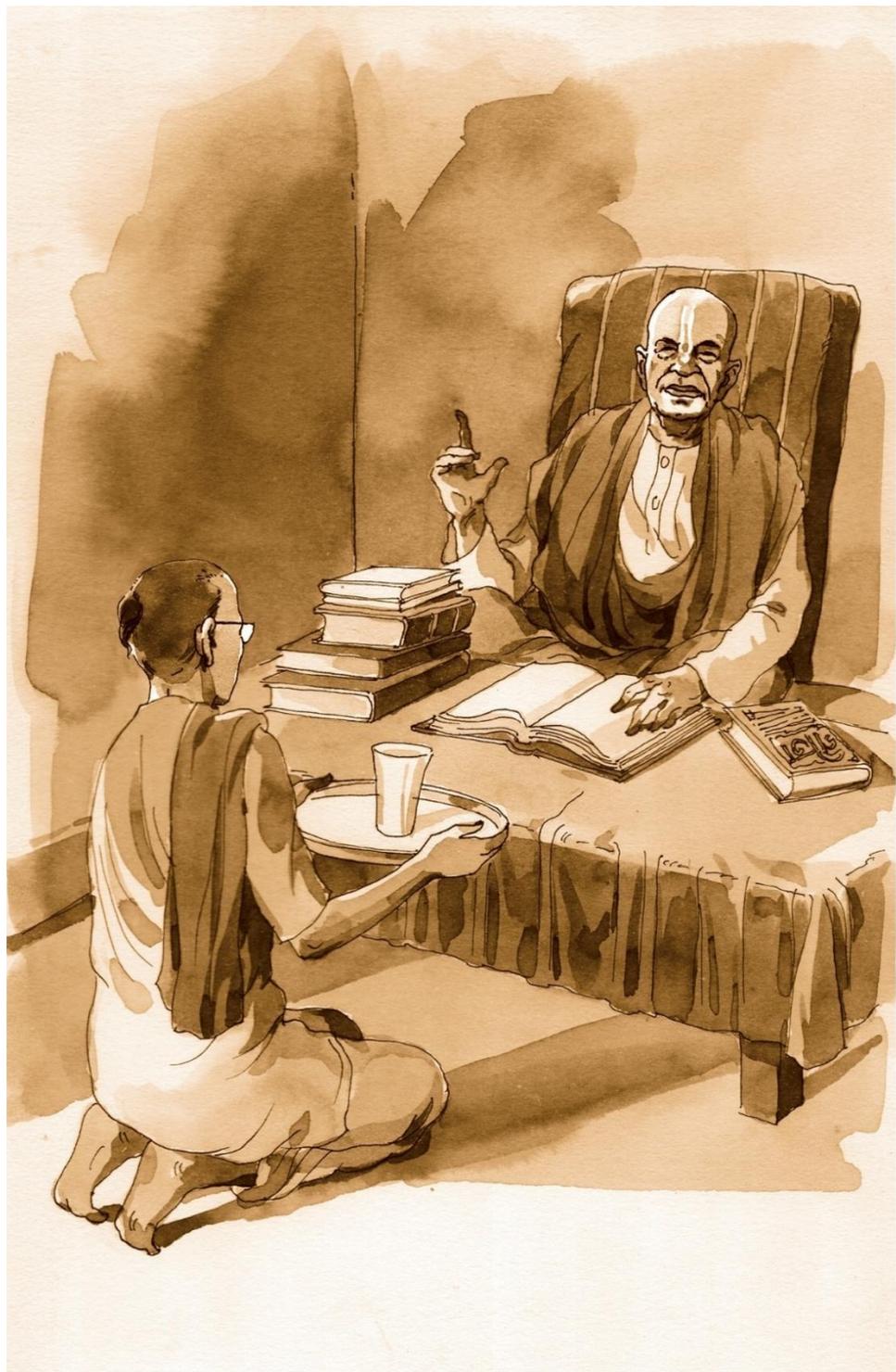
апельсиновым соком. Он был так зол, что не взял стакан с соком. Однако я продолжал просто держать поднос перед собой. Наконец, к моему великому облегчению, он взял чашку и начал пить. Пока он пил, я понял, что в спешке забыл принести ему миску с водой, чтобы он мог прополоскать рот. Поэтому я побежал на кухню и схватил её. Затем, когда я вернулся, и он стал полоскать рот, я сообразил, что забыл принести ему салфетку, чтобы он мог вытереть рот. Но на этот раз я не пошёл обратно на кухню; я вынул маленькое полотенце из шкафа и вытер ему рот.

«Ты так хорошо мне служишь», — сказал Прабхупада, — «но я часто наказываю тебя. Пожалуйста, не обращай внимания, что я тебя ругаю. Видишь ли, когда люди стареют, они становятся вспыльчивыми».

Мне не было плохо, когда Прабхупада отчитывал меня, но в тот момент, когда он стал так говорить, я почувствовал, что моё сердце разрывается. Я стал умолять его не беспокоиться, но у меня перехватило горло, я не мог говорить. Наконец, со слезами, катящимися по щекам, мне удалось прошептать: «Шрила Прабхупада, я делаю ошибки, и если вы меня не поправите, что тогда будет со мной?».

Он остановился. Я чувствовал мягкость его сердца. Хотя мы были его учениками, готовыми принять любое наказание от нашего *гуру*, в знак своей милости он извинялся таким скромным образом. Таков был мой славный духовный учитель, более светлый, чем миллионы солнц, но скромный и сострадательный — самый заботливый человек из всех, что я когда-либо встречал.

Тамал Кришна Махарадж, Упендра и я прекрасно проводили время в служении Шриле Прабхупаде и заботе обо всех его нуждах. Из-за состояния его здоровья, Прабхупада не хотел тратить силы ни на что, кроме переводов "Шримад-Бхагаватам", поэтому Махарадж был очень осторожен и не пускал к нему никого без острой необходимости. Сотни преданных приезжали из разных уголков мира, но покои Прабхупады на шестом этаже были закрыты для посещения.

Поднесение сока Шриле Прабхупаде

Однажды утром, стоя на балконе, я увидел внизу Сарвабхавана Прабху (моего старого друга Прасуна). Взволнованный, я побежал вниз, чтобы встретить его. Он тоже был рад видеть меня, и мы обнялись. Он приехал в Бомбей около десяти дней назад, чтобы взять на себя руководство общиной домохозяев.

«Ты приехал десять дней назад и даже не зашёл ко мне?» — воскликнул я.

Он улыбнулся и сказал: «Ты живёшь в башне из слоновой кости... обычные преданные, как я, не имеют туда доступа».

«Да, я знаю», — сказал я. — «Здоровье Шрилы Прабхупады не очень хорошее, поэтому он не хочет тратить время ни на что, кроме перевода».

«Да», — заметил он с беспокойством в голосе, — «Тамал Кришна Махарадж очень осторожен в решении о том, кому можно увидеться с Прабхупадой». — Он сделал паузу. — «Я привёз кое-какие подарки для Шрилы Прабхупады — несколько серебряных чаш и тарелку... но у меня не было возможности передать их ему».

Я заверил Сарвабхавана, что поговорю с Махараджем, и привёл его в "башню из слоновой кости". Махарадж был со Шрилой Прабхупадой, поэтому мы подождали, пока он выйдет, а затем я представил ему Сарвабхавана Прабху и рассказал ему о том, как мы друг друга знаем. Когда я сказал ему, что Сарвабхаван привёз кое-какие подарки для Прабхупады, он попросил его принести их. Взволнованный, Сарвабхаван побежал за ними.

Когда Сарвабхаван вернулся, мы вошли в комнату Шрилы Прабхупады и застали его за повторением святых имён на чётках. Мы предложили свои поклоны, я представил Сарвабхавана и рассказал Прабхупаде о роли моего друга в моей судьбе — о том, как он привёл меня к сознанию Кришны.

Шрила Прабхупада посмотрел на него с любовью. Тогда Сарвабхаван преподнёс ему красиво завёрнутый дар, и Прабхупада взял коробку с улыбкой, спросив: «Мне открыть её?»

«Да, пожалуйста, Шрила Прабхупада», — ответил Сарвабхаван.

Прабхупада был доволен подарками и попросил меня отнести их на кухню. Хотя Сарвабхавана так хотел встретиться с Прабхупадой, он просто молча сидел, глядя на лотосные стопы Его Божественной Милости.

Когда Прабхупада спросил его, хочет ли он что-нибудь сказать, Сарвабхаван со смирением рассказал о давнишнем случае, имевшем место во Вриндаване. Он тогда пришёл к Прабхупаде с группой индийских преданных, чтобы пожаловаться на некоторых западных преданных, которые плохо с ними обращались. Хотя Сарвабхаван сам не был вовлечён в инцидент, он сопровождал индийских преданных, которые плохо знали английский, чтобы говорить от их имени. Прабхупада тогда выслушал жалобы и мягко отчитал их за то, что их сознание находилось в телесной концепции жизни. Теперь Сарвабхаван поделился с Прабхупадой, какое чувство вины он испытывал, встав на сторону жалующихся преданных, и попросил у него прощения.

Шрила Прабхупада ответил: «Те, кто не очень развит духовно, будет привязан к телесной концепции жизни, но продвинутый преданный никогда этого не сделает. Вы образованный и умный человек. Вы должны попытаться создать гармонию среди преданных, выходя за рамки телесной концепции. Эти американские ребята делают так много для распространения сознания Кришны по всему миру. Следует признать их вклад и жертву и стараться ценить, и оставаться благодарным им. Даже если их поведение не такое уж образцовое порой, просто терпите с искренней благодарностью».

Сарвабхаван смиренно поклонился, и Шрила Прабхупада посмотрел на него с любовью и улыбкой на лице.

Однажды днём Шрила Прабхупада сидел на балконе, глядя на храм, а я устроился у него в ногах. Он сказал: «Индия — самая лучшая страна в этом мире. Не только из-за своей духовной культуры, Индия и материально была самая богатая страна. Однако, поскольку индийцы отвергли ведическую культуру — свою изначальную культуру — они

потеряли всё и стали бедняками. Они отвергли Кришну, Верховную Личность Бога, и Его вечная супруга — Лакшми-деви, богиня процветания — оставила их».

Затем он добавил: «Не только Индия, но и весь мир страдает, переживая такое количество проблем, потому что люди этого мира отвергли Кришну. И чем больше они отвергают Кришну, тем более несчастными они становятся. С другой стороны, если они примут Кришну, всё станет хорошо – всё будут процветать».

Всякий раз, когда Шрила Прабхупада говорил с кем-то, особенно с кем-то важным, он напоминал ему или ей о реальном решении всех наших проблем — принятии сознания Кришны. «Просто предайтесь Кришне и постарайтесь служить Ему», — говорил он. — «Он позаботится о вас во всех аспектах жизни и обеспечит всем необходимым. Лакшми-деви будет так довольна вами, что осыплет вас богатством своими четырьмя руками так, что вы не будете успевать принимать её дары двумя своими руками».

Однажды утром Тамал Кришна Махарадж привёл Сварупу Дамодару Прабху встретиться со Шрилой Прабхупадой. Он похвалил его за успехи в проповеди научному сообществу Бомбея. Прабхупада всегда был впечатлен программой Сварупы Дамодары и давал ему советы о том, как именно можно указать на недостатки современной науки. «Их главная проблема состоит в том», — говорил он, — «что они не хотят принять простой факт: жизнь происходит от жизни. Жизнь не происходит из материи. Они вводят мир в заблуждение своим утверждением, что жизнь происходит из материи. Поскольку их основная предпосылка неверная, они никогда не смогут прийти к правильному выводу. Они никогда не смогут доказать свою правоту. Они дают ложное обещание, что смогут доказать свою теорию в будущем, что жизнь происходит из материи. Это обещание подобно выписанному чеку с датой когда-то в будущем: «Сейчас у меня нет денег, но в будущем у меня будут деньги». Мы должны бросить им вызов, разоблачить их блеф. Они не учёные; они — сборище мошенников».

Прабхупада спросил Сварупу Дамодара, сколько денег ему необходимо, чтобы поддерживать Институт Бхактиведанты и продолжать научную проповедь. Сварупа Дамодара некоторое время молчал, а затем сказал, что он не знал. Прабхупада спросил Тамала Кришну Махараджа. Подумав некоторое время, Махарадж ответил, что проект потребует около десяти тысяч долларов в месяц. И таким образом, Прабхупада велел ему дать указание Книжному фонду Бхактиведанты (ББТ) ежемесячно выдавать Институту эту сумму. Было ясно, какое большое значение он придавал научной проповеди.

Хамсадута Свами тоже однажды пришёл навестить Шрилу Прабхупаду. Прабхупада был очень привязан к нему, а Хамсадута в свою очередь был чрезвычайно скромным и покорным преданным. Он рассказал о некоторых трудностях с правительством в Германии, с которыми он столкнулся. Он признал, что сделал кое-какие ошибки из-за своего чрезмерного энтузиазма в распространении сознания Кришны. Прабхупада внимательно выслушал и спросил, что именно он делает. Хамсадута ответил, что он путешествует и проповедует по всей Индии с группой немецких преданных и несколькими индусами, которых он завербовал. Прабхупада был рад это услышать, но сказал ему, что он должен был выбрать какую-то конкретную область для развития; просто бесцельное путешествие и проповедование не даст максимального эффекта. Он процитировал выражение «Подвижный камень не обрастает мхом» и предложил Хамсадуте отправиться в Шри-Ланку и проповедовать там, так как в этом районе ещё никто не работал. Хамсадута принял его предложение и на следующий же день отправился в Шри-Ланку.

Однажды утром после завтрака Шрила Прабхупада сидел на *асане* за своим столом и попросил меня принести ему мешочек с чётками. Я принёс и сел перед ним. Когда он начал повторять святыя имена, я присоединился к нему — тихонько, наклонив голову и глядя в землю. Затем он начал говорить.

«Люди думают, что *лилы* Кришны с *гопи* безнравственны», — пробормотал он. — «Особенно моралисты, они даже не хотят вникать в игры Кришны во Вриндаване, думая, что *лилы* безнравственны. Если же *лилы* Кришны с *гопи* безнравственны», — продолжал он, — «тогда

почему Шукрадева Госвами, который был *наиштхика-брахмачари* и не хотел иметь ничего общего даже со своей семьёй — сразу после рождения он ушёл прочь от своей семьи, от своего отца и матери, считая, что они могут стать для него препятствием, привязанностью к материальному миру — почему Шукрадева так подробно описывает игры Кришны с *гопи* во Вриндаване?».

«Отношения Кришны с *гопи* не безнравственны, а вот подражание играм Кришны с *гопи* безнравственно. Игры Кришны во Вриндаване — это высшая духовная деятельность. Но когда мы видим отражение этого в материальной природе, высшее кажется низшим. И вот почему, когда кто-то, какое-то смертное живое существо, пытается иметь отношения с какой-то незамужней девушкой или чужой женой, это абсолютно отвратительно — абсолютно безнравственно. Но вопрос морали или безнравственности вообще не встаёт в случае с Кришной, потому что что бы ни делал Кришна, он делает это абсолютно нравственно, потому что Он — Верховная Личность Бога, Он — верховный наслаждающийся и верховный владелец».

«Когда владелец наслаждается тем, чем он владеет, это совершенно морально. Когда кто-то, кто не владеет чем-то, пытается этим наслаждаться, это безнравственно, это греховно, это воровство. Пытаться наслаждаться чьим-то чужим имуществом безнравственно, но когда кто-то пользуется своим имуществом, нет и речи об аморальности. Поскольку Кришна — верховный владелец, Он — высший наслаждающийся. А все остальные — объекты Его наслаждения. Всё зависит от Кришны, как и когда Он хочет наслаждаться».

«В духовном мире нет сексуального желания. Чтобы даже войти в духовный мир, человек должен освободиться от сексуального желания. До тех пор и пока живое существо не победило сексуальное желание, оно не может войти в духовный мир. Даже имперсоналисты-*брахмэгьяни* должны победить сексуальное желание, чтобы слиться с безличным *брахмадзьоти*. Так что же говорить о вхождении в высшую область духовного мира? Половая жизнь — это грубый акт этой материальной природы; в духовном мире нет места для

сексуального желания. Поэтому нет и тени сексуального желания в отношениях Кришны с *гопи*. Они абсолютно чисты».

«Размышление о половой жизни имеет место, когда речь идёт о двух материальных телах, но в духовном мире нет материальных тел. Там отношения духовны — духовное взаимодействие между Господом и Его преданными в чистом духовном существовании. Это мы должны хорошо понимать. И эти действия Кришны с *гопи* настолько чисты, что просто услышав о них из надлежащего источника, человек становится свободным от сексуального желания. Это на самом деле самое замечательное и эффективное средство стать свободным от сексуального желания».

По мере того, как Прабхупада объяснял чистоту отношений Кришны с *гопи*, до меня доходила важность слушания таких вещей от чистого преданного Кришны. Иначе кто бы мог понять эти тайны, не говоря уже о том, чтобы объяснить их? Я снова был поражён масштабами моей удачи.

Однажды утром, когда Шрила Прабхупада работал над переводом, Тамал Кришна Махарадж с несколькими другими ведущими преданными вошёл в его комнату и с широкой улыбкой на лице сказал: «Шрила Прабхупада, где бы ни был Кришна — наивысший мистик — и такой чистый преданный, как вы, победа абсолютно неизбежна». Он протянул копию газеты "The Times of India" от 28 марта 1976 года. На титульной странице красовался заголовок статьи: «ИСККОН выиграл дело о промывании мозгов в Нью-Йорке». Статья на первой полосе объявляла о победе, масштаб которой выходил далеко за рамки самого дела: Верховный суд Нью-Йорка признал движение Харе Кришна подлинной религией.

Дрожащим от волнения голосом Шрила Прабхупада попросил Махараджа прочитать статью под названием «Движение Харе Кришна — подлинная религия».

Махараджа начал читать вслух: «Движение Харе Кришна вчера было названо "истинной религией" судьёй Верховного суда Нью-Йорка, который отклонил два обвинения против должностных лиц

движения в "незаконном лишение свободы" и "попытке вымогательства". Обвинение было выдвинуто разгневанным родителем, который утверждал, что его сын, а также другой участник движения, удерживались в организации незаконно, и что они подверглись промыванию мозгов. "Основной вопрос, который предстоит решить суду", — сказал судья, отклоняя обвинения, — "заключается в том, что двоим предполагаемым потерпевшим по этому делу, а также обвиняемым, будет разрешено заниматься религиозной практикой по своему выбору, и на это нужно ответить решительным согласием". Судья Джон Дж. Ли сказал: "Движение Кришны — это подлинная религия с тысячелетней историей, берущая начало в Индии. Абсолютно необходимо, чтобы Меррил Крешауэр и Эдвард Шапиро могли следовать принципам этой веры, и чтобы их неотъемлемое право на это не было попорно. Разделение церкви и государства должно быть сохранено. Мы должны оставаться нацией закона, а не своеволия человека. Обвинение непосредственно и грубо нарушило конституционные права подсудимых".

Судья заявил о мнении суда, который считает, что "прокурор основал дело на ошибочной второстепенной предпосылке, и поэтому пришёл к ошибочному заключению. В обвинении нет ни одного конкретного доказательства об искажении фактов или какого-либо акта обмана со стороны ответчика".

Судья сказал: "Свобода вероисповедания не должна быть ограничена или сокращена только потому, что оно не традиционно или не одобрено основной частью общества или более традиционными религиями. Без такой свободы распространять свою веру и следовать велениям своей совести в поиске Бога, свобода вероисповедания станет бессмысленном пунктом в списке прав человека, перечисленных в Конституции. [Любая] попытка, будь то прямая, с благими намерениями или нет, представляет собой опасность для этой самой фундаментальной основы и навеки установленных прав наших граждан — свободы вероисповедания"».

Шрила Прабхупада серьёзно кивнул, не комментируя. Тамал Кришна Махарадж продолжил: «Движение Харе Кришна испытывает давление со стороны различных групп, и это решение, как ожидается,

остановит некоторые преследования, [которым] оно подвергалось в последние месяцы».

«Мою миссию теперь можно считать успешной», — провозгласил Шрила Прабхупада. — «Я приехал на Запад в 1965 году, и сейчас моё движение получило признание... Кришна чудесен, как всегда. Он — самая замечательная Личность, и Он может сделать что угодно».

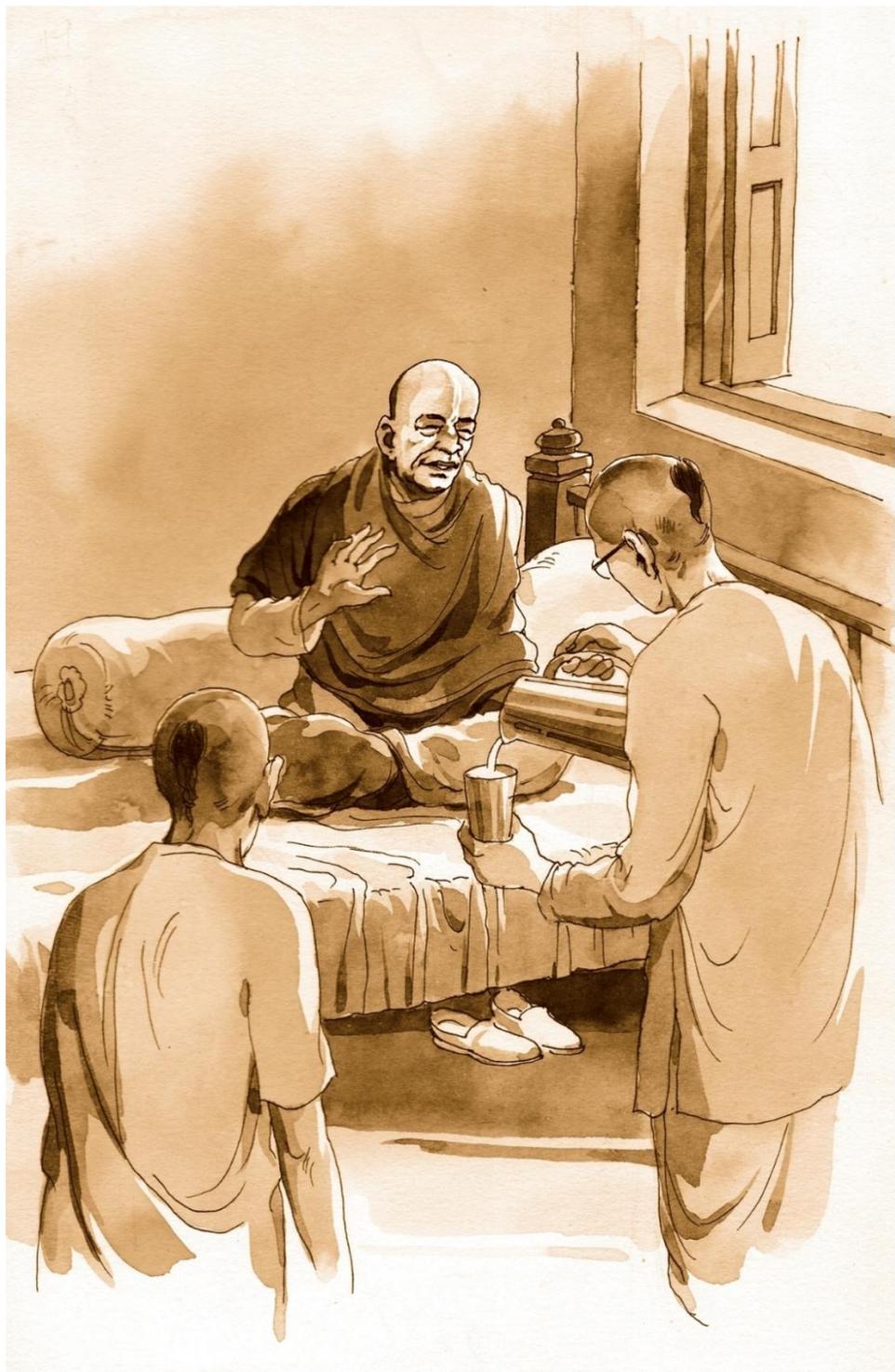
Новости из Америки были воодушевляющими, однако здоровье Шрилы Прабхупады всё ещё вызывало опасения. Двое индусов, его самые большие сторонники — Шриман Нараяна, бывший губернатор Мадраса, и его шурина Рамакришна Баджадж, глава "Bajaj Industries", рекомендовали Прабхупаде отправиться на отдых в Ришикеш, который издавна славился своей благоприятной средой, для физического и духовного исцеления. Прабхупада никогда там не был и сразу согласился. Так что однажды утром, сопровождаемые *киртаном* голосами сотен преданных, мы отправились в предгорья Гималаев.

7. Ришикеш

(5 мая – 15 мая 1977 г.)

Тамал Кришна Махарадж, Упендра и я сопровождали Шрилу Прабхупаду во время короткого перелёта в Дели и ночёвки в храме. Потом на машине мы поехали на север, мимо Харидвара. Дамодара Пандита Дас был за рулём; Прадьюмна, нынешний секретарь Прабхупады по санскриту, прибыл отдельно с тремя сундуками книг. Было решено, что Гауридаас Пандит будет прислуживать Тамал Кришне; а Ядубара Дас будет снимать документальный фильм о Шриле Прабхупаде. Прамана Свами и Вирах Пракаша Свами отправились заранее вместе с Тривикрамой Свами, чтобы помочь всё организовать на месте. Шриман Нараяна и Рамакришна Баджадж устроили размещение в прекрасном "Ганга Даршане", двухэтажном здании с просторным балконом с видом на Гангу с одной стороны, и на красочный и благоухающий сад роз и жасмина с другой. Когда мы приехали, Шрила Прабхупада расположился в своей комнате и попросил воды. Упендра принёс ему стакан из кухни, но когда Прабхупада сделал глоток, он сказал: «Разве я приехал в Ришикеш пить воду из-под крана?». Я вспомнил как он заявил, что если бы он просто пил воду Ганги в Ришикеш, он бы поправился. Поэтому я побежал к реке с кувшином и принёс немного *ганга-джала*. Когда Прабхупада попил, он улыбнулся мне и сказал: «Вот что значит ум — это понимание мыслей своего духовного учителя».

Поднесение воды Ганги Шриле Прабхупаде в Ришикеше

Я не мог не думать о том, насколько изменилась моя жизнь с тех пор, как я был в Ришикеше последний раз, когда я впервые вернулся в Индию из Германии. Тогда я был потерян, блуждая по жизни без ясного направления. Я думал о словах Шрилы Прабхупады, которые он произнёс во время утренней прогулки в Джуху, когда заметил прекрасно ухоженных, хорошо воспитанных собак, принадлежащих прогуливающимся по пляжу людям. «В чём разница между этими собаками и теми?» — спросил он, указывая на стаю бродячих собак, грязных и неопрятных, сбившихся в стаю и лающих на прохожих. Когда ему никто не ответил, он продолжил: «У этих собак есть хозяева, тогда как у тех нет». Я всё ещё был собакой, но теперь я нашёл своего духовного учителя.

Я был поваром и всю еду для Шрилы Прабхупады готовил в больших количествах. Я наслаждался своим служением и был воодушевлён признательностью, которую я получал от других преданных. Завтрак обычно состоял просто из жареных баклажанов и немного *кичари* с большим количеством овощей. Иногда, когда его аппетит был получше, Прабхупада просил меня приготовить *пури* и *сабджи*. Преданным это блюдо нравилось больше всего, но он не хотел, чтобы мы его ели слишком часто.

Однажды Прабхупада попросил меня сделать немного *упмы*. Я не знал, как его готовить, но я просто пошёл и приготовил, не сказав никому ни слова. Когда я подал ему мою стряпню, он попробовал одну ложку и сказал: «Это не *упма*; это солёная *халава*». Затем он рассказал мне, как готовить *упму*: одна часть *суджи* (манная крупа), половина части топлёного масла и две части воды. Порезать овощи — цветную капусту, картофель и баклажаны — на мелкие кусочки и обжарить их в топлёном масле. Обжарить *суджи* в топлёном масле до золотисто-коричневого цвета. Обжарить ложку *урад дала* и добавить в *суджи*. Вскипятить воду; добавить немного асафетиды, соли и лимонного сока. Затем вылить всё это в *суджи*. Добавить жареные овощи и помешивать до готовности. Вода впитается в *суджи*, и можно подавать на стол.

На следующий день я приготовил *упму* и подал её Шриле Прабхупаде. Он был очень счастлив убедиться, что я всё сварил должным образом, а я был очень рад, что он доволен.

После завтрака я шёл на рынок покупать овощи. Прамана Махарадж и Вирах Пракаша Махарадж, недавно приехавшие из Венесуэлы, часто присоединялись ко мне. Вирах Пракаша не говорил по-английски, но судя по нашим даже немногим разговорам можно было сказать, что у него мягкий, добрый характер и сердце. Иногда он наблюдал, как я готовлю, или тихо начинал мыть кастрюли, и в такой тишине между нами возникла связь.

Мне также посчастливилось познакомиться с Тривикрамой Махараджем. Это был высокий, красивый американец, один из первых учеников Шрилы Прабхупады. Сначала у меня сложилось впечатление, что он серьёзен и даже угрюм, но вскоре я обнаружил, что у него мягкое и нежное сердце. Хотя он был старшим преданным со многими достижениями в продвижении идей Шрилы Прабхупады по всему свету, перед Прабхупадой он становился как маленький мальчик — невинный и живой. Лицо Прабхупады загоралось, когда он видел Махараджа, как будто он обнимал его своим милосердным взглядом.

Тривикрама Махараджа сделал заблаговременные приготовления, и комната Прабхупады была обставлена идеально. На низком столике стоял серебряный стакан и кувшин с водой, а за столом, на полу, лежала подушка, на которой Шрила Прабхупада мог сидеть, скрестив ноги, и работать. Кровать сверкала красиво вышитым белым чехлом. Новые кастрюли и сковородки выстроились на полках соседней кухни, а комнаты преданных были прекрасно организованы.

Однажды днём, когда Тривикрама Махарадж массировал стопы Шрилы Прабхупады, он заметил: «Шрила Прабхупада, ваши стопы такие мягкие и розовые».

Прабхупада сказал: «Этот розовый цвет — на самом деле цвет твоей руки».

Они оба улыгнулись; я улыгнулся тоже.

Однажды утром после завтрака Тамал Кришна Махарадж, Тривикрама Махарадж, Прамана Махарадж, Ядубара, Упендра и я сидели вокруг Шрилы Прабхупады. Обычно у меня не было возможности посещать такие *даршаны* — я обычно либо готовил, либо ходил за покупками или переводил — но в тот день я решил не упускать возможность.

Шрила Прабхупада говорил о том, что для того, чтобы продвигаться в духовной жизни, нужно воздерживаться от половой жизни. Секс, сказал он, даже между мужем и женой, был необходим только для продолжения рода. И далее, пары должны воздерживаться от секса во время беременности и в течение шести месяцев после родов. Таким образом, супруги должны заниматься сексом только один раз в шестнадцать месяцев. Прабхупада напомнил нам, что существует множество ограничений в святых писаниях относительно сексуального наслаждения, и зачатие не было просто случайным событием. «Не делать этого — это значит, контролировать», — сказал он. — «Ограничение означает "стоп". Иначе зачем должно быть ограничение? Относительно еды *Бхагавадпрасада* нет ограничений; для воспевания святого имени Господа нет ограничений; для поклонения Божеству нет ограничений. Но относительно мясоедения, опьянения и половой жизни есть ограничение, потому что конечная цель — прекращение. Вы потакаете себе сейчас, потому что вы не можете остановиться, но в конечном итоге вам придётся остановиться».

Семейная жизнь, сказал Прабхупада, не означает, что мужчина просто должен заботиться о своей жене и детях. Даже кошки, собаки и птицы делают это. «Они также заботятся о своих детях», — сказал он, — «но являются ли они домохозяйками? Настоящий долг родителей описан так:

*питā на са сйāдж джананī на сй сйāt
даивам на тат сйāн на патий ча са сйāн
на мочайед йах самупета-мртйум*

Тот, кто не способен вызволить своих подопечных из круговорота рождения и смерти, не имеет права становиться духовным учителем,

мужем, отцом, матерью или полубогом, которому поклоняются простые смертные.

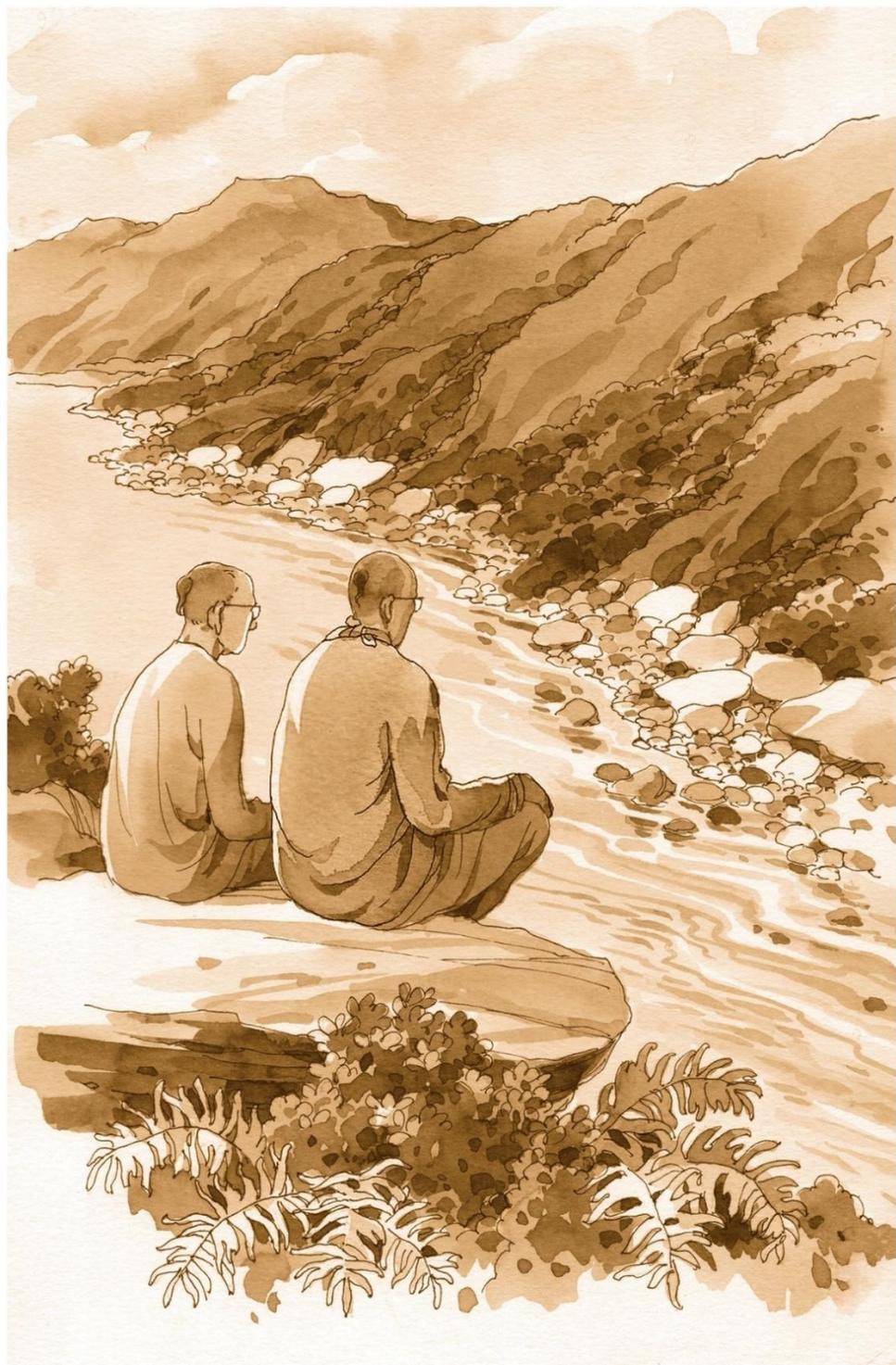
Обязанность отца и матери — избавить своих детей от жалкого состояния их материального существования. Только тогда они могут считаться домохозяевами. Господь Рамачандра был домохозяином; Арджуна был домохозяином, Прахлада Махараджа был домохозяином; Джанака Махараджа был домохозяином. Поэтому нужно попытаться стать таким же домохозяином, как они, — вот тогда это будет настоящая человеческая цивилизация. "Домовладелец" не означает создание условий для удовлетворения чувств».

Я был рад, что остался послушать Шрилу Прабхупаду. У нас была возможность сидеть у его ног и слушать его; это было невозможно переоценить.

Почти каждый день, около полудня, верующие отправлялись купаться на берег Ганги. Мне обычно приходилось оставаться, чтобы готовить и служить Шриле Прабхупаде, но иногда, если я уходил сразу после выполнения моего служения, я всё ещё заставал преданных там. Мы обычно шли вдоль берега вверх по течению и затем ныряли в холодную воду и позволяли течению нести нас вниз. Мы все радовались и смеялись, как маленькие дети.

Однажды днём, когда Упендра прислуживал Прабхупаде, Тамал Кришна Махарадж пригласил меня присоединиться к нему на прогулке. Мы прошли по извилистой тропе через лес, пересекли "Лакшман Джулу", железный подвесной мост, который тянулся через Гангу, и пошли по дороге вверх по склону до огромного валуна, с которого открывался вид на реку. Позднее солнце освещало предгорья своими золотыми лучами, и единственными звуками был грохот реки внизу и тихое щебетание птиц.

Некоторое время мы просто сидели в тишине, наслаждаясь спокойствием. Затем Махарадж сказал: «Тебе так повезло родиться в Индии. Родившись здесь, ты естественным образом близок к этой духовной культуре. Запад настолько деградировал, что там нет даже намёка на чистоту».

С Тамал Кришной Госвами на берегу Ганги

«Возможно, я и родился в Индии», — сказал я, — «но в Индии меня воспитывали в твёрдой вере в то, что на Западе было лучше. Иногда я даже желал родиться на Западе».

«Возможно, так оно и есть», — ответил он, — «но твоё окружение не позволяло тебе деградировать так сильно. Ты даже не можешь себе представить, как низко мы пали».

«На днях преданный пришёл увидеться со Шрилой Прабхупадой», — сказал я. — «Он сокрушался о том, каким падшим он был. Но Шрила Прабхупада сказал ему, что такие суждения чрезвычайно поверхностны, потому что как только Прабхупада позвал его, преданный всё бросил и присоединился к Движению».

«Да», — вспомнил Махарадж. — «Это был Бхавабхути Прабху».

«Вас всех послал Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Тхакур на помощь Шриле Прабхупаде», — сказал я. — «Вы не обычные преданные. Шри Чайтанья Махапрабху заставил вас родиться в Америке или Европе, чтобы помогать Шриле Прабхупаде в его миссии по распространению сознания Кришны повсюду, по всему миру».

«Откуда ты это знаешь?» — пошутил он лишь наполовину.

«Просто умное наблюдение», — заметил я с улыбкой. — «Господь Чайтанья не только послал вас всех, но Он и устроил всё настолько удивительно, что Шрила Прабхупада приехал в Америку как раз в то время, когда там были созданы идеальные условия для того, чтобы он мог распространять сознание Кришны. После Второй мировой войны Америка достигла пика материального благополучия, но вы все, молодёжь Америки, разочаровались в устройстве жизни и поняли, что за деньги не всё можно купить. Вы начали искать позитивную альтернативу, чтобы найти настоящее счастье. В то время Шрила Прабхупада и приехал в Америку. То, что произошло потом, будет воспринято потомками как божественное провидение Верховной Личности Бога для исполнения Его планов».

Махарадж посмотрел мне прямо в глаза, его взгляд был пронзительным. Он не сказал ни слова. Я почувствовал себя неловко, немного смущённо и начал объяснять: «На самом деле, это не только моё собственное мнение; иногда преданные...».

«Нет нужды извиняться, — остановил он меня. — То, что ты сказал, и правильно, и глубоко».

Шрила Прабхупада давал *даршан* каждый вечер. Ришикеш был одним из самых известных святых мест в Индии, и многие паломники приезжали туда в поисках духовности и для обучения *йоге*. Когда они слышали, что Шрила Прабхупада давал *даршан*, они приходили увидеться с ним и послушать его лекции.

Прабхупада говорил в основном на какую-либо тему из "Бхагавад-гиты". Большинство паломников были введены в заблуждение имперсонализмом и не думали, что Абсолютная Истина — это Верховная Личность Бога, и что Абсолютная Истина имела какую-либо форму, но на все вопросы Прабхупада всегда отвечал им очень мудро и красноречиво, но так, чтобы не напрягать своё здоровье: что Бог — это личность, Верховная Личность, Кришна.

Тамал Кришна Махарадж и Тривикрама Махарадж ограничивали каждый *даршан* одним часом — с пяти до шести часов. Затем они просили всех уйти и отводили Прабхупаду вниз, в его комнату. Тем не менее, многие люди оставались, и преданные сидели с ними и отвечали на вопросы. Я всё ещё чувствовал себя новеньким и не думал, что достоин проповедовать перед своими старшими духовными братьями, но во мне горело желание, поэтому я присутствовал на сессиях, и однажды, когда я увидел одного молодого *садху* в шафрановых одеждах, я решил поговорить с ним. Как и большинство индийских *садху*, человек был имперсоналистом. Мы начали дружески беседовать, но когда он сказал мне, что цель жизни — слиться с Брахманом, Абсолютной Истиной, и преданность Богу была лишь временным, подготовительным средством на пути к этой цели, я решительно запротестовал.

Я процитировал стих из "Бхагаватам" (*ваданти тат таттва-видас*, 1.2.11), в котором говорится, что Абсолютная Истина проявилась в трёх аспектах — безличном Брахмане, локализованной Параматме, и как Бхагаван, Верховная Личность Бога. Это различие черт, сказал я ему, было обусловлено разными уровнями восприятия. Когда человек приходит к пониманию Абсолютной Истины через отрицание материальной природы посредством процесса *нетти нетти* — «не это, не это» — тогда становится возможным выйти за пределы материальной природы и узреть сияние Господа, известное как *брахма-джьоти*.

Однако, подобно тому, как человек слепнет, если его резко вывести на яркое солнце после слишком долгого пребывания в темноте, если живое существо подвергается воздействию духовного света *брахма-джьоти* после пребывания во тьме этого материального мира, оно оказывается слепым к тому, что лежит за его пределами.

Тем не менее, если живому существу посчастливилось получить правильные наставления от квалифицированного учителя, то он осознает, что его внешние усилия понять Абсолютную Истину завели его в тупик, и он получит знания о необходимости концентрировать своё сознание на внутреннем содержании посредством *аштанга-йоги*, избегая соприкосновения своих чувств с объектами чувств. В конце концов, достигнув совершенства, он воспримет Господа в своём сердце как Сверхдушу, или Параматму, и спонтанно предастся Ему, осознавая Его как Всевышнего, а самого себя как ничтожную духовную искру. Я добавил, что вот такое предание Господу и есть начало преданного служения, что приведёт к видению Кришны как самой привлекательной Верховной Личности Бога — Шри Бхагавана. Это, сказал я ему, было высшим духовным совершенством — *брахмети парамѣтмети бхагавѣн ити шабдѣате*.

Когда наш разговор закончился, и *садху* ушёл, я спустился вниз, чувствуя себя счастливым и довольным; я чувствовал, что победил имперсоналистическую философию. Однако мой полёт в облаках был прерван, когда пришёл Упендра и сказал мне, что меня зовёт Шрила Прабхупада.

Я вдруг понял, что мой разговор с *садху* происходил прямо у комнаты Прабхупады. Я практически кричал, теперь я это осознал; Прабхупада, должно быть, слышал всё, что я говорил, и теперь он раздражён мной. Моё сердце забилося от беспокойства, когда я побежал в его комнату, готовый понести наказание.

«Шрила Прабхупада», — сказал я, войдя в его комнату, — «вы меня звали?».

«Да», — сказал он. — «Чем ты занимался?».

«Я проповедовал, Шрила Прабхупада».

«Что ты проповедовал?».

Я кратко описал, что произошло, и уставился в пол, ожидая порицания, но Прабхупада молчал. Мне показалось, что прошло несколько минут. Я поднял глаза и увидел, что он смотрит на меня.

«Шрила Прабхупада», — промолвил я. — «Я что-то не так сказал?».

«Нет», — ответил он. — «То, что ты говорил, было очень хорошо и очень правильно».

Я почувствовал такое облегчение, такое счастье!

Однажды ночью, когда я дежурил у Шрилы Прабхупады, он закончил переводить и лёг в кровать. Обычно он засыпал вскоре после того, как ложился, но той ночью ему не спалось, поэтому я начал массировать его стопы. Через некоторое время он спросил меня: «Чему ты научился у меня?».

Сначала я был немного озадачен; Прабхупада никогда не говорил со мной вот так. Я немного нервно сказал: «Кришна — Верховная Личность Бога».

Шрила Прабхупада молчал. После короткой паузы я добавил: «Мы — Его вечные слуги».

Раздалось тихое «Хм-м». Я воспринял это как знак одобрения, поэтому продолжил: «Поэтому цель нашего существования — служить Ему. Это служение называется преданным служением, выражением нашей любви».

«Да», — тихо отозвался Прабхупада. — «Любовь к Кришне — это преданное служение. Любовь есть в сердце каждого — каждый хочет любить кого-то. Эта любовь на самом деле предназначена для Кришны, но когда она предлагается кому-то ещё, а не Кришне, это становится вожделением —

*ātmenḍrīya-prīti-vāñchā — tāre бали 'kāma'
кришнендрīya-prīti-icchā дхаре 'према' нāма*

Желание удовлетворять собственные чувства именуется *камой*, вожделением, а желание услаждать чувства Господа Кришны называют *премой*, или чистой любовью».

Я знал стих из «Шри Чайтанья-чаритамриты » и прочитал один из следующих стихов:

*атаэва kāма-преме бахута антара kāма —
андха-тамаḥ, према — нирмала бхāскара*

«Поэтому между вожделением и любовью есть огромная разница. Вожделение подобно непроглядной тьме, а любовь — яркому солнцу».

Через несколько мгновений Шрила Прабхупада сказал: «Похоть, половое желание — это извращённое отражение этой любви. Можно получить в миллионы раз больше удовольствия, развивая любовные отношения с Кришной. Невозможно даже представить какую радость можно испытывать в сердце, просто предлагая свою любовь Кришне».

Тамал Кришна Махарадж в те дни задавал Шриле Прабхупаде множество вопросов — в основном, об управлении, но и на духовные

темы тоже. Я был поражён тем, как он их задавал, так как мне казалось, что я никогда не смогу задать вопрос Прабхупаде в такой манере. Однажды я сидел в офисе Махараджа и воспевал *джану*, пока он редактировал письма от имени Прабхупады. Потом он поднял глаза, увидел, что я наблюдал за ним, и улыбнулся мне. Я уже чувствовал глубокую признательность к нему, но когда он улыбнулся мне, я не смог сдержаться. «Вы просто гений», — сказал я. — «Что бы вы ни делали, всё получается просто идеально».

«Почему ты так говоришь?» — спросил он.

«То, как вы задаёте вопросы Шриле Прабхупаде, просто удивительно. И я восхищаюсь вашим умом».

«Это не вопрос интеллекта», — сказал он. — «Это вопрос искреннего желания узнать что-то. Когда у тебя есть искренний вопрос, его просто надо задать. И кто лучше Шрилы Прабхупады ответит на твой вопрос?».

Я рассказал ему о случае в Маяпуре, когда я спросил Шрилу Прабхупаду о том, каково было бы положение Индии, если бы Махатма Ганди стал преданным Кришны. Прабхупада казался раздражённым и отрезал на бенгальском языке: «Если бы у меня была жена, то у меня мог бы быть сын». Другими словами, не было нужды гадать. Я сказал Махараджу, что я тогда почувствовал себя настолько глупо, что с тех пор не осмеливался задавать никаких вопросов. Мне казалось, что если я открою рот, я только ещё больше раскрою свою глупость.

«Не задавай вопрос просто ради вопроса», — сказал Махарадж. — «Спрашивай, чтобы искренне узнать что-то. Задавать вопросы — это искусство».

Часто, когда старшие преданные собирались вокруг Шрилы Прабхупады в его комнате, он мог спонтанно начать давать им наставления о преданном служении. В один из таких вечеров он сказал, что идеальный проповедник должен иметь правильное понимание шести ветвей ведической философии, *сад-даршана*.

«Когда человек понимает их правильно», — заявил он, — «он знает, что преданное служение является конечной целью Вед. Только тогда человек становится достоин передавать ведические знания».

Пока я слушал, в моём уме мелькнул вопрос. Шрила Прабхупада в своих книгах упоминал, что пять из шести ветвей ведической философии были атеистическими. Так как же понимание этих ветвей могло привести к выводу о том, что преданное служение Кришне является нашей конечной целью?».

Я всё ещё стеснялся задавать вопросы в присутствии других, поэтому я молчал. Но поздно вечером, когда я остался наедине со Шрилой Прабхупадой, я вспомнил совет Тамала Кришны. Поэтому я набрался смелости и спросил: «Шрила Прабхупада, в своих книгах вы упоминаете, что пять из шести ветвей *сад-даршана* считаются атеистическими. И в начале "Шримад-Бхагаватам" Нарада Муни указывает Шриле Вьясадеве, что даже шестая ветвь — Веданта — окрашена имперсонализмом. Так что и она тоже не дотягивает до совершенства. Зачем же тогда нужно их изучать, и принесёт ли это знание нам пользу? Нужно ли это знание нам для того, чтобы победить сторонников других доктрин?».

Шрила Прабхупада, казалось, был доволен моим вопросом. «Нет», — объяснил он, — «наша главная задача — не победить других, а установить тот факт, что преданность Кришне — сознание Кришны — является высшей духовной целью. Эта материальная природа является извращённым отражением духовной реальности. Мы должны понимать, что всё, что есть здесь, в этом мире, происходит из духовного мира. Когда в отражении дерева в воде мы видим зелёные листья, красные цветы и жёлтые плоды, мы должны понимать, что они на самом деле растут на реальном дереве. Иначе как они могут быть в отражении? Всё нисходит с духовного неба. Что бы ни было здесь, в этой материальной природе, существует также и в духовной реальности. Идеальное восприятие — видеть вещи в этом свете. Веды были составлены так, чтобы раскрыть личность Кришны и привести живые существа к Его лотосным стопам. Шесть ветвей ведической философии на самом деле являются шестью ступенями постепенного восхождения к пониманию конечной цели — преданности Кришне».

«Эти шесть ветвей — *Пурва-мимамса* [предварительные выводы, или *Карма-мимамса*, *Ньяя* [логика], *Вайшешика* [атомная теория], *Санкхья* [аналитические исследования], *Йога* [связь с Верховным Господом], и *Уттара-мимамса* [окончательные выводы], Веданта. Если ты просто рассматриваешь их как самостоятельные разделы философии и изучаешь без учёта их отношения к Кришне, они кажутся атеистическими. Эти шесть ветвей — как ступеньки в лестнице. Ступеньки лестницы сами по себе не могут быть настоящей целью. Их фактическая полезность связана с лестницей, а цель лестницы — достичь высшей точки — преданного служения Кришне».

«Веды дают три уровня понимания — *карма-канда*, *гьяна-канда* и *бхакти*. Изначально человек в этой материальной природе хочет наслаждаться чувственными удовольствиями, и раздел Вед о *карма-канде* даёт на это инструкции. Вы получите результат в соответствии со своими действиями: правильное действие приводит к наслаждению, а неправильное — к страданию. Это называется законом *кармы* — принципом действия и противодействия. Поэтому нужно знать, как действовать, чтобы получать реальное удовольствие, которое может привести человека к высшей области материальной вселенной — Сатьялоке, место обитания Господа Брахмы».

«Однако, несмотря на все усилия по получению удовольствия, в конце концов, человек понимает, что он не может избежать страданий — непрерывное наслаждение невозможно в этой материальной природе; страдание приходит само по себе и является неизбежным».

«Когда человек начинает задаваться вопросом, почему он страдает, и пытается найти выход из такого положения вещей, он приходит на платформу *гьяна-канда*, и через четыре ветви ведической философии — *ньяя*, *вайшешика*, *санкхья* и *йога* — он постепенно преодолевает материальный мир и устанавливает свою связь с Господом в сердце. Через знание *ньяя* он приходит к пониманию, что эта материальная природа является местом страдания, *духхалаям*, и что материальное тело является идеальным инструментом для получения боли. Например, просто подумайте об огромном количестве способов как причинить боль своему мизинцу или любой другой части тела, но вы найдёте так мало вариантов извлечения удовольствия для

того же мизинца — из чего мы можем сделать вывод, что это материальное тело — прекрасный инструмент для получения боли».

«После этого человек начинает размышлять о том, что на самом деле представляет собой эта материальная природа, и через философию *вайшешики* он понимает, что воспринимаемый материальный мир на самом деле состоит из мельчайших частиц, называемые *параману*, или атомы. Но наши чувства воспринимают его в различных формах и видах. Другими словами, то, что кажется нашим чувствам реальным, на самом деле не реально. Следовательно, эта материальная природа — иллюзия».

«Это приводит нас к следующей ветви ведической философии, называемой *Санкхья*, или аналитическое исследование, которое описывает материальную природу, состоящую из пяти элементов — земля, вода, огонь, воздух и эфир, и человека с его пятью чувствами — глаза, уши, нос, язык и кожа. Чувства взаимодействуют с элементами, и в результате генерируются пять объектов чувств: уши взаимодействуют с эфиром, и возникает звук; кожа взаимодействует с воздухом, и производится осязание; глаза взаимодействуют с огнём, и создаётся форма; язык взаимодействует с водой, и возникает вкус; нос взаимодействует с землёй, и возникает запах».

«Есть также пять рабочих чувств, с помощью которых мы совершаем действия в этом мире, а именно: руки, ноги, голос, анус и гениталии. Таким образом философия *Санкхья* определяет двадцать *таттв*, или аспектов материальной природы, а затем рассматривает три тонких элемента за её пределами — ум, интеллект и ложное эго — что в целом составляет *махат-таттву*, полную материальную энергию, из которой произошло всё творение».

«Через анализ этих двадцати четырёх проявлений философия *Санкхья* анализирует всю материальную природу. Однако в конечном итоге делается вывод, что эти двадцать четыре проявления объективны по своей природе и не могут существовать без субъективного — "я", самости, души. Вся материальная природа была проанализирована, но душа там не обнаружена; следовательно, она происходит из другой реальности — духовной природы — и имеет своё происхождение, свой

источник, в Высшей Душе или Верховной Личности Бога. Таким образом, философия Санкхья приводит человека к духовной реальности и превосходит материальную природу».

«Осознание того, что душа является частью Верховной Личности Бога приводит к конечному аспекту *гьяна-кханды*, называемому *йога*. Йога — это процесс, посредством которого духовная душа соединяется со Сверхдушой, или Верховной Личностью Бога. Этот процесс состоит из восьми стадий, или конечностей; поэтому его называют *аштанга-йога* — *яма, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхьяна, дхарана* и *самадхи*. На заключительном этапе, *самадхи*, человек воспринимает Сверхдушу — Верховную Личность Бога — в своём сердце. Осознав свою незначительность и величие Верховного Господа, человек автоматически склоняет голову в знак почтения и предаётся Ему».

«Эта преданность Господу является основой преданного служения, *бхакти*, главного аспекта последней ветви ведической философии. Это было объяснено через шестую ветвь ведической философии, которая называется *Уттара-мимамса*, или окончательный вывод. Её также называют Веданта».

«Философия Веданты основана на "Веданта-сутре", которая, по-видимому, относится к безличному Брахману, но в своём комментарии к "Веданта-сутре", "Шримад-Бхагаватам", Шрила Вьясадева утверждает, что предание Верховной Личности Бога и любовное преданное служение Ему является истинной целью философии Веданты. Таким образом, *бхакти* ведёт человека за пределы освобождения к занятию любовным преданным служением Господу».

«Посредством *карма-канды* и *гьяна-канды* человек постепенно восходит до высшей точки преданного служения Верховной Личности Бога. В этом состоит совершенное понимание шести разделов ведической философии».

В один из *экадаши*, день усиленного духовного сосредоточения и воздержания по крайней мере от зерновых и бобовых, который наступает дважды в месяц, преданные не были должным образом проинформированы, и в результате, они позавтракали кашей из

зерновых. Позже, когда мы выяснили, что это был день *экадаши*, и я сообщил об этом Шриле Прабхупаде, он расстроился. Он позвал Прадьюмну и спросил: «Какой смысл в том, чтобы иметь с нами *пандита*, если он даже не может сообразить, когда *экадаши*?».

Когда Тамал Кришна Махарадж спросил Шрилу Прабхупаду, что нам следует сделать в такой ситуации, Прабхупада сказал, что мы должны поститься на следующий день. Он ещё не поел ничего из зерна, но так как мы не соблюдали *экадаши* в тот день, то он тоже не стал, и вместо этого мы все вместе стали поститься на следующий день.

Позже я узнал из руководства для вайшнавов «Хари-бхактивиласа», что *экадаши* разрешается не соблюдать лицам младше восьми или старше восьмидесяти лет. Шриле Прабхупаде было восемьдесят, но он всё равно постился — ради нас.

На следующий день Шрила Прабхупада показал мне, как готовить на *экадаши*. Он попросил меня достать *коту-атта* (молотый амарант) и *шингара-атта* (молотый водяной орех) и показал, как сварить *пурис* с *коту-аттой*, *пакоры* и *халаву* с *шингара-аттой*. Он сделал тесто *пури* с *коту-аттой*, мы свернули *пури*, а затем обжарил их в топлёном масле. Из жареных шариков с тестом из *шингара-атты* и нашинкованной капусты получились вкусные пакоры. Он сварил немного картофеля, затем порезал его на кусочки и обжарил, а также сделал несколько овощных заготовок и томатов *чатни*. Наконец он сделал *халаву* с *шингара-аттой*.

Преданные были в восторге; это был один из редких случаев, когда Шрила Прабхупада готовил все блюда сам. Я только помогал, мыл и нарезал овощи, и подавал Прабхупаде все, что он просил, в то время как другие преданные молча наблюдали со стороны.

В другой раз Шрила Прабхупада попросил меня приготовить *бати-чаччари* — он научил меня готовить это блюдо, когда мы были в Бомбее. У него были проблемы с желудком, а этот рецепт был очень насыщенным, с большим количеством топлёного масла и перца чили, поэтому я решил не добавлять так много чили. Когда я подал ему

тарелку с приготовленным *бати-чаччари*, однако, он проглотил один кусочек и тут же рассердился. «Я лично учил тебя, как готовить *бати-чаччари*», — сказал он. — «Ты всё забыл? Как ты мог забыть, когда я лично учил тебя?». Остаток дня, когда бы я ни подходил к нему, он повторял: «Я лично научил тебя готовить, а ты забыл! Как ты мог забыть, когда я лично тебя учил?».

На следующий день Шрила Прабхупада всё ещё спрашивал: «Как ты мог забыть, когда я лично учил тебя?». Но по тону его голоса я уже знал, что его гнев утих, поэтому я сказал ему, что на самом деле я не забыл, как готовить — я просто решил не класть так много перца чили из-за его проблем с желудком.

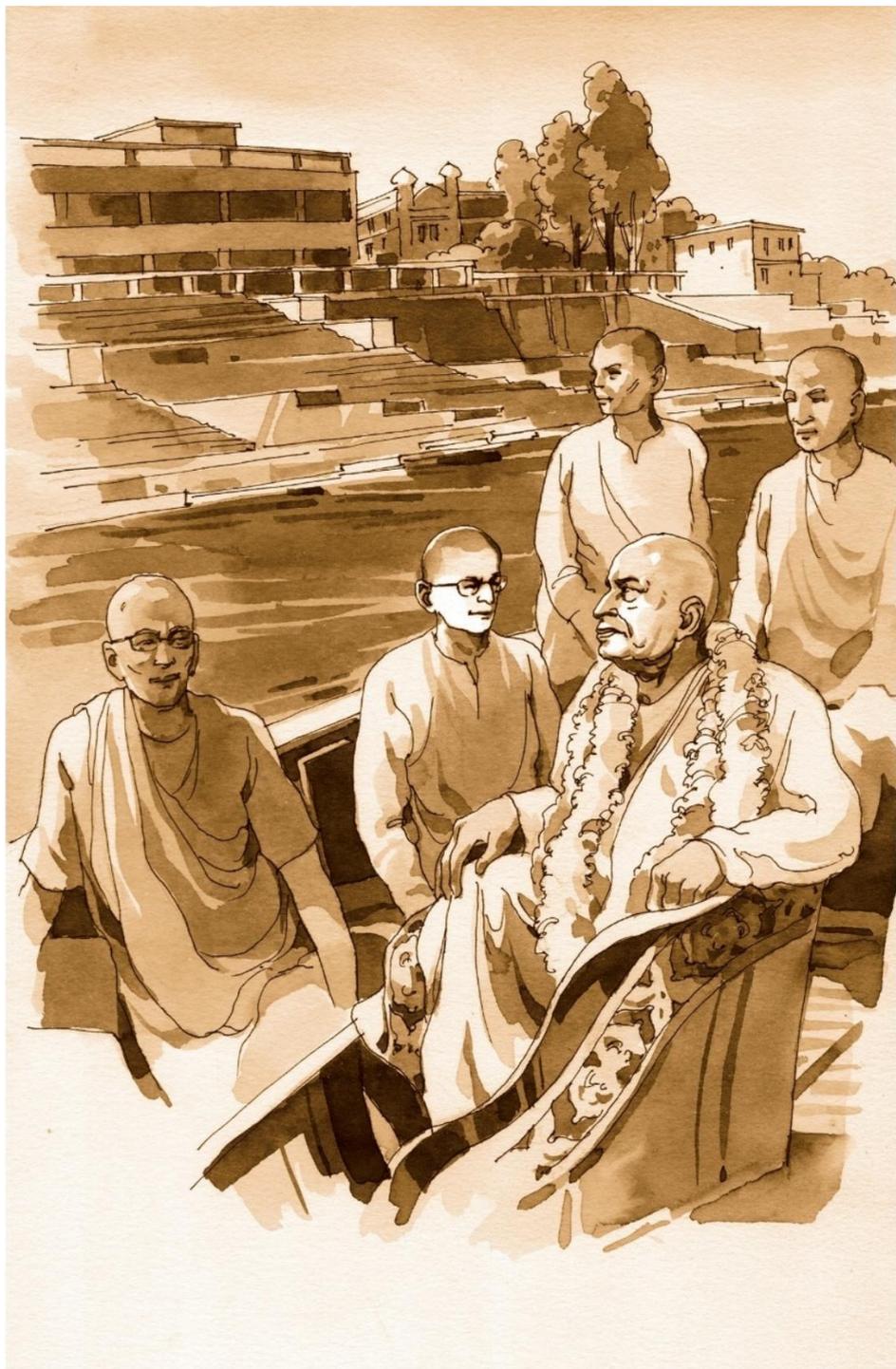
Он посмотрел на меня с удивлением. «Почему же ты мне не сказал?».

Затем он объяснил: «Когда ты кладёшь много топлёного масла, надо класть много чили, потому что они нейтрализуют друг друга. *Гхи* — очень насыщенный продукт, а чили — это очень острый перец, но когда их смешивают, они нейтрализуют друг друга».

Я извлёк два очень ценных урока из этого инцидента. Во-первых, я узнал, что когда в какое-то блюдо добавляется много топлёного масла, надо также класть и много перца чили; чили был нужен для переваривания *гхи*. Но что ещё важнее, я понял, что когда Шрила Прабхупада учил нас чему-то, мы всегда должны помнить об этом и никогда не забывать.

Как и в Джуху, Шрила Прабхупада работал над переводами каждую ночь. Кто-то из его помощников должен был оставаться с ним на случай, если ему понадобится помощь. Упендра дежурил с ним с десяти до полуночи, я оставался до двух ночи, Прамана Махарадж приходил с двух до четырёх, до прихода Тамал Кришны Махараджа.

Хотя лето в Индии очень жаркое, Ришикеш располагается в предгорьях Гималаев, и как правило, там довольно приятная погода, с ярким солнцем и умеренными температурами. Но однажды небо внезапно затянуло густыми, темными облаками, поднялся штормовой

*Шрила Прабхупада пересекает Гангу в Ришикеше
по пути во Вриндаван*

ветер, и начался проливной дождь, который продолжался всю ночь. Ветром выкорчевало много деревьев и выбило электричество. Кабели были повреждены, и мы не знали, когда их починят. Мы зажгли свечи, чтобы в комнатах было светло, но без электричества Прабхупада не мог переводить.

Около часа, во время моей смены, Прабхупада позвонил в свой колокольчик. Я подошёл к его кровати, поднял москитную сетку и спросил, чем я могу помочь. Когда я наклонился, чтобы услышать его слова, то, что он мне сказал, повергло меня в шок. Мягким, спокойным голосом он сказал: «Пришло моё время оставить тело. Пожалуйста, отвезите меня во Вриндаван. Я хочу оставить своё тело во Вриндаване».

Меня начало неудержимо трясти. Я побежал вниз, чтобы разбудить Тамала Кришну Махараджа. Я практически кричал, рассказывая ему, что сказал Прабхупада.

Он вскочил с кровати и побежал наверх, где Прабхупада сказал ему то же самое: «Пожалуйста, отвезите меня во Вриндаван. Пришло время для меня оставить тело. Я хочу оставить своё тело во Вриндаване».

Здоровье Шрилы Прабхупады было слабым, но никто из нас не мог себе представить, что его болезнь была настолько серьёзной, что он мог покинуть своё тело. Мы все думали, что это было лишь временное недомогание, и что ему скоро станет лучше. Мы были уверены, что визит в Ришикеш был именно тем, в чем он нуждался, и что его здоровье вскоре улучшится, что ему просто нужен отдых.

Мы все были ошеломлены таким поворотом событий. Той ночью мы все были в шоке, у нас на сердце была невероятная тяжесть, мы едва могли говорить. На следующий день мы поехали в Дели, остановились там переночевать, а на следующее утро отправились во Вриндаван.

Преданные Вриндавана ликовали из-за внезапного прибытия Шрилы Прабхупады, и когда его красный автомобиль приблизился к

храму Кришны-Баларамы, киртан достиг своего апогея, и все преданные танцевали в экстазе. Даже я был вовлечён в *киртан* и увлёкся пением и танцами, на мгновение забыв, почему мы приехали.

После *даршана* Божеств, Шрила Прабхупада направился в свои покои, а толпа преданных последовала за ним.

8. Вриндаван

(17 мая – 28 августа 1977 г.)

Шрила Прабхупада занял величественную *асану* за своим столом в большой комнате *даршана*. Два окна комнаты выходили на храм, их обрамляли картины с изображениями игр Кришны и других сцен из Бхагаватам, а на книжных полках стояли комплекты книг Прабхупады на разных языках. Преданные продолжали петь и танцевать, выражая свою радость по поводу его прибытия.

Когда *киртан* закончился, и преданные успокоились, Прабхупада объявил о цели своего приезда во Вриндаван. За одно мгновение радость преданных сменилась печалью, и по их щекам потекли слёзы.

Видя их состояние, Прабхупада стал говорить о природе нашего существования в материальном мире, цитируя из "Бхагавад-гиты" (2.13):

*дехино 'смин йатхā дехе
каумāрамī йауванамī джарā
татхā дехāнтара-прāптир
дхīрас татра на мухйати*

Воплотившаяся в теле душа постепенно меняет тело ребёнка на тело юноши, а затем на тело старика, и точно так же после смерти она

переходит в другое тело. Трезвомыслящего человека такая перемена не смущает.

Тело меняется, объяснил он, но владелец тела, душа, остаётся; она неизменна. Тело рождается, растёт, а затем оно умирает. Никто в этом мире не может избежать смерти; кто бы ни родился, он обязан умереть. Но смерть — это только конец тела; душа не затронута — она продолжается в другом теле. Таким образом, живое существо переселяется из одного тела в другое, жизнь за жизнью. Тот, кто обладает трансцендентным знанием, не беспокоится из-за таких пустяков.

Движение сознания Кришны, объяснил Прабхупада, призвано дать людям это бесценное, важное знание. Когда человек обретает это знание, он побеждает смерть. Прабхупада сказал, что уже передал все свои знания, вся информация изложена в его книгах. Он не всегда может пребывать в *вану*, своей физической форме, но он навсегда останется в форме *вани* — в книгах и устных наставлениях.

Несмотря на красноречивые объяснения Шрилы Прабхупады, когда преданные вышли, все находились в шоке и унынии.

После того, как они ушли, Прабхупада сказал мне: «С этого момента ничего не готовь для меня и не заставляй меня есть. Какой смысл есть, когда нет аппетита?».

Его слова прозвучали как ультиматум — он собирался перестать есть и пить, чтобы отказаться от своего тела, как это сделал Махарадж Парикшит, когда узнал, что ему осталось жить всего неделю.

Я пошёл к Тамал Кришне Махараджу и передал ему слова Шрилы Прабхупады. «Его Божественная Милость занимается *прайонаवेशа*», — сказал я, — «то есть решил отказаться от своего тела, не принимая ни еду, ни воду».

Махараджа молчал несколько минут, размышляя. Затем он сказал: «Что мы можем сделать, когда Шрила Прабхупада принимает такое решение и даёт нам такой приказ?».

Хотя Прабхупада просил меня не готовить и не заставлять его есть, я делал фруктовый сок и держал его на столике рядом с его кроватью, на всякий случай, вдруг он захочет что-нибудь попить. Но сок оставался нетронутым. В течение следующих нескольких дней Прабхупада оставался в постели и почти не разговаривал.

Когда мы остановились в Дели по пути во Вриндаван, Тамал Кришна Махарадж поговорил с Ади Кешавой Свами в Нью-Йорке. Он сообщил ему о состоянии Шрилы Прабхупады и попросил его информировать преданных по всему миру. Так что через несколько дней во Вриндаван стали прибывать многие преданные — в первую очередь, *санньяси* из ЖиБиСи.

Тамал Кришна Махарадж организовал совещание со всеми ведущими преданными. Я остался дежурить у постели Шрилы Прабхупады. После совещания все зашли в его комнату и столпились вокруг кровати. Тамал Кришна Махарадж сообщил Прабхупаде о том, как прошло совещание, и сказал ему, что они решили попросить его не покидать тело так скоро. «Мы как куча детей», — сказал он. — «Если вы нас сейчас оставите, мы останемся сиротами...Мы полностью потеряемся. Вы — чистый преданный Кришны. Кришна сделает всё, что вы хотите. Поэтому, если вы захотите остаться, то Кришна непременно позволит вам остаться».

Шрила Прабхупада немного помолчал. Затем он сказал: «Если вы все так хотите, тогда я останусь».

В одно мгновение настроение преданных сменилось на радость, и все возликовали: «Джая Шрила Прабхупада!».

Мы поняли, что такой чистый преданный, как Шрила Прабхупада, мог сам принимать решение о своей смерти — в его власти было остаться или покинуть этот мир.

Я не стал дожидаться разрешения Прабхупады, чтобы возобновить стряпню; я сразу же пошёл на кухню и начал готовить ему обед. И когда я сообщил ему, что еда готова, он согласился поесть. Я

принёс тарелку в спальню, но хотя он сел и сделал попытку поесть, он смог проглотить совсем чуть-чуть.

С тех пор я готовил Прабхупаде полноценный обед каждый день, и когда в половине первого дня пора было обедать, Упендра помогал Прабхупаде пройти в соседнюю комнату, которая служила столовой, и усаживал его за низкий столик.

Вишвамбхар Даял, которого все называли Бхагатджи, жил неподалёку в скромной хижине, и приходил повидаться с Прабхупадой каждый день, часто принося *чаас* и пахту, приготовленную из молока его собственных коров, — пахта очень нравилась Прабхупаде.

Бхагатджи был *враджа-васи*, жителем Вриндавана, родившимся там. Он знал Шрилу Прабхупаду в его ранние годы во Вриндаване и помогал в строительстве храма Кришна-Баларамы. Хотя он не был инициирован Шрилой Прабхупадой, он относился к нему как к своему духовному учителю, и Прабхупада одаривал его своей любовью.

Бхагатджи проводил много времени с Прабхупадой, просто сидя у его кровати. Хотя он был уже довольно стар — около шестидесяти, — он был силен, и ему нравилось делать массаж Прабхупаде. Они разговаривали сокровенно, как говорят между собой близкие друзья, но Бхагатджи всегда сохранял уважительное отношение. Шрила Прабхупада выражал свою обеспокоенность будущим Движения, и Бхагатджи заверял Прабхупаду, что ему не стоит беспокоиться, так как он хорошо обучил своих учеников, и они продолжают его миссию.

Атрея Риши Дас привёз особые зелёные лимоны из Ирана. Он был родом из аристократической иранской семьи, у него была степень магистра делового управления из Гарвардского университета, и он занимал важную должность в американской интернациональной корпорации, но после встречи со Шрилой Прабхупадой он оставил свою работу и посвятил жизнь Движению. Прабхупада был очень привязан к нему и часто выражал гордость, что такой человек был его учеником.

Шрила Прабхупада всё ещё почти не ел и не пил, но иранские лимоны были особенно сладкими на вкус, и когда я приготовил лимонный сок, который надо было подавать немедленно, так как он становился горьким буквально через несколько минут, Прабхупаде понравилось, и он попросил ещё. Мы все были счастливы и с облегчением смотрели, как он хоть что-то пьёт и даже получает от этого удовольствие.

Атрея Риши немедленно организовал доставку нескольких ящиков лимонов из Ирана, что очень обрадовало Шрилу Прабхупаду, и я начал регулярно готовить ему сок.

У Атрея Риши был профессиональный опыт, который он использовал в организации управления ИСККОН в Лос-Анджелесе. Он хотел централизовать управление Движением и сделать так, чтобы все структуры работали более эффективно. Преданные, особенно менеджеры, были впечатлены, но Шрила Прабхупада считал, что централизация подорвёт энтузиазм местных преданных. Каждый храм должен быть независимым, говорил он, и управляться как отдельное юридическое лицо президентом храма и командой преданных. Он даже не хотел, чтобы Руководящий совет вмешивался в управление храмами; вместо этого члены совета должны были просто следить, чтобы духовные стандарты в каждой зоне поддерживались на должном уровне, и посредством духовного руководства и проповеди вдохновлять преданных на участие в служении.

В последующие годы мы убедились в том, что указание Прабхупады рассматривать храмы как отдельные и независимые единицы было спасительной благодатью, так как один храм не мог нести ответственности за юридические или финансовые проблемы другого, и судебные иски невозможно было предъявить сразу нескольким храмам.

Атрея Риши порадовал Прабхупаду хорошими новостями из Ирана — королевская семья благоволила Движению сознания Кришны. Паривраджакачарья Свами установил дружеские отношения с семьёй шаха, а сестра шаха стала вегетарианкой и даже начала петь джапу. Она активно участвовала в деятельности ИСККОН и лично

спроектировала интерьер ресторана "Говиндас" в Тегеране. Ресторан был довольно популярен: туда приходило так много посетителей, что часто у входа выстраивалась огромная очередь.

Шрила Прабхупада был чрезвычайно рад услышать о такой эффективной проповеднической деятельности, особенно в исламской стране, и упомянул, что между Индией и Ираном с незапамятных времён были тесные связи, и что в Иране издавна селились индийские *кшатрии* (воины). По своей природе иранцы были благородны, так как их родословная происходила от класса *кшатриев*.

Шрила Прабхупада затем объяснил Атрею Риши, почему он не одобрил его плана по централизации управления ИСККОН. Атрея Риши был явно смущён и опустил глаза, но Прабхупада говорил с ним очень ласково, что Движение сознания Кришны распространялось благодаря вдохновению преданных на деятельность ради удовольствия гуру и Кришны. Если контроль будет слишком удушающим, вдохновение уйдёт. В материальном, корпоративном управлении всё было организовано и структурировано так, чтобы получать максимальную отдачу сотрудников, и сотрудники не возражали против эксплуатации таким образом, потому что им за это платили, и потому что они знали, что если они не подчинятся, их уволят. В сознании Кришны, однако, такой контроль не сработает, потому что преданные оказывали добровольное служение из любви к Кришне. Их мотивацией было удовольствие Кришны, а не финансовая выгода или страх наказания. На материальной платформе законы существовали для контроля над отдельными людьми, тогда как на духовном уровне законы были созданы для того, чтобы облегчить служение и духовное развитие преданных.

Шрила Прабхупада привёл свой собственный пример: когда он ехал в Америку, он ничего не ожидал от тех молодых ребят, которых он встречал. Он просто рассказывал им о Кришне и основанных на любви отношениях с Ним, и научил их, как развивать такие отношения. Они были воодушевлены его учением, пришли к пониманию того, что это знание должно дойти до других людей, и взяли на себя эту ответственность. Поэтому Движение сознания Кришны распространилось по всему миру. Он не пытался контролировать их, а

просто дал им видение, мотивировал их и старался изо всех сил облегчить их труд. Когда преданные почувствовали вдохновение служить Кришне, Он даровал им Свою милость, и в результате, произошло самое необыкновенное чудо.

Атрея Риши посмотрел на Шрилу Прабхупаду, его глаза сияли от признательности. «Шрила Прабхупада», — сказал он, — «вы являетесь идеальным примером. Вы сделали невозможное возможным благодаря своей преданности, энергия Кришны действовала через вас, чтобы вы достигли невозможного. Произошло настоящее чудо».

Шрила Прабхупада посмотрел на него и улыбнулся. Затем он сказал: «Преданный просто хочет служить Кришне ради Его удовольствия. Он желает сделать что-то для Кришны, и Кришна исполняет его желание. Таким образом преданный наделяется силой Кришны. Вот как Кришна распространяет Сознание Кришны в этом мире. Он не действует Сам, но действует через Своих преданных, наделяя их силой. Поэтому, когда мы видим замечательные достижения Движения сознания Кришны, мы должны понимать, что это происходит через преданных, потому что они наделены полномочиями Кришны».

Проповедь в Иране достигла таких успехов, что Атрея Риши, который был главой американской бухгалтерской фирмы "Arthur Young", уволился с работы и начал свой собственный бизнес, чтобы освободить время для проповеднической деятельности и помогать направлять духовную деятельность Ирана. По иронии судьбы его компания добилась такого успеха, что он стал ещё более занят.

Услышав это, Шрила Прабхупада рассмеялся и сказал: «Это значит, что ты теперь зарабатываешь больше денег». Когда Атрея Риши признался, что так он и было, Прабхупада сказал: «Тогда используй свои деньги в служении Кришне».

Атрея Риши сообщил новости из Пакистана, который также был в его зоне. Женщина-индуистка, вышедшая замуж за мусульманина, губернатора штата, проявляла большой интерес к продвижению своей родной индуистской культуры, а её муж поддерживал её.

Шрила Прабхупада спросил, много ли индуистов в Пакистане. Были, подтвердил Атрея Риши, но они сталкивались с большими трудностями, и многие продолжали жить там только потому, что им больше некуда было податься. Тем не менее, когда они приняли сознание Кришны, у них появилась надежда на лучшее будущее, и они благосклонно относились к Движению.

Новость, которая доставила Шриле Прабхупаде наибольшую радость, состояла в том, что распространение книг шло хорошо, журнал «Назад к Богу» печатался на иранском языке, и что персидский перевод "Бхагават-гиты" был почти завершён и должен быть выйти в свет через три месяца.

Преданным во всех уголках мира сообщили о словах Шрилы Прабхупады о том, что новость о распространении книг придала ему жизни. Это вдохновило их так, что со всего света стали приходиться удивительные новости. Всего за одну неделю лондонский храм раздал рекордное количество книг — семьдесят тысяч. И чем больше книг преданные распространяли, тем больше Прабхупада, даже не вставая с постели, настаивал на том, чтобы печаталось больше книг. «Не храните деньги в банке», — приказал он. — «Просто печатайте книги. Это лучшая инвестиция — самый хороший способ приумножить свои деньги».

Одним из самых успешных распространителей книг в мире был Гханашьяма Дас, афроамериканский преданный, который рисковал своей жизнью, чтобы проповедовать сознание Кришны в Советском Союзе и коммунистических странах Восточной Европы. Куда бы он ни пошёл, его темнокожее лицо привлекало внимание, что делало его положение ещё более опасным. В некоторых странах никто никогда не видел человека с такой темной кожей, или никогда не встречал англоговорящего человека. Хотя он и отправился в страны за железным занавесом в качестве туриста, Гханашьяма мог быть арестован за шпионаж, что означало бы пожизненное заключение или смерть. Однажды в России двое агентов КГБ последовали за ним в здание университета. Он пробежал через коридор и нырнул в кабинет одного профессора, объявив ему, что у них была назначена встреча. Профессор, который по счастливой случайности говорил по-

английски, сказал, что ничего не знал о назначенной встрече, но пригласил Гханашьяма сесть. Через мгновение два агента ворвались, но поговорив с профессором на русском языке, они ушли. Потом профессор выслушал рекламную речь Гханашьяма и стал заказывать книги Шрилы Прабхупады у Гханашьяма постоянно.

В югославском городе Любляна после четырёх дней безуспешной операции Гханашьяма встретил в университете индолога, который сначала не заинтересовался рассказами Гханашьяма, но когда он увидел книги, они ему так понравились, что он стал заказывать все написанные Шрилой Прабхупадой труды. Также в Любляне международный книжный магазин купил несколько томов, и один из продавцов предложил перевести два тома книг Прабхупады на один из языков Югославии, чтобы опубликовать их там. В следующем городе, Приштина, декан университета, заведующий кафедрой философии и социологические факультеты разместили два постоянных заказа, а также организовали заказ на все книги Прабхупады для библиотеки.

Шрила Прабхупада с нетерпением ждал новостей о работе Гханашьяма и был одновременно чрезвычайно рад и весьма тронут, выслушивая его доклады.

«Этот юноша иногда не спит по три-четыре ночи, ездит из одного города в другой, получая заказы на мои книги», — удивлялся он. — «Он самый настоящий духовный воин!».

Когда Гханашьяма написал Шриле Прабхупаде, как раз за разом он убеждался, что Кришна помогает ему преодолевать опасности и трудности, Прабхупада прокомментировал, что успех Гханашьяма перед лицом стольких трудностей, включая свою внешность, незнание местных языков, а также противодействие правительств и угрозы ареста, были прекрасной демонстрацией как преданности духовному учителю, так и чудесной взаимности, которую можно получить от Кришны в преданном служении.

Когда до Шрилы Прабхупады стали доходить воодушевляющие новости о распространении книг со всего мира, у него появился аппетит. Однажды, всё ещё сидя в своей *асане* после обеда, он спросил

меня, знаю ли я, как добраться до Гопинатх-базара. Это был мой первый визит во Вриндаван, и я ещё даже не выходил за пределы храмового комплекса, поэтому я, конечно, не знал, но заверил его, что если ему нужно что-то, я смогу всё узнать и достать для него всё, что угодно. Он попросил меня найти аюрведического врача по имени Ванамали Кавирадж, который лечил его много лет назад, и попросить его приехать.

Поэтому позже я отправился на базар в Гопинатх и нашёл Ванамали Кавираджа недалеко от входа на рынок. Он сидел на стуле за деревянным столом в небольшой комнате, которая служила ему клиникой. Это был старик с белыми волосами и тщедушным телом, но даже сидя в этой маленькой, скромной комнате, он выглядел достойно и впечатляюще. Я сказал ему, что Шрила Прабхупада хотел, чтобы он приехал и стал его лечить, но он ответил, что не может отправиться так далеко из-за своего преклонного возраста и слабости — он никогда не покидал свои покои. Просто сидеть в своей приёмной уже требовало от него огромных усилий. Если бы Шрила Прабхупада приехал к нему, добавил он, то он мог бы заняться его лечением.

Я знал, что Прабхупада никак не сможет поехать на базар, поэтому я стал умолять его, практически упав к его ногам. «Шрила Прабхупада в очень плохом состоянии», — объяснил я, — «и он уверен, что только вы можете его вылечить».

Наконец, Ванамали Кавирадж согласился, и я повёз его в храм на рикше. Я видел, как ему было трудно выдержать путешествие — каждый раз, когда повозку встряхивало на неровной дороге, он морщился от пронзительной боли в теле.

Когда мы приехали, Ванамали Кавирадж поблагодарил Шрилу Прабхупаду за проповеднические достижения — за распространение сознания Кришны и привлечение такого большого количества преданных по всему миру.

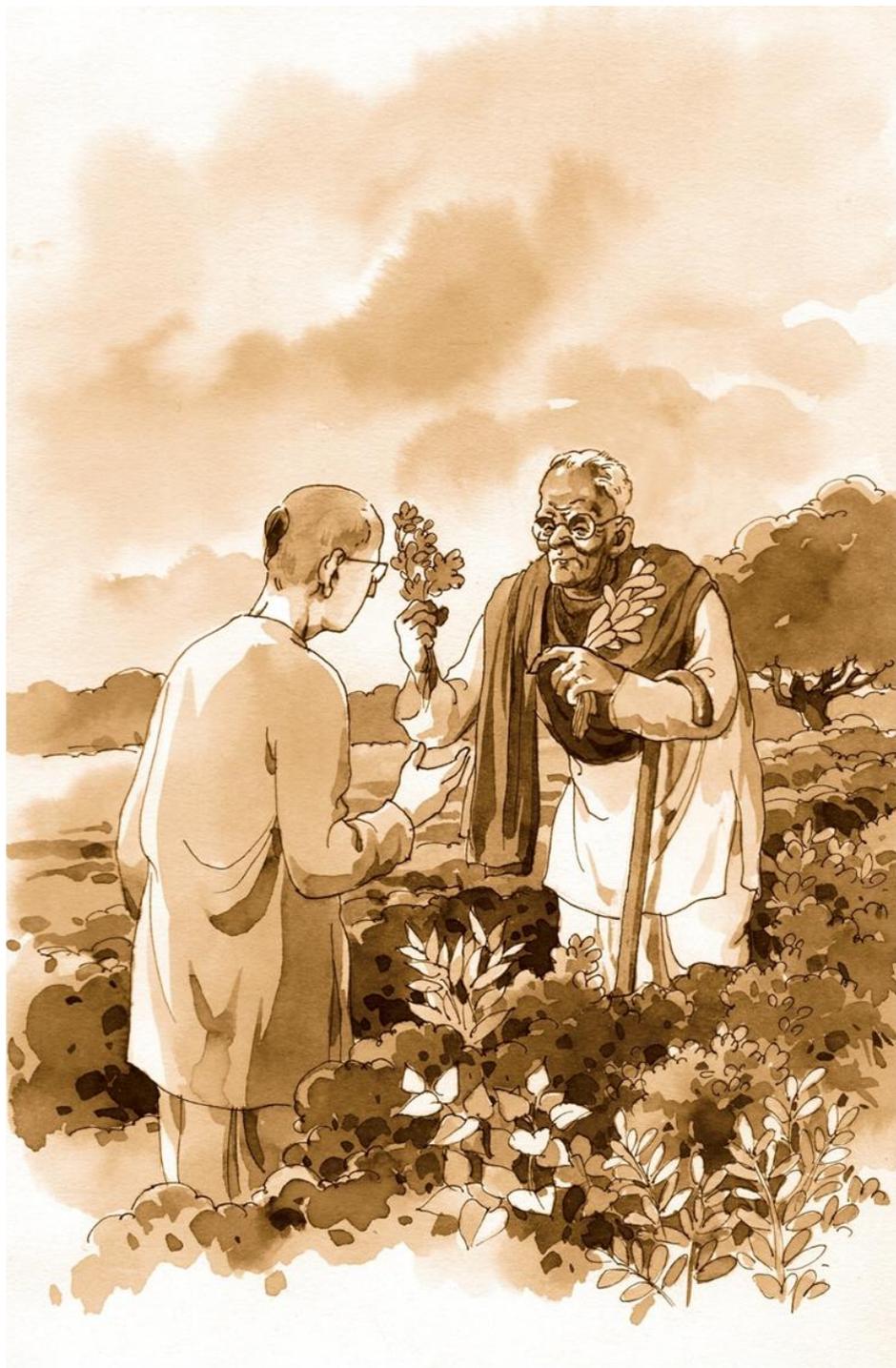
Прабхупада редко соглашался на какое-либо лечение, даже аюрведическое, но у него уже был хороший опыт с Ванамали Кавираджем, так что теперь он позволил врачу лечить его. Это стало

настоящей сенсацией среди преданных, и многие собрались у кровати Прабхупады. Ванамали Кавирадж, сидя на стуле, в течение длительного времени очень внимательно изучал пульс своего пациента. Потом он сказал, что почки Шрилы Прабхупады не функционировали должным образом, и в результате возникли трудности с мочеиспусканием. Это, в свою очередь, вызывало отёк ног и боль в теле. Тамал Кришна Махараджа подтвердил, что такой же диагноз ставили и другие врачи, включая Вималананду Таркатиртху из Калькутты.

Затем Ванамали Кавирадж отвёл меня в соседнюю комнату и рассказал о потенциальной проблеме — приготовленное лекарство должно даваться Прабхупаде свежим, и он не знал, как это можно организовать. Я сказал, что мы можем устроить его в гостевом доме, что мы сделаем все, чтобы ему было удобно. Однако Кавирадж ответил, что ему нужно ехать домой. Поэтому я предложил показать мне как готовить лекарство, чтобы я мог делать его сам. Ему понравилась эта идея, он отвёл меня на близлежащее поле, где показал мне две разные травы, которые называются *пунар нава* и *патхаркучи*. Мы набрали листья, и вернувшись назад, на кухню, он показал мне, как выжать из них сок. Потом он добавил в сок два разных вида соли — одну белую, другую красновато-розовую.

Я начал готовить лекарство и давать его Шриле Прабхупаде три раза в день. Каждый день на машине Прабхупады я ездил за Ванамали Кавираджа, и привозил его осматривать и лечить Прабхупаду. Я также стал снова регулярно готовить обеды для Прабхупады. Постепенно его состояние начало улучшаться. Соответственно, улучшилось и настроение среди преданных. Многие приехали во Вриндаван, чтобы побыть со Шрилой Прабхупадой. Он посещал храм каждое утро, чтобы получать *даршан* Божеств, а затем садился под деревом тамала во дворе, в то время как преданные устраивали *киртан*, а ребята из *гурукулы* танцевали. Иногда он совершал утреннюю прогулку, а затем давал урок по "Шримад-Бхагаватам".

По мере того, как здоровье Прабхупады улучшалось, улучшался и его аппетит. Каждое утро он говорил мне, что хочет на обед, и часто давал инструкции как это блюдо готовить. Однажды он сказал мне

Банамали Кавираджа показывает лекарственные травы на полях Вриндавана для лечения Шрилы Прабхупады

достать шпинат, тыкву, баклажаны, горькую дыню и редис. Когда я пошёл за овощами на кухню, преданные мне сказали, что сейчас был четырёхмесячный период *чатурмасьи*, пост, когда нельзя есть шпинат. Поэтому я вернулся и сообщил это Шриле Прабхупаде.

«Все соблюдают *чатурмасью*?» — спросил он. Из его вопроса я понял, что мне нужно делать, так что я пошёл на рынок, чтобы купить овощи. Когда я вернулся, Прабхупада спросил меня, что я купил. Я ответил: «Шпинат, баклажан, редис, тыква...» — и тут я понял, что я забыл горькую дыню. Но я не хотел ему говорить и подумал, что пошлю кого-то быстро сбегать на рынок, поэтому добавил: «И горькую дыню».

Он сказал: «Принеси всё сюда».

Выбежав из его комнаты, я увидел Кишана, работника гостевого дома, который иногда помогал мне на кухне, — я велел ему взять велосипед и как можно быстрее мчаться на рынок и купить горькую дыню. Приготовив все остальные овощи, я стоял у внешних ворот храма, с нетерпением ожидая возвращения Кишана, но он вернулся, запыхавшись, и сказал, что на рынке не было горькой дыни.

Я и так чувствовал себя ужасно из-за того, что солгал Шриле Прабхупаде, но теперь мне придётся признаться в своей лжи. Я хотел провалиться сквозь землю, и вернулся на кухню, переполненный чувством вины и раскаяния. И вдруг, за дверью кухни, что это там, на земле? Горькая дыня — свежая и зелёная, как будто её только что сорвали! Я понятия не имею, как она там оказалась; возможно, кто-то её уронил по дороге с рынка. Не сомневаясь в своей удаче, я схватил её и прижал к сердцу, благодаря Кришну за Его милость.

Я принёс все овощи Шриле Прабхупаде, который теперь сидел на полу, на матрасе, получая массаж. Едва подняв глаза, он объяснил мне, как их резать. Когда я спросил, как резать горькую дыню, он взглянул на меня, улыбнулся и просто сказал: «Горькая дыня». Просто по тому, как он произнёс эти два слова, я понял, что он точно знал, что произошло. Я просто опустил глаза, не в силах признаться, что соврал ему.

Однажды днём Шрила Прабхупада сидел на крыше, а я был у его стоп. По соседству, на кухне Божеств, повара готовили подношения. Прабхупада, должно быть, почувствовал запах чего-то жареного в топлёном масле, и он попросил меня пойти и выяснить, что там такое готовят.

На кухне я обнаружил Вибху Чайтанью Даса, пожилого ученика Прабхупады, который жарил *качори* и *самосы*. Когда я сообщил об этом Шриле Прабхупаде, он попросил меня принести немного для него. Хотя его пищеварение значительно улучшилось, иногда у него всё ещё случались проблемы с желудком, и сейчас он пребывал в довольно тяжёлом состоянии, так что, когда он сказал мне, что хочет *качори* и *самосы*, я сильно обрадовался и побежал за ними. Тут я столкнулся с Тамал Кришной Махараджем и Бхаванандой Махараджем, которые шли на встречу со Шрилой Прабхупадой. Они спросили, что происходит, но когда я начал им рассказывать, что Прабхупада захотел *качори* и *самосы*, Тамал Кришна перебил меня: «Ты не можешь давать *качори* и *самосы* Шриле Прабхупаде, когда у него такие проблемы с желудком!».

«Но Шрила Прабхупада хочет их отведать!» — крикнул я и, не дожидаясь ответа, поспешил мимо, взял серебряную тарелку Прабхупады и побежал на кухню Божеств. Когда я сказал Вибху Чайтанье, что Шрила Прабхупада захотел *качори* и *самосы*, он просто улыбнулся своей обычной яркой улыбкой и положил на тарелку две свежеприготовленные *самосы* и два *качори*.

Я принёс тарелку прасада Шриле Прабхупаде и поставил её на маленький столик перед ним. *Качори* и *самосы* были ещё горячими, поэтому Прабхупада сначала размял их пальцами, затем взял один маленький кусочек и начал есть. Тамал Кришна Махараджа и Бхавананда Махараджа сидели и смотрели, но Прабхупада посмотрел на них и сказал: «Не смотрите». Их головы опустились, они устали в пол. Тамал Кришна всегда заботился о здоровье Шрилы Прабхупады и иногда пытался убедить его не есть то, что ему не следует, но в большинстве случаев Прабхупада не слушался.

Сестра Прабхупады, Пишима, также была во Вриндаване в то время, и она вспомнила, как он любил *качори* в детстве. Когда она услышала о беспокойстве Тамала Кришны о здоровье своего брата, она проронила: «Если он захочет, он сможет переварить даже камни».

Ещё одним постоянным посетителем был духовный брат Шрилы Прабхупады доктор О.Б.Л. Капур, известный учёный и выдающаяся личность в светском обществе Вриндавана. Он и Шрила Прабхупада часто подолгу беседовали о былом, после чего доктор Капур часто сидел с преданными и рассказывал нам байки из их общего прошлого.

В 1931 году во время одного из визитов в Гаудия Матх в Аллахабаде д-р Капур, тогда студент университета, познакомился со Шрилой Прабхупадой. Шрила Прабхупада управлял там своим фармацевтическим бизнесом и однажды дал доктору Капуру тоник собственного изготовления.

В ответ доктор Капур пошутил: «Абхай Бабу, ты бы лучше дал мне тоник *кришна-премы* [чистой любви Кришны]».

«У меня пока нет этого тоника», — ответил Шрила Прабхупада, — «но есть формула».

«Если формула не секретная, то, может, ты мне её расскажешь?».

«Нет, это вовсе не секрет:

*тр̣ṇāḍ апи сун̣ичена тарор ива сах̣ишнун̣ā
ам̣āнин̣ā м̣āнадена к̣īртан̣ийах̣ сад̣ā хар̣их̣*

Тому, кто считает себя ниже травинки, кто терпеливее дерева, кто не ожидает почёта для себя и всегда готов выразить почтение другим, нетрудно постоянно повторять святое имя Господа ("Шри Шикшаштака", стих 3)

«Вот формула», — сказал он, — «и я собираюсь проповедовать её по всему миру».

«В то время», — сказал нам доктор Капур, — «я не мог осознать значение его слов, не понимал, что он действительно собирался проповедовать это по всему миру. Я думал, что это было просто случайное заявление. Но теперь я оглядываюсь назад и понимаю, что даже тогда он думал и планировал проповедовать всему свету, что он и сделал».

Каждый день Тамал Кришна Махарадж зачитывал письма преданных Шриле Прабхупаде, и Прабхупаде давал инструкции Махараджу, как ответить. В одном письме преданный хотел предложить годы своей жизни Прабхупаде, чтобы он мог продолжать пребывать с нами на этой планете. Это было милое письмо, пропитанное эмоциями, но Прабхупада ответил, что наша настоящая любовь к нему будет проявляться в том, как мы сотрудничаем с друг другом, чтобы продолжить его миссию.

Однажды двое *санньяси*, Ачьютананда Свами и Яшоданандана Свами, приехали навестить Шрилу Прабхупаду после того, как они посетили несколько индийских храмов. Они рассказали нам забавный случай. Пока они получали *даршан* Божеств в одном храме, *пуджари* сказал им, что поскольку они развили такую преданность, в следующей жизни они родятся в Индии для дальнейшего духовного развития.

Шрила Прабхупада посмеялся над этой историей и сказал им, что им нужно было сказать этому *пуджари*, что так как он развил такую признательность за их преданность, то в следующей жизни он родится в ИСККОН.

Все засмеялись, и Прабхупада рассказал нам анекдот.

В маленькой деревне в Индии у одной старой женщины обманом отобрали землю. Как-то раз к ним в деревню приехал передвижной суд, и некоторые из доброжелателей женщины посоветовали ей обратиться к судье и просить справедливости. Судья урегулировал её дело, вернув ей землю и наказав негодяев. Старушка, естественно, была очень довольна судьёй и благословила его: «Я благословляю тебя, чтобы в следующей жизни ты стал полицейским».

Прабхупада рассмеялся: «По её мнению, полицейский был самый важный человек!».

Теперь, когда у него было чуть больше энергии, Шрила Прабхупада мог принимать больше посетителей. Губернатор штата Тамил Наду, Прабхудас Патвари, приехал с визитом в сопровождении своей жены и двух внучек. С ним приехал Акшаянанда Свами. Г-н Патвари был достойным пожилым джентльменом, и Прабхупада сел в своей постели, чтобы поприветствовать его и его семью, а нас попросили принести им стулья. Но г-н Патвари сказал, что предпочитает сидеть на полу. Он был обеспокоен состоянием здоровья Прабхупады и пригласил его приехать в Мадрас, так как он считал, что там можно получить самое лучшее лечение в Индии. Шрила Прабхупада милостиво оценил предложение, но отказался, заявив, что его не очень интересует медицина, особенно инъекции и операции. Губернатор проявил сочувствие и сказал, что он может организовать первоклассное аюрведическое лечение. Он предложил ему размещение в своём доме, который на самом деле был больше похож на дворец, но Шрила Прабхупада, непритязательный к материальным благам, не был заинтересован. Когда г-н Патвари снова стал рекомендовать прекрасные аюрведические учреждения Мадраса, Прабхупада заметил, что наши материальные тела не вечны, а обречены на рождение, смерть, старость и болезни. Когда тело стареет, сказал он, болезнь неизбежна, как и смерть. Вместо того, чтобы пытаться продлить срок нашего пребывания в теле, советовал Прабхупада, разумнее подготовиться к тому, что будет дальше.

Губернатор внимательно слушал, изредка кивая головой в знак одобрения. Я был впечатлён. Он был таким важным человеком, но не раз приезжал с визитом к Шриле Прабхупаде и выказывал ему уважение и заботу.

Однажды утром Бхавананда Махарадж зашёл ко мне в комнату, когда я ещё читал *джану*, и объявил, что Шрила Прабхупада рассматривает возможность присвоения мне статуса *санньяси*. Я был ошеломлён. Прабхупада давал санньясу только наиболее совершенным преданным, и только после многих лет выдающегося служения. В то же время я понял, что, давая мне *санньясу*, Прабхупада хотел

обезопасить меня духовно; у меня не будет никакой возможности повернуть назад. Ранее он уже просил меня предложить свою жизнь Кришне, а теперь он собирался всё организовать так, чтобы я мог исполнить своё обещание.

Когда новость распространилась, до меня дошли слухи, что некоторые старшие преданные возражали, считая, что я был ещё слишком новеньким в сознании Кришны, чтобы быть удостоенным такой награды и такого важного статуса. Тамал Кришна Махараджа позвал меня в свой офис, где собралось несколько *санньяси*: они рассказали мне о мнении некоторых из преданных о том, что я, возможно, тороплюсь.

Когда я спросил его, что он думает, он признал, что это необычно для Шрилы Прабхупады — рассматривать возможность дать мне *санньясу* так быстро. Он отметил, что я был ещё новичком в движении — я присоединился лишь несколько месяцев назад и был инициирован ещё совсем недавно — и поэтому он тоже был немного обеспокоен.

Джаяпатака Махарадж прокомментировал, что обычно местное руководство предлагает кандидатуру Шриле Прабхупаде, а затем должен последовать период ожидания около двух лет, когда за кандидатом наблюдали, чтобы удостовериться в его серьёзности. Только после такого испытательного срока преданному давали статус *санньяси*.

Я был немного разочарован и сказал: «Это была не моя идея. Если у кого-то есть возражения, можно обратиться к Шриле Прабхупаде. Это его решение, поэтому спрашивать надо у него». И с этим я встал и сказал, что мне нужно идти на кухню, чтобы готовить еду для Шрилы Прабхупады.

Но я всё равно понимал их вопросы и сомнения. Я всё ещё был просто новым преданным, и кроме служения Шриле Прабхупаде, чего я действительно достиг? Статус *санньяси* в ИСККОН был очень уважаем; *санньяси* везде оказывали огромное уважение и даже преклонение. И было неясно, смогу ли я справиться с такой должностью — был ли я действительно квалифицирован? Я знал о

довольно многих *санньяси*, которые пали, и мои духовные братья не были уверены, достаточно ли я развит духовно, чтобы не пасть.

В то же время я думал, что занялся духовной жизнью с абсолютным убеждением. Ещё до присоединения к ИСККОН я отказался от материалистической жизни, и у меня не было намерения жениться или заводить семью. В этом смысле я уже был *санньяси*.

Затем я осознал — получил ли я статус *санньяси* или нет — не имело значения; имело значение моё внутреннее сознание. Я почувствовал глубокое чувство удовлетворения. Какая бы тяжесть ни была у меня на сердце, она полностью рассеялась, и я приступил к своей готовке.

В разгар моей работы над тремя блюдами вошли Тамал Кришна и Бхавананда, и Тамал Кришна воскликнул: «Всё решено! Шрила Прабхупада принял решение дать тебе *санньясу* послезавтра. Он отклонил все наши возражения и отчитал нас за то, что мы усомнились в твоей пригодности».

Оказывается, группа старших преданных отправилась к Шриле Прабхупаде, чтобы попытаться убедить его не давать мне статус *санньяси*, потому что я всё ещё был слишком новеньким в движении. Но Прабхупада отбросил все их возражения, похвалил меня и без всяких оговорок утвердил своё решение.

В тот день, после того как я подал обед Шриле Прабхупаде, Тамал Кришна усадил меня и объяснил, как мне следует подготовиться к принятию *санньясы*. Мне нужно взять ткань для *дхоти* и *уттарийи* и покрасить её в шафрановый цвет. Затем мне нужно взять четыре тонких бамбуковых палки, отмерить по высоте моего туловища, связать их вместе и обернуть шафрановой тканью.

Он вспомнил свою церемонию *санньясы* в Джайпуре и то, как Шрила Прабхупада объяснил ему значение *санньяса-данды*. Три палки символизировали тело, ум и речь; четвертая представляла трансцендентную душу; а маленькая изогнутая часть наверху —

Сверхдушу. Он сказал мне собрать все эти предметы и прийти к нему, чтобы он мне помог завернуть *данду*.

В день Снана-ятры Господа Джаяннатхи Шрила Прабхупада дал мне посвящение в *санньясу*. Он не вышел, чтобы совершить огненную *ягью* самостоятельно, вместо него это сделали его представители, *санньяси*: Тамал Кришна, Бхавананда, Джаяпатака, Ачьютананда, Акшаянанда, Яшоданандана, Прамана и Вирах Пракаша, вот лишь некоторые из них. Бхавананда Махарадж совершил *ягью* во дворе храма, а затем мы все пошли в комнату Прабхупады, где он дал мне *санньяса* мантру и рассказал о *брахмане* Аванти из Одиннадцатой песни "Шримад-Бхагаватам".

История повествует о богатом *брахмане*, который был так привязан к своей жене, богатству и имуществу, что стал жестокосердным и скупым. Это привело к тому, что он потерял любовь и уважение членов своей семьи, а затем даже и своё богатство. Размышляя о своих потерях, и постепенно становясь всё более и более отстранённым от мирских проблем, брахман в конце концов преодолел своё уныние, ушёл из дома, принял *санньясу* и стал путешествовать по всему белому свету, терпя всевозможные невзгоды и оскорбления. История, которая известна как "Bhikṣu-gīta", «Песня *санньяси*», иллюстрирует, что тех, кто медитирует на Абсолютную Истину, не беспокоит двойственность материальной природы.

Затем Шрила Прабхупада вручил мне *данду* и дал новое имя, Бхакти Чару Свами, которое, как он объяснил, означает "тот, кто прекрасно владеет своими чувствами посредством преданного служения". Все преданные хором воскликнули: «*Харибол!*», и Шрила Прабхупада попросил их начать *киртан*, который скоро превратился в экстатический праздник воспевания святых имён.

Затем я быстро вернулся к своим обязанностям — сначала на кухню, чтобы приготовить обед для Шрилы Прабхупады. После моего первого посвящения (*харинама*) я сразу почувствовал разницу между "до" и "после" — тогда изменился цвет моей одежды, и я реально прочувствовал, что Шрила Прабхупада принял меня как своего ученика и как члена ИСККОН. Но в этот раз не почувствовал никаких

изменений. Особенно я это почувствовал, когда я начал готовить для Прабхупады— всё было так же, как и раньше, я занимался всё тем же служением и имел те же обязанности, даже ткань моего *дхоти* осталась того же цвета. Я просто продолжал резать овощи, напоминая себе, что мой самый большой подарок — это дар милости Шрилы Прабхупады. Я просто желал, чтобы я никогда не покидал прибежища его лотосных стоп.

После того, как я подал Шриле Прабхупаде обед, я и Тамал Кришна Махарадж пошли обратно в нашу комнату. Мы миновали нескольких старших преданных, которые принимали *прасад* в столовой гостевого дома; они поприветствовали нас и пригласили присоединиться к ним. Акшаянанда Свами, президент храма Вриндавана, спросил:

«Когда ты получил посвящение?».

«Во время фестиваля Гаура-пурнима в этом году», — ответил я, — «в Маяпуре».

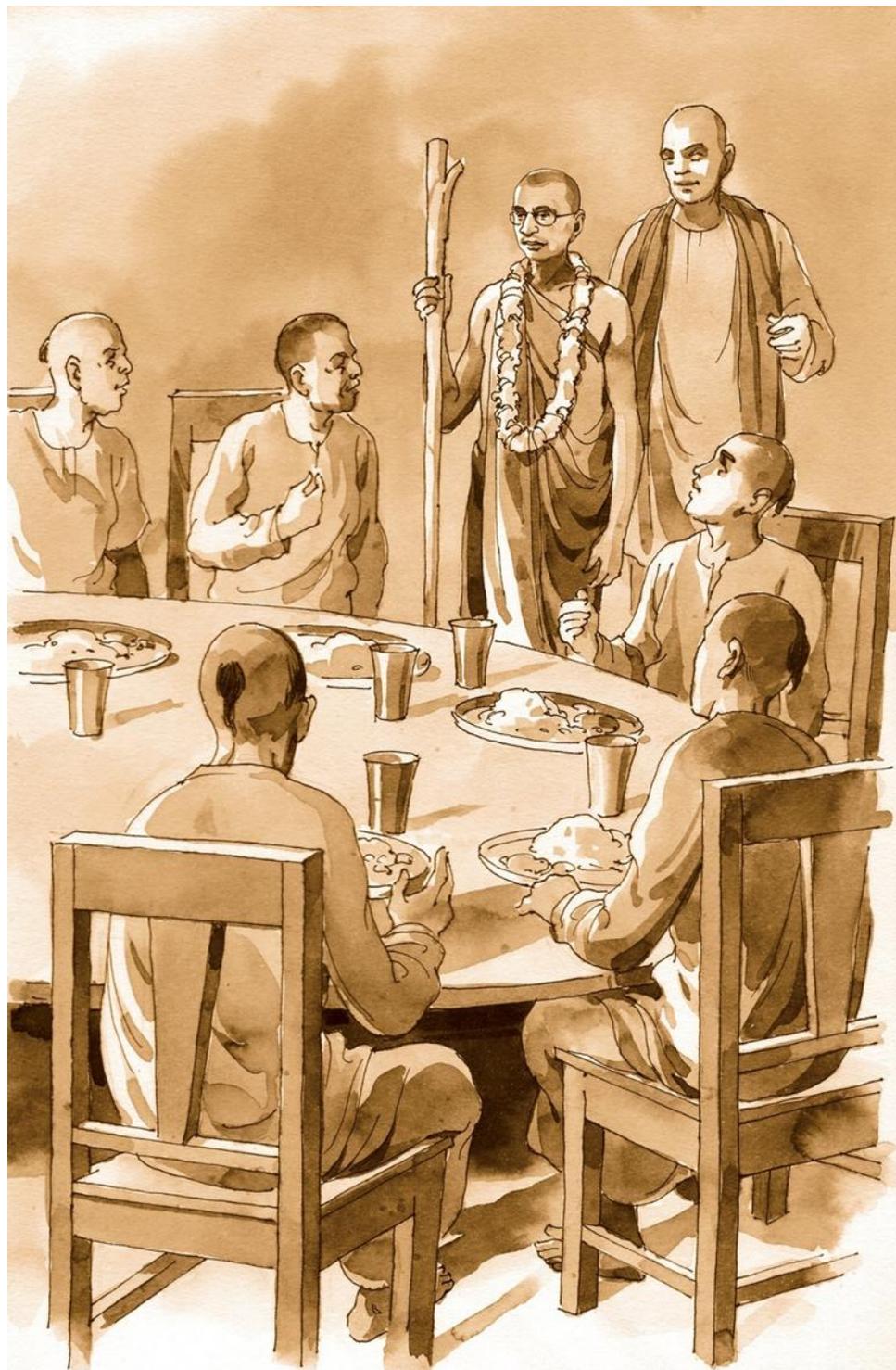
«Всего лишь около трёх месяцев назад», — сказал он. — «Я получил свою *санньясу* через полтора года после моего посвящения, и все думали, что это было слишком быстро, а ты получил этот статус всего через три месяца».

Аччютананда Свами, которого я знал со времён моей жизни в Калькутте и Маяпуре, который был для меня образцом для подражания в те дни, прокомментировал:

«С того момента, как он присоединился к Движению, я знал, что его ждёт особенная милость Шрилы Прабхупады».

Смутившись, я ответил ему:

«Это по твоей милости я получил все эти благословения от Шрилы Прабхупады. Я всегда восхищался твоими замечательными качествами — ты даёшь такие удивительные лекции и ведёшь такие фантастические *киртаны*. И я всегда хотел быть таким, как ты.

Встреча старших преданных в столовой после получения санньясы

Пожалуйста, благослови меня, чтобы я мог развить в себе некоторые из твоих качеств».

В своей спонтанной, юмористической манере Махарадж поднял правую руку и сказал: «Благословляю тебя, сын мой».

Все засмеялись, и я нагнулся, чтобы коснуться его стоп, но когда он понял, что я собираюсь сделать, он вскочил со своего места и отпрыгнул в сторону.

Разговор зашёл о том, как Шрила Прабхупада давал *санньясу* разным преданным. Кто-то вспомнил, как он дал *санньясу* Тамал Кришне Махараджу в Джайпуре, перед храмом Говиндаджи. Гунарнава Дас, вице-президент Вриндавана, сказал: «Шрила Прабхупада заставил его отказаться от всех своих управленческих обязанностей, когда он дал ему *санньясу*. Он заставил его уйти из ДжиБиСи. Но вскоре после этого, когда он увидел, что никто не сможет заполнить пустоту, образовавшуюся после отставки Махараджа, он восстановил его в должности. Разве не так, Махарадж?».

Тамал Кришна улыбнулся. Акшаянанда Махарадж прокомментировал: «Да, все знают, что Тамал Кришна Госвами — самый выдающийся менеджер во всём ИСККОН».

Мы все согласились.

Затем Тамал Кришна повернулся в мою сторону и сказал: «Кто-нибудь из вас заметил? Это же первый раз, когда Шрила Прабхупада дал санньяси титул "Бхакти"!»

Все замерли. Затем Ачьютананда Свами сказал: «Да, это правда».

Позже в тот же день Тамал Кришна Махараджа печатал под диктовку Шрилы Прабхупады, а затем вышел на минуту в свой офис по соседству. Я остался у кровати Прабхупады, воспевая святые имена.

«Шрила Прабхупада», — спросил я, — «священные писания выделяют четыре стадии *санньяси* — *кутичка*, *бахудака*,

паривраджака, и *парамахамса*. Почему бы нам не следовать этому стандарту?»).

Шрила Прабхупада ответил: «Наша *санньяса* предназначена для того, чтобы предлагать наши тело, ум и речь в служении Шри Кришне — всё наше существование предлагается в распространении Его славы. Проповедь является целью нашей *санньясы*, а не освобождение. В этом разница между *экаданда санньясы* и *триданда санньясы*. *Триданда* указывает на тело, ум и речь — *кая*, *мана* и *вакья*. Это означает, что все действия тела, ума и речи должны быть заняты служением Кришне. Никаких других дел не должно быть, когда ты стал *санньяси*. Ты *гуру*. Ты можешь инициировать. Но пока духовный учитель присутствует на планете, ученик не должен давать посвящения. Таковы правила».

Я не знал, что сказать. Наконец я собрался с мыслями и сказал ему: «Шрила Прабхупада, я всегда хочу оставаться вашим учеником. Это всё, что я хочу».

«Да», — мягко сказал он. — «Это правильное отношение».

На следующий день, когда я сидел перед Прабхупадой сразу после завтрака, он дал мне наставления: «*Санньяса* обязывает стать полностью свободным от материальных привязанностей. У *санньяси* нет никаких желаний чего-либо в этом материальном мире — *на дханам на джанам на сундарйм*. *Сундарйм* означает "влечение к красивым женщинам", это труднее всего преодолеть. Однако, *санньяси* полностью свободен от этого влечения. Даже если он один на острове с самой красивой женщиной, он не должен испытывать влечения к ней — он вообще не должен испытывать сексуального желания».

Я сказал: «Некоторые *сампрадаи* [духовные линии] запрещают *санньяси* даже смотреть на женщин».

«Нет», — поправил Шрила Прабхупада, — «это не способ преодолеть сексуальное желание. Они могут не смотреть на лицо женщины, но если когда-нибудь случайно увидят кого-то женского пола, то будут привлечены. Вспомни Вишвамित्रа Муни. В течение

многих лет он совершал аскезы, полностью погруженный в медитацию, отвлекая свои чувства от объектов чувств. Но однажды Индра послал ему апсару [куртизанку из духовного мира], по имени Менака, чтобы испортить его медитацию. Все его чувства были отстранены, но когда Менака начала танцевать перед ним, звук её ножных колокольчиков проник в уши, и его медитация прервалась, он открыл глаза и был очарован её красотой. Поэтому просто стараться не смотреть на женщину не работает».

«Тогда как же можно преодолеть это непреодолимое влечение?» — спросил я.

«Развивая высший вкус. Это единственный способ преодолеть это притяжение. *Парам дритвā нивартате* — обретая высший вкус, развивая привязанность к Кришне. Когда человек развил эту привязанность, даже мысль о сексе становится ему отвратительной. Как сказал Ямуначарья: "Теперь, когда мой ум привязался к лотосным стопам Кришны, когда мысль о сексе приходит мне на ум, мои губы кривятся от отвращения, и я плюю при этой мысли"».

«Вот как прекрасно сознание Кришны. Когда человек развивает в себе любовь к Кришне, он понимает, что красота всех женщин предназначена для наслаждения Кришны. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Тхакур сказал об этом:

kāminīr kāma, nahe taḥa dhāma, tāhār — mālika kevala yādaḥa.

Вождение к женщине не предназначено для живого существа; владеец всех женщин — это Ядава, Шри Кришна».

Я сидел молча, пытаюсь понять, что имел в виду Шрила Прабхупада, а также серьёзность *ашрама*, частью которого я только что стал.

«Процесс сознания Кришны совершенен», — добавил Прабхупада нежно. — «Просто следуй этому процессу со всей искренностью — предложи свою жизнь Кришне и старайся служить Ему всеми силами. Постарайся развить в себе любовь к Нему, а остальное произойдёт автоматически».

Затем он сказал что-то, что показалось мне величайшим секретом духовного успеха:

«*Майя* чрезвычайно сильна, потому что это энергия Кришны — *даивī хй эшā гуна-майī мама мāйā дуратīайā*: её невозможно преодолеть. Но если ты продолжаешь оставаться в обществе преданных, тогда *майя* не сможет прикоснуться к тебе, потому что *майя* это внешняя энергия Кришны, тогда как общество преданных — это внутренняя энергия Кришны. Поэтому всегда находишься в обществе преданных и никогда, никогда не уходи далеко от этого убежища».

Одно беспокойство закралось в мой ум. «Шрила Прабхупада», — спросил я, — «а что, если я окажусь на необитаемом острове — что со мной будет?».

«Просто помни наставления преданных, — сказал он. — Это одна из форм общения с преданными».

Моё сердце переполнилось радостью, и я предложил Прабхупаде свои поклоны, взмолившись к нему в уме: «Пожалуйста, благословите меня, Шрила Прабхупада, чтобы я никогда не покидал убежища ваших лотосных стоп».

Дав мне *санньясу*, Шрила Прабхупада стал довольно строг в отношении того, кто и когда мог быть у него на кухне. Он положил запрет на пребывание там женщин. Однажды Упендра принёс Прабхупаде *прасад* и сказал ему, что еда была приготовлена одной из наших духовных сестёр. Прабхупада спросил, где она готовила, и когда Упендра ответил, что всё было приготовлено у него на кухне, Прабхупада спросил, кто ей разрешил входить туда.

«Она хотела приготовить для вас *прасад*», — сказал Упендра, — «и это единственное место, где она могла это сделать».

Шрила Прабхупада немедленно назвал Тамала Кришну Махараджа и сказал ему, что он должен дать всем знать, что ни одной женщине не должно быть позволено находиться на его кухне. С тех пор все кухонные служения были переданы преданным мужского пола.

Когда я спросил Тамал Кришну, почему Прабхупада предпринял такие меры, он сказал, что это из-за меня. Теперь, когда я стал *санньяси*, Прабхупада принимал меры предосторожности для моей защиты.

«Шрила Прабхупада знает, до какой степени я подвержен ошибкам», — сказал я, — «и он добр ко мне. Он защищает меня».

Я снова молча поблагодарил Его Божественную Милость за его доброту, и за напоминание, что мне следует быть осторожным в общении с женщинами, сосредоточившись на своём положении в новом статусе.

По утрам я бывал в основном занят со Шрилой Прабхупадой, готовя ему завтрак и выполняя другие обязанности. А позже днём, когда он отдыхал, я повторял свои молитвы в уединённой роще деревьев рядом с *парикрама-марга*, песчаной тропой, опоясывающей Вриндаван.

Однажды вместо чтения джапы на улице, я решил присоединиться к Тамал Кришне Махараджу в его офисе. Скоро наша совместная *джапа* была прервана вошедшим высоким, жилистым преданным с яркой, очаровательной улыбкой.

«Эй, Харикеша!» — воскликнул Махарадж, вставая и обнимая его.

Харикеша Свами был личным секретарём Шрилы Прабхупады. Махараджа потом рассказал мне, что он отказался от этого служения, чтобы исполнить волю Прабхупады, который просил его поехать и решить проблему в Германии, где верующие были пойманы на сборе денег под ложным предлогом. Харикеша не хотел отказываться от личного служения Прабхупаде, но Прабхупада настоял, и Харикеша не только позаботился о разрешении проблемы, но и превратил Германию в Европейскую зону с самой развитой проповеднической деятельностью, а также начал проповедь в Советском Союзе и других коммунистических странах Восточной Европы. Он руководил переводом книг Шрилы Прабхупады на несколько языков и их изданием. Он был духовным лидером и лучшим управляющим во всей Европе.

Когда Харикеша услышал о болезни Прабхупады, он ускорил перевод книг и организовал круглосуточную работу над публикациями. Когда он узнал, что Прабхупада может скоро оставить своё тело, он бросился во Вриндаван с огромным количеством экземпляров различных переводов. Он только что прибыл и пришёл прямо к Шриле Прабхупаде в комнату.

Прабхупада отдыхал, сказал ему Тамал Кришна Махарадж, но он скоро встанет. Поэтому Харикеша помчался в свою комнату и вернулся несколько минут спустя, неся так много книг, как только мог удержать — недавние переводы на немецкий, венгерский, шведский, датский и другие европейские языки.

Когда Упендра пришёл и сообщил нам, что Шрила Прабхупада проснулся и готов встретиться с Харикешей в своей комнате, мы все поспешили туда. Прабхупада полулежал на кровати, подпираемый подушками. Он был явно рад видеть Харикешу; его лицо озарилось волнением, когда Махарадж показал ему книги.

Прабхупада спросил Харикешу, сколько экземпляров он напечатал. Харикеша ответил — 120.000 экземпляров книги "Кришна", 60.000 комплектов "Шримад-Бхагаватам" и 10.000 экземпляров "Шри Ишопанишад". Когда Прабхупада спросил, сможет ли Харикеша их распространить, Харикеша заверил его, что он сможет это сделать, и что затем он будет печатать ещё большие партии книг. И он также работает над тем, чтобы другие книги были переведены, напечатаны и распространены.

Шрила Прабхупада с любовью посмотрел на Харикешу, положил руку на голову и сказал: «Теперь ты понимаешь, почему я тебя прогнал? Я знал, что тебе суждено достичь чего-то замечательного».

Харикеша положил голову на руку Прабхупады и заплакал. Шрила Прабхупада просто гладил его по голове, и слёзы текли из его глаз.

Как-то днём, когда я сидел с Тамал Кришной Махараджем в его офисе, прибежал Гунарнава Дас. Он выглядел крайне обеспокоенным,

и сообщил нам, что до него дошло известие о том, что мусульмане напали на храм в Маяпуре. Преданные во главе с Бхаванандой Махараджем вынуждены были защищаться, но когда приехала полиция, они арестовали Махараджа и преданных, а не напавших на них мусульман.

Мы втроём отправились немедленно к Шриле Прабхупаде и рассказали ему о том, что случилось. Он был очень обеспокоен и попросил меня провести расследование.

Телефонная связь была плохой, поэтому потребовалось некоторое время, чтобы дозвониться, но мне в конце концов удалось поговорить с преданными в Маяпуре, которые были свидетелями инцидента.

Как-то раз группа мусульман привела своих коров пастись на рисовых полях ИСККОНа, и когда преданные прогнали их прочь, инцидент перерос в драку. Один из мусульман был пойман преданными и доставлен в офис *гурукулы*, а Нитай Чанд Дас, генеральный менеджер Маяпура, приказал, чтобы ему побрили голову. Это повлекло за собой ответную реакцию: Нитай Чанд позже был пойман, когда он шёл в одиночку за пределами территории ИСККОН, недалеко от Ганги, и он непременно был бы избит, если бы другой преданный, Брахмапада Дас, не прибежал на его защиту и не спас его, вступив в драку с группой мусульман. Однако потом огромная толпа мусульман, подстрекаемая агитаторами из другого *матха*, ворвалась в храм и напала на верующих, среди которых была женщина из Америки, Вишалакши Деви Даси. Бхавананда Махарадж пытался отпугнуть их выстрелами из дробовика, и в результате несколько нападавших были ранены картечью, но серьёзных травм не было. Тем не менее, когда, наконец-то, прибыла полиция (надо сказать - довольно поздно), то вместо того, чтобы арестовать нападавших, они арестовали Махараджа и других преданных. Их повязали и отвезли в полицейский участок в Навадвипе, где они сейчас содержались под стражей.

Когда Шрила Прабхупада услышал подробности моего отчёта, он расплакался. Он сказал: «Эти демоны терпеть не могут преданных».

Через несколько дней мы получили известие, что преданные были освобождены, а обвинения сняты.

Тамал Кришна Махараджа в тот период был очень осторожен относительно того, кому будет разрешено увидеться со Шрилой Прабхупадой. Обычно только очень важным посетителям, старшим местным вайшнавам и старшим преданным, разрешалось прийти с визитом, и только тогда, когда им нужно было обсудить что-то важное с Прабхупадой. Поэтому однажды поздно вечером я был удивлён, когда я вошёл в комнату Прабхупады и увидел там пожилого вайшнава, одетого только в белую набедренную повязку и кусок ткани, прикрывающий его торс, который сидел на стуле рядом с кроватью Шрилы Прабхупады. Что-то в его поведении и то, как он разговаривал с Прабхупадой, произвело на меня впечатление: он явно был возвышенным вайшнавом. Он и Прабхупада разговаривали о чем-то как старые близкие друзья, и периодически громко, по-мальчишечьи, смеялись.

Посетителем был Шрила Кришнадас Бабаджи Махарадж, старший ученик Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Он был единственным преданным в Гаудия Матхе, которого Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Тхакур разрешил наградить орденом отречения *бабаджи*. Шрила Бхактисиддхант обычно критиковал *бабаджи*, потому что они преждевременно подражали экзальтированной стадии *парамахамсы* Шести Госвами Вриндавана. Но *бабаджи* был на самом деле самым возвышенным духовным статусом, если не считать *санньясу*. Статус *санньясы*, отличающийся шафрановыми одеждами, является высшей стадией духовного развития в материальной природе, но за её пределами есть духовная реальность, где белый цвет означает незапятнанную святость.

Было очевидно, что Кришнадас Бабаджи Махарадж находился на именно на этой платформе духовности. Он постоянно воспевал святое имя Господа. Радость, которая переполняла его изнутри, иногда выливалась наружу сердечным, заразительным смехом, и тогда все, находящиеся рядом с ним, тоже начинали смеяться. Мне стало неловко, потому что я никогда так сильно не смеялся перед Шрилой Прабхупадой, но я ничего не мог с собой поделать.

Когда я последовал за ним после встречи со Шрилой Прабхупадой, он улыбнулся мне и спросил, как и когда я присоединился к Движению, и выразил свою радость, что я принял прибежище у Шрилы Прабхупады.

Самый выдающийся духовный брат Шрилы Прабхупады во Вриндаване был Шрипад Бон Махарадж, у которого были аристократические манеры, и который был известен своей учёностью и эрудицией. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Тахакур послал его в Англию и Германию проповедовать, и он жил там несколько лет, встречаясь со многими важными людьми и проповедуя. Он также основал вайшнавский университет во Вриндаване. Каждый раз, когда он приезжал к Прабхупаде, они подолгу разговаривали как самые близкие люди.

Однажды вечером Бон Махарадж пришёл вместе с Кришнадас Бабаджи Махараджем. Увидев своих близких друзей, лицо Шрилы Прабхупады озарилось яркой улыбкой. Я поставил два стула около его кровати, чтобы они могли все вместе пообщаться. Бабаджи Махарадж прославил Шрилу Прабхупаду за его достижения по всему миру, и Шрила Бон Махарадж согласился, сказав, что Шрила Прабхупада получил благословение Шри Чайтаньи Махапрабху.

Затем Бабаджи Махарадж в своей весёлой манере сказал Бон Махараджу: «Ты великий проповедник; он тоже великий проповедник. Ты великий учёный; он также большой учёный. У тебя очень хороший английский язык; он также прекрасно владеет английским языком. Ты жил на Западе; он тоже жил на Западе. Как же так получилось, что он добился такого успеха, а ты нет?».

Шрила Бон Махарадж улыбнулся, ничего не сказав. Шрила Прабхупада выглядел смущённым и молчал. Бабаджи Махараджа прервал эту неловкую тишину: «Секрет успеха – в его непоколебимой вере в святое имя! Я был на церемонии его посвящения в *санньясу* в Матхуре. Кешава Махарадж пел различные ведические мантры. Я начал петь *маха-мантру*. Некоторые преданные посчитали, что моё громкое пение могло нарушить церемонию и попросили меня

прекратить. Я уже собирался замолчать, но Свами Махарадж жестом руки призвал меня продолжать, и я продолжил».

«А ещё я слышал, что когда он был в Америке, он обычно сидел один под деревом в парке и просто пел Харе Кришна мантру, подыгрывая себе на *караталах*. Сколько веры и убеждённости нужно, чтобы это делать! И теперь мы можем видеть уровень его успеха. Люди говорят, что у меня есть вкус к воспеванию святого имени. Однако я просто воспеваю сам по себе, а он заставил воспевать весь мир. Вот в чем разница между ним и нами».

Бон Махараджа согласился: «Да, он был особо уполномочен Шри Чайтаньей Махапрабху по причине своей привязанности к святому имени и беспримесной преданности».

Шрила Прабхупада посмотрел на меня и сказал: «Принеси немного *прасада* для них».

«Просто немного фруктов», — отозвались его гости.

Хотя я почти постоянно был занят служением Шриле Прабхупаде в его покоях, у меня так же завязывались отношения с некоторыми из преданных. Бхарадраджа Дас был хорошо известен как художник в ИСККОН, и я видел его иллюстрации в книгах Прабхупады. Мы стали хорошими друзьями, и когда я был на кухне, он часто помогал мне, нарезаю овощи или отдраивая кастрюли. Когда нечем было заняться, он иногда просто смотрел, как я готовлю, и разговаривал со мной.

Бхарадраджа был родом из России; его родители эмигрировали в Америку после Второй мировой войны. Он знал и русский, и санскрит, и часто говорил мне о тесной связи между двумя языками. Сначала я не верил, но Бхарадраджа настаивал: «Дай мне любое слово, и я найду в нём корни этих двух языков», — бросил он вызов.

За его спиной была дверь, поэтому это было первое слово, которое пришло мне на ум.

«"Дверь"», — сказал я.

«По-русски это "двери"», — ответил он, — «а на санскрите «*двāра*».

«"Девочка"».

«"Девочка" по-русски, *деви* на санскрите».

«Нагревать».

Он немного подумал и признался: «Я не могу подобрать нужное слово, но слово "огонь" на русском довольно близко к "агни" на санскрите».

Я был впечатлён — сходством языка, знаниями Бхарадраджи, и тем, как Шриле Прабхупаде удалось собрать вместе самые яркие жемчужины преданных со всего мира.

Другим замечательным преданным был Айодхьяпати Дас. Он выглядел как чемпион по бодибилдингу, и у него было золотое сердце. Хотя в храме работали профессиональные повара, Айодхьяпати любил кормить преданных. Даже в палящий зной летом во Вриндаване, он готовил действительно роскошные обеды. Он был превосходным поваром, и всякий раз, когда он готовил, все приходили в восторг, как будто наступало время праздника.

Почти каждый день преданные приходили и пели в комнате Прабхупады. Таким образом они могли быть рядом с ним. Некоторые начинали играть на фисгармонии, но Прабхупада, который был превосходным музыкантом, иногда начинал выражать беспокойство, если они играли неправильно, так что в конце концов он запретил играть на фисгармонии у себя в комнате.

Однажды вечером, лёжа в кровати с закрытыми глазами, Шрила Прабхупада услышал, как кто-то пел и играл на фисгармонии. Я сидел у постели больного, ухаживая за ним, и Прабхупада попросил меня передать преданному, чтобы тот прекратил игру. Это был Бхарадраджа. Я передал ему просьбу Шрилы Прабхупады, и он тут же замолчал.

Когда я вернулся к постели Прабхупады, он тихо спросил: «Кто это был?».

«Бхарадраджа Прабху», — ответил я.

«О! Он умеет играть».

Шриле Прабхупаде также нравилось пение Хамсадута Свами. У Махараджа был приятный и в то же время сильный голос с уникальным высоким и пронзительным тембром. Прабхупада иногда посылал за ним и просил его повторять мантры из "Брахма-самхиты" — *говиндам āди-пурушам там ахам бхаджāми*. Мелодия была настолько трогательной и имела такой магический эффект, что даже сегодня, когда я думаю о Шриле Прабхупаде в его комнате, лежащем на своём ложе в медитативном настроении, я слышу, как Хамсадута поёт её своим высоким, сладким голосом.

Из-за летней жары Шрила Прабхупада любил спать на крыше, но большую часть ночей он почти не спал; он просто переводил Шримад-Бхагаватам. Однажды, закончив переводить примерно в час ночи, он сел в кровати и попросил меня помассировать ему спину. Пока я его массировал, я заметил, что преданные наблюдают из окон своих комнат в гостевом доме по соседству. Большинство приехали из Америки, Европы или Австралии, но из-за плохого здоровья Прабхупады, им редко удавалось увидеть его, так что они пользовались возможностью посмотреть на своего духовного учителя.

Я снова задумался о том, как сильно мне повезло. У Шрилы Прабхупады было более пяти тысяч последователей, которые сделали бы всё, чтобы получить хоть мгновение общения с ним, а я лично служил ему каждый день несмотря на то, что я только недавно пришёл в ИСККОН и, по сути, был ещё неофитом. Как бы я хотел, чтобы я был с Прабхупадой с самого начала его миссии, когда он был в Америке в полном одиночестве, и там некому было ему служить. Моё сердце жгло от невыразимой благодарности, и я сказал ему: «Шрила Прабхупада, как я бы хотел, чтобы я был рядом с вами, когда вы были один в Нью-Йорке».

Он молчал минуту. Затем он сказал: «Я никогда не был один. Кришна всегда был со мной».

Я чувствовал себя тронутым возвышенным положением Прабхупады — он был так дорог Кришне, что Кришна лично заботился о нем и был с ним в ежеминутно. Он не нуждался ни в каких услугах от нас; он давал нам возможность служить ему по своей беспричинной милости. Я не знал, как благодарить Кришну за такую удачу.

Однажды днём, в окружении старших преданных, Шрила Прабхупада прославлял Шанкарачарью, провозглашая его одним из наших *ачарьев*. Мне было это немного странно, потому что ранее я слышал, как Прабхупада критиковал учения Шанкарачарьи и называл их *майявадой*. Поскольку там присутствовало так много старших преданных, я молчал, но позже вечером я очень нерешительно спросил его, как это так, что Шанкарачарья был нашим *ачарьей*, когда его учения противоречили чистому преданному служению. Шрила Прабхупада молчал несколько минут. Затем он посмотрел на меня и спросил: «Знаешь ли ты, почему Кришна сошёл как Господь Будда?».

«Да, Шрила Прабхупада», — ответил я. — «В этот век Кали, во имя ведического жертвоприношения, люди убивали бесчисленное количество животных. Видя это, нежное сердце Кришны было опечалено, и чтобы остановить жертвоприношения животных, он сошёл как Господь Будда».

Шрила Прабхупада кивнул в знак одобрения и тихо прочитал стих из «Гита-говинды» Джаядевы Госвами:

*ниндаси йаджна-видхер ахаха и́рути-джāтам
садайя-хрдайя-дарийита-паиу-гхāтам
кешāва дхрта-буддха-иарйра джайя джагад-ийā харе*

«*Садайя-хрдайя*», — продолжил он, — «его сострадательное сердце. *Дарийита-паиу-гхāтам* — видя, что бесчисленное количество животных было убито во имя Ведического жертвоприношения, Он осудил Веды и начал новую религию. Однако, когда Его цель была достигнута, жертвоприношения животных были прекращены, и

буддизм распространился по всей Индии, Он увидел необходимость восстановить Веды, потому что Веды — единственное средство понимания Верховной Личности Бога. Поэтому Он поручил Господу Шиве прийти и восстановить Веды. Данное воплощение Господа Шивы — это Шанкарачарья.

*маййāvāдам асач-чхāстрам
праччханнам бауддхам учйате
майаива вихитам дeви
калау брāхмана-мўртинā*

Господь Шива сообщил Богине Дурге, что в эпоху Кали, появившись в образе *брахмана*, он объяснит Веды посредством ложных писаний, пропагандируя философию, которая на самом деле включает буддизм.

«Шанкарачарья пришёл, чтобы восстановить положение Вед над доктринами Господа Будды. Используя буддийские учения, он победил их. Господь Будда учил, что конечная цель жизни — достичь *нирваны*, то есть «стать ничем», *шунья*, пустотой. Но Шанкарачарья указал, что нирвана на самом деле является ведической концепцией, и её цель не "стать ничем", а "стать единым с Брахманом", духовной реальностью. Он описал Брахмана как лишённого какой-либо формы, качества, силы или разнообразия — *ниракара*, *ниргуна*, *нихшактика* или *нирвишеша*. Ему нужно было это сделать, чтобы убедить буддистов, которые не принимали никакой концепции Бога».

«Таким образом, Шрипад Шанкарачарья установил, что конечная цель жизни — это слиться с Брахманом. В "Шри Чайтанья-чаритамрите" утверждается, что доктрина пустоты Господа Будды на самом деле является скрытым атеизмом — *веда нā мāнийā бауддха хайа та' нāстика* [Ч.Ч. Мадхья 6.168]. Поскольку буддисты не принимают Веды, они атеисты — *нāстика*. И учение Шанкарачарьи, *кевала-адвайта-вада*, было описано как скрытый буддизм. *Праччханнам ббауддхам учьяте*, как сказал Парвати Господь Шива».

«Буддизм, следовательно, является скрытым атеизмом, а *майявада* Шанкарачарьи включает буддизм. И Будда, и Шанкарачарья

имели свои конкретные цели: у первого цель была остановить убийство животных, у второго — восстановить Веды. Шанкарачарья не мог представить чистые учения Вед: что Абсолютная Истина — это Верховная Личность Бога, и что конечная цель жизни — предаться Ему, потому что буддисты, являющиеся атеистами, не приняли бы этого. Поэтому он взял их концепцию пустоты и создал концепцию имперсонализма. Однако, как только Веды были восстановлены, Шанкарачарья и другие *ачарьи*-вайшнавцы — Рамануджачарья, Мадхвачарья, Вишнусвами и Нимбаркачарья — восстановили истинную ведическую концепцию персонализма посредством своих учений. Однако, это создало конфликт между учением Шанкарачарьи и доктринами вайшнавцев — между имперсонализмом и персонализмом. Чтобы гармонизировать этот конфликт, Шри Чайтанья Махапрабху явился и установил *ачинтья-бхеда-абхеда-таттве* — «одновременное единство и различие».

«Такое развитие можно понять с помощью следующей аналогии: в земле скрытого атеизма — буддизма — Шанкарачарья выкопал фундамент, и на этом фундаменте четыре вайшнавцы *ачарьи* построили храм, и в этом храме Шри Чайтанья Махапрабху установил Божества Шри Шри Радхи-Кришны. В действительности всё здание стоит на этом фундаменте. Однако, в то время как здание строится снизу вверх, фундамент идёт сверху вниз — в противоположном направлении. Аналогично, доктрина Шанкарачарьи, по-видимому, противоречит фактическим учениям Вед, но когда мы смотрим на общее развитие, мы видим, что это на самом деле неотъемлемая часть всего учения. По сути, благодаря усилиям Шанкарачарьи были восстановлены Веды, и в конечном итоге вайшнавизм был возрождён и восстановлен».

Я начал размышлять о стольких заблуждениях, которые у меня сложились по поводу Шанкарачарьи. Они все испарились после объяснения Шрилы Прабхупады, и моё сердце наполнилось огромной благодарностью к нему.

«Шанкарачарья — это сам Господь Шива», — сказал Прабхупада, — «один из величайших преданных Кришны. В своих детских играх Шанкарачарья показал свою глубокую привязанность к Кришне, и перед своим уходом он дал указание:

*бхаджа говиндам' бхаджа говиндам'
бхаджа говиндам' мұдха матэ
сампрāптэ саннихитэ кāле
на хи на хи ракщати дукрин каранэ*

«Вы глупцы! Просто поклоняйтесь Говинде, поклоняйтесь Говинде, поклоняйтесь Говинде. В момент смерти ваши семантические споры и игры словами не спасут вас».

«В "Шри Чайтанья-чаритамрите" [Ади, 7.114] Шри Чайтанья Махапрабху также упоминает:

*tānra doṣa nāhi, tenxo āḍḅhā-kārī dāsa
āra yei śune tāra hāya sarva-nāṣa*

«У Шанкарачарьи нет никаких недостатков, потому что он просто исполняющий приказы Слуга. Однако тот, кто слушается учений *майявады*, обречён».

Сварупа Дамодара Прабху вошёл в комнату, так как моя смена закончилась, но увидел, что Шрила Прабхупада разговаривает со мной, и поэтому он сел, не сказав ни слова.

Шрила Прабхупада продолжил: «*Майявади* видят только единство между Верховной Абсолютной Истиной и индивидуальной душой, а вайшнавцы видят различия тоже, и в результате возникает конфликт между ними. Но Шри Чайтанья Махапрабху разрешил этот конфликт философией *ачинтья-бхедабхеда-таттва* — непостижимого одновременного единства и различия. По своей духовной сути живые существа качественно едины с Господом, но количественно они различны. Господь духовен, и живые существа также духовны, но Господь абсолютен, тогда как живые существа являются Его малыми частицами, и в этом разница».

Затем он ласково посмотрел на меня и предложил: «А теперь иди и отдохни».

Чтобы помочь Прабхупаде расслабиться ночью, я массировал его стопы, и в эти минуты он зачастую вёл со мной беседы. Однажды

ночью, сидя в кровати, когда я делал ему лёгкий массаж, он посетовал: «Столько всего нужно сделать, но мне стало так плохо, что я не могу ничего делать».

«Шрила Прабхупада», — сказал я, — «то, что вы уже сделали, невысказано. Никто никогда не достигнет того, чего достигли вы. Вы не должны думать, что вам ещё что-то надо делать. Теперь вы должны просто расслабиться».

«Я сделал пятьдесят процентов», — сказал он, — «остальные пятьдесят процентов заключаются в установлении *варнашрама-дхармы* [ведической организации общества с четырьмя социальными и четырьмя духовными классами]».

Я не знал, что сказать, поэтому промолчал.

«ИСККОН — для преданных», — сказал он, — «но не все станут преданными; не каждый сможет предаться Кришне. Для тех, кто не станет преданным, кто будет продолжать действовать в соответствии с *гунами* материальной природы — для того, чтобы у них была возможность развиваться в правильной для них среде и культуре — нам нужна *варнашрама-дхарма*».

Он говорил так довольно долго. Я понял часть того, что он сказал, но многое вылетело у меня из головы. Очевидно, установление *варнашрама-дхармы* не будет лёгким или простым. Но и то, чего Шрила Прабхупада уже достиг, не достигал никто и никогда. Даже Шри Чайтанья Махапрабху, который предсказал, что Святое имя распространится по всему миру и будет звучать в каждом городе и деревне, не сделал этого Сам; Он оставил эту задачу для одного из Своих особых преданных — Шрилы Прабхупады. И теперь, чтобы расширить его миссию, нам придётся распространить *варнашрама-дхарму* по всему миру, в каждый город и деревню, тем самым выполнив оставшиеся 50% процентов его миссии. Подавляющее большинство населения мира всё ещё не было охвачено ведической культурой. Чтобы это произошло, правительствам всех стран также надо принять Сознание Кришны. Сначала надо избавиться от материалистической демократии. Как сказал Прабхупада, это был заговор *шудр*. Поскольку

большинство людей были *шудрами*, везде, где правительство было выбрано голосованием, оно было правительством *шудр*. *Варнашрама-дхарма* же представляет из себя устройство общества, где *брахман* является главой общества, и его работа состоит в том, чтобы давать наставления; *кшатрии* должны носить оружие и править в соответствии с наставлениями *брахманов*; *вайшьи* - удовлетворять потребности общества, а рабочий класс, *шудры*, не эксплуатируется в целях наживы, но работает под руководством и защитой остальных трёх классов. *Брахманы* руководят, а *кшатрии* исполняют. Так как они обладают природной харизмой и военной силой, они берут на себя заботу об управлении страной. Герои благородного характера, сидящие у стоп *брахманов*, они правят царством — вот в чём состоит ведический способ правления. Когда такое устройство общества будет достигнуто, остальное придёт само собой.

К сожалению, когда *брахманы* деградировали из-за влияния века Кали, *кшатрии* отказались принимать их руководство и стали независимыми, жестокими деспотами, развратниками, потворствующими чувствам. Либо они стали воевать между собой и уничтожили друг друга, либо народные массы восстали и свергли их в ходе революции, в результате чего появилась демократия — не худший, но явно и не лучший способ для процветания человеческого общества.

К счастью, у нас был ИСККОН, способствующий распространению чистого преданного служения. Не каждый может достичь высокого духовного уровня, или следовать четырём регулирующим принципам и повторять шестнадцать кругов *махамантры*. Вместо этого люди могут выбирать жизнь, полную плодотворной работы и смысла. Для них структура *варнашрама-дхармы* была необходимостью.

Хотя Шрила Прабхупада и сокрушался о том, что он не смог сделать больше, я был уверен, что все его мечты сбудутся. Он уже сделал так много, и нашим искренним желанием и величайшим долгом было осуществление остальных его планов. Во исполнение предсказания Шри Чайтаньи Махапрабху, Сознание Кришны распространится по всему миру, в каждый город и деревню.

Однако было ясно, что Прабхупада не сможет остаться с нами навсегда, и строились предположения о том, кого он назначит в качестве своего преемника-*ачарьи*. Некоторые думали, что это будет Киртанананда Свами, другие — Сатсварупа Махарадж, а третьи считали, что на эту роль подойдёт Тамал Кришна Махарадж.

Когда Шриле Прабхупаде задали этот вопрос, он сразу ответил: «Мой Гуру Махарадж не назначал никакого преемника-*ачарью*, так как же я могу?».

Вскоре после этого он назвал десять ведущих преданных, которым было поручено давать посвящение от его имени в разных частях мира, пока он ещё присутствовал на земле. Он сказал, что они смогут инициировать своих собственных учеников после его ухода.

Хамсадуты не было в этом списке, но когда Шрила Прабхупада услышал о его успешной проповеди на Шри-Ланке, он попросил Тамала Кришну Махараджа добавить его. Хамсадута одержал победу над выдающимся атеистом и учёным, доктором Авраамом Ковуром, который бросил вызов, что тому, кто сможет доказать, что Бог создал мир, он даст сто тысяч рупий. Хамсадута выступил со встречным заявлением, что если доктор Ковур сможет создать жизнь из материи, Хамсадута даст ему миллион рупий. Взаимные вызовы получили широкое освещение в прессе, и Хамсадута вызвал доктора Ковура провести дебаты в одном самых престижных аудиторий той местности.

В газетных статьях Хамсадута указывал, что хотя многие учёные утверждали, что жизнь произошла из материи, они оказались не способными создать жизнь из материи сами. Они не смогли создать даже комара в своих лабораториях, не говоря уже о человеческой жизни. И хотя они не могли произвести даже яйца, куры делали это без малейших усилий.

Доктор Ковур не смог опровергнуть доводы, изложенные в статьях. Наконец, была объявлена дата дебатов, и арендована большая аудитория. Доктор Ковур, однако, так и не появился; он утверждал, что был болен. Все увидели в этом победу Хамсадуты, которая заслужила похвалу и уважение Прабхупады.

Другим выдающимся лидером ИСККОН был Мадхувидиша Дас, который был *санньяси* и служил в качестве члена ДжиБиСи по Австралии. Он вёл *киртан* так экстаично, что Шрила Прабхупада назвал его *киртана-самрат*, император *киртана*. Однако, Мадхувидиша вступил в связь с женщиной и покинул ИСККОН. Однажды утром, Сатсварупа Махараджа привёл его на встречу с Прабхупадой. После первоначального обмена приветствиями, Шрила Прабхупада спросил: «Почему ты ушёл? Ты женился ... ну и что?». Он указал на двух других преданных-домохозяев в комнате — Гаурасундару и Упендру — и указал, что они были женаты, но остались в ИСККОН. «Итак, ты женился. Это не значит, что тебе нужно было покинуть ИСККОН». Прабхупада решительно сказал ему: «Что бы ни случилось, не покидай ИСККОН».

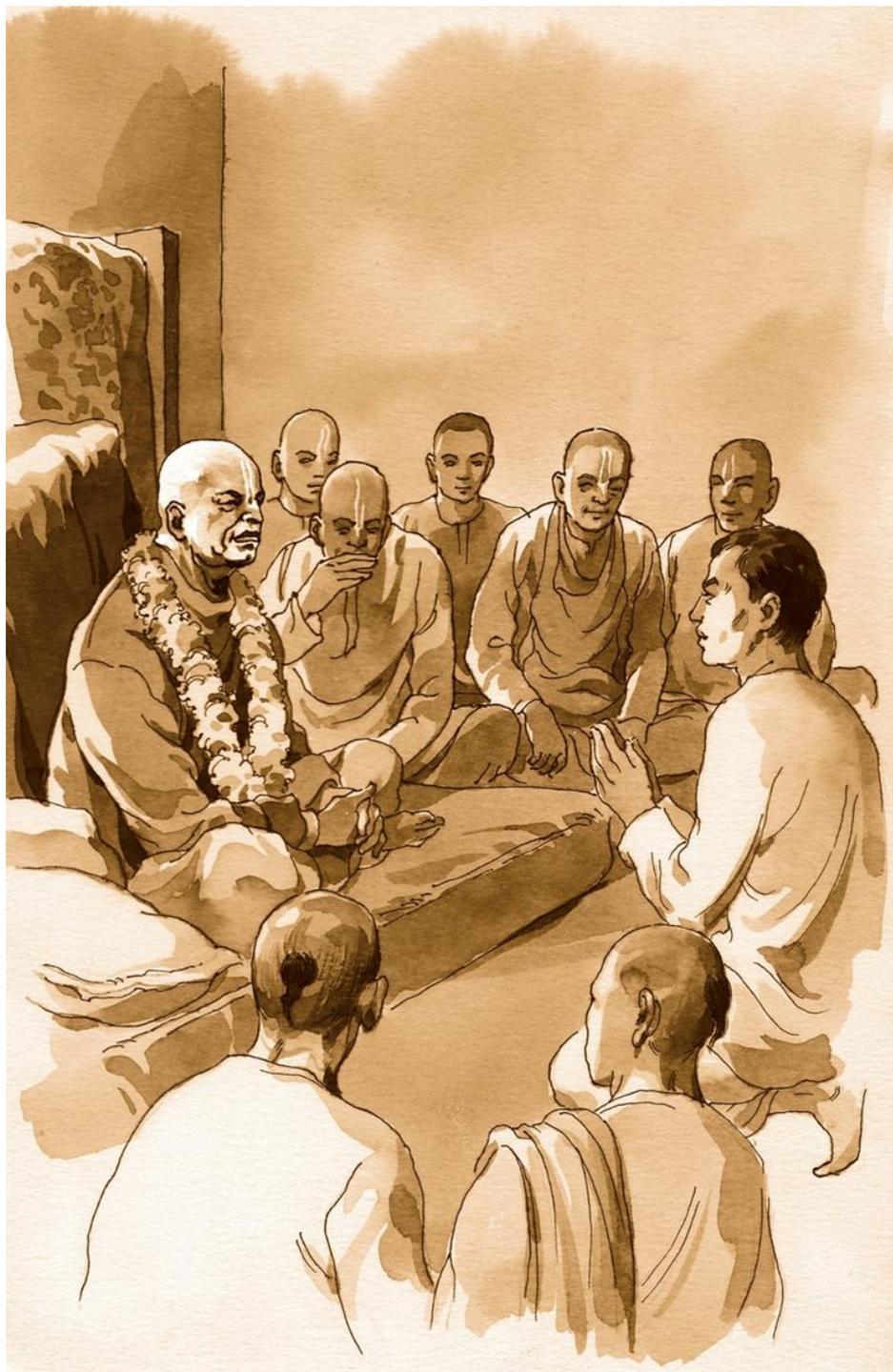
Мадхувидиша принял наставление Шрилы Прабхупады и вернулся в ИСККОН, где он оставался до конца своей жизни, служа движению Шрилы Прабхупады.

Шрила Прабхупада часто просил нас читать ему вслух "Шримад-Бхагаватам" или "Шри Чайтанья-чаритамриту". Однажды Тамал Кришна Махарадж читал ему "Чайтанья-чаритамриту" и предложил, чтобы я читал стихи на бенгальском, а он - перевод и комментарий. Шриле Прабхупаде понравилась эта идея, и с тех пор это стало нашей практикой.

Однажды Тамал Кришны Махараджа не было рядом, и я читал один. Прабхупада слушал с напряженным вниманием, закрыв глаза. Затем он прокомментировал: «Писания подобны океану нектара. Откуда бы вы ни пили, это не что иное, как нектар».

«Шрила Прабхупада», — сказал я, — «я думал, вы хотели, чтобы мы сначала читали "Бхагавад-гиту", "затем "Шримад-Бхагаватам", а затем "Шри Чайтанья-чаритамриту"».

«Это потому, что сначала нужно понять, кто такой Кришна», — сказал он, — «нужно иметь ясное представление о том, что Он — Верховная Личность Бога. Это понимание приходит с изучением "Бхагавад-гиты". Это писание, где Верховная Личность Бога говорит о

*Шрила Прабхупада даёт наставления Мадхувише Прабху
никогда не покидать ИСККОН*

Себе. Таким образом, что может быть лучшим источником понимания Бога?»).

«Однако, когда великий человек говорит о себе, он не может сказать очень много о собственной славе; он немного стесняется. Но тот, кто любит его, не останавливается, пока не прославит его. "Шримад-Бхагаватам" — это писание, в котором преданные Кришны говорят о Его славе. Поэтому настоящая слава и величие Кришны и сладость Его деяний описаны в "Шримад-Бхагаватам". Когда человек ясно понимает, что Кришна - Верховная Личность Бога, тогда он может читать любое писание и наслаждаться его трансцендентной сладостью».

В другой раз я спросил о висящей на стене картине Сверхдуши, которая была нарисована преданным для "Шримад-Бхагаватам": «Присутствует ли Кришна в сердце каждого в Своей четырёхрукой форме Сверхдуши?». Сияя лучезарной улыбкой, Прабхупада ответил: «Да, но в твоём сердце Он находится в Своей двурукой форме».

Благодаря лечению Ванамали Кавираджа, здоровье Шрилы Прабхупады улучшилось. Опухоль ног уменьшилась, появился аппетит, и хотя он был ещё довольно слаб, он не испытывал значительного физического дискомфорта.

Когда ему стало лучше, Прабхупада забеспокоился и стал говорить о том, чтобы поехать на Запад проповедовать. Его план был отправиться в Лондон, остаться там на Джанмаштами и Вьяса-пуджу, а затем отправиться в Нью-Йорк, на "Гита-нагари" - ферму в Пенсильвании, в Лос-Анджелес, а затем на Гавайи, где он хотел остаться подольше, чтобы переводить Шримад-Бхагаватам.

Когда я рассказал Ванамали Кавираджу о плане Шрилы Прабхупады, он был категорически против этого. «Пожалуйста, не пускайте его никуда ехать», — сказал он мне. — «Его состояние улучшается. Зимой я дам ему *макарадхаджу*. Это очень сильное лекарство, но к тому времени его здоровье значительно улучшится, и холодная погода также поможет ему переварить лекарство. Тогда его здоровье восстановится».

Я сообщил о рекомендации врача Тамал Кришне Махараджу, но Махарадж сказал, что Шрила Прабхупада был так полон решимости ехать на Запад, что никто не мог изменить его решение. Я также знал из того, что говорил Прабхупада, о его решимости ехать. «Солдат не любит умирать на своей кровати», — сказал он. — «Для него умереть на поле боя — это смерть чести и славы». Он устал лежать в постели, и был полон решимости выйти на поле боя и сражаться.

Когда Шриле Прабхупаде наконец пришло время уезжать, я сел на полу у его ног, а он сидел на стуле, одетый и готовый к выходу.

«Разве ты не едешь?» — спросил он.

«Я не могу поехать, Шрила Прабхупада», — ответил я. — «У меня нет паспорта».

«Хорошо», — сказал он. — «Тогда ты присоединишься ко мне на Гавайях».

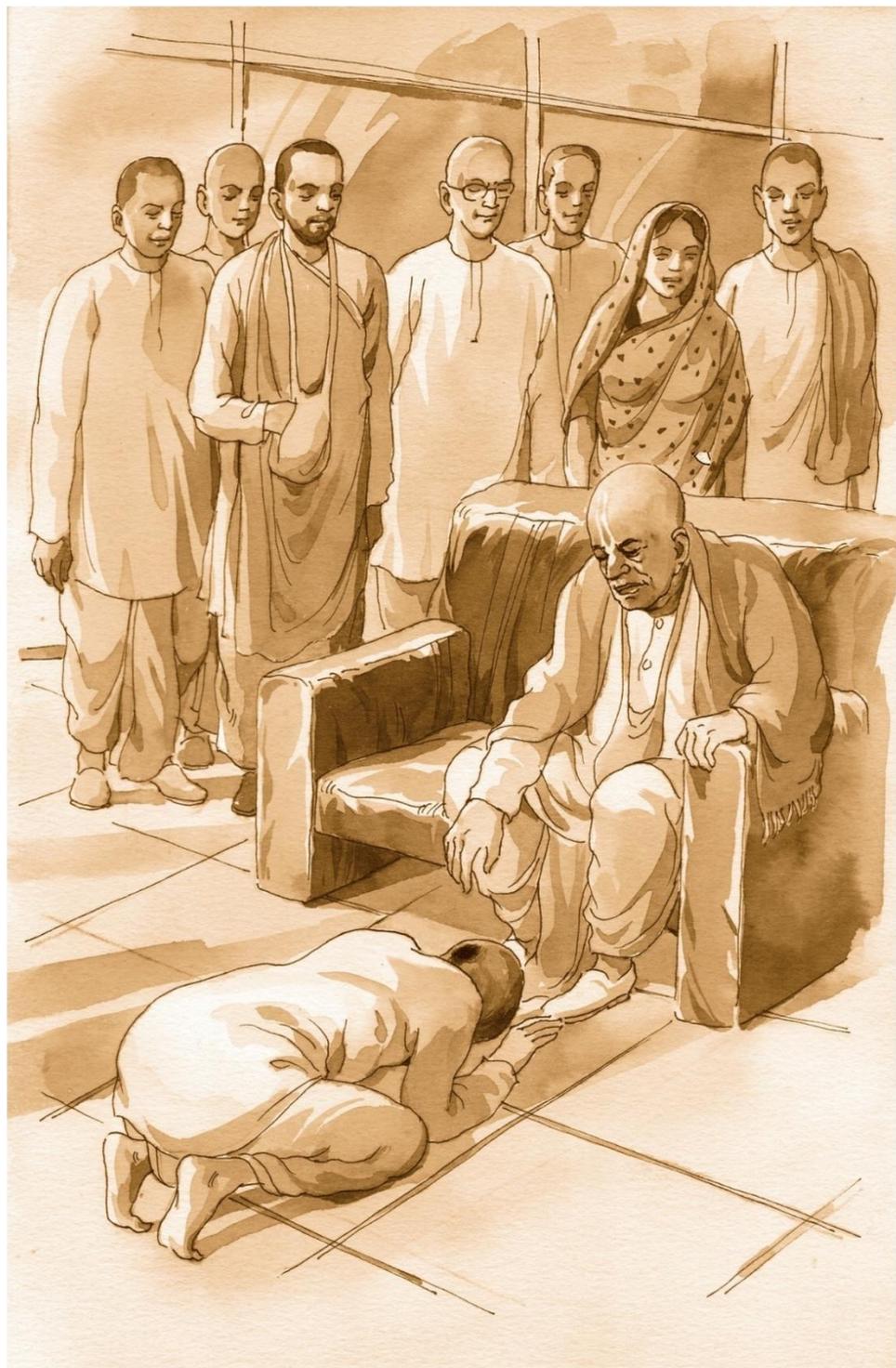
9. Назад домой

(28 августа – 15 ноября 1977 г.)

Дорога из Вриндавана в Дели была в ужасном состоянии, сплошные трещины и выбоины, поэтому поездка была трудной для Шрилы Прабхупады. Когда солнце взошло на горизонте, мы, наконец-то, добрались до аэропорта, и он вздохнул с облегчением. Я был обеспокоен его долгим перелётом в Лондон; я бы предпочёл, чтобы он не покидал Вриндаван, но, как я понял, Прабхупада был вдохновлён и стремился проповедовать. Мир нуждался в нем; его нельзя было удержать в четырёх стенах спальни.

Толпа преданных — несколько машин из Вриндавана и Дели — приехали проводить его. Когда Прабхупада увидел Бхавананда Махараджа, приехавшего из Дели, чтобы встретиться с ним, он просиял. «Бхавананда!» — позвал он и попросил его подойди ближе. Они обнялись. Махарадж соблюдал обет *чатурмасъи*, его волосы и борода отросли. Он выглядел истощённым и суровым, но Прабхупада сказал: «Ты похож на короля Георга Шестого!».

Махарадж обнял Шрилу Прабхупаду за талию и помог ему дойти до терминала. Прабхупада спросил его об инциденте в Маяпуре и выразил сожаление по поводу того, как с ним обошлись полицейские, заставив идти по улицам Навадвипы, будучи закованным в цепи, как преступник.

Поклоны Шриле Прабхупаде в аэропорту Дели

«Ради вас, Шрила Прабхупада, я могу пройти через что угодно», — сказал ему Махараджа. — «Даже это унижение было источником большой радости для меня. Всю дорогу я чувствовал, что я с вами; ради вас я готов на все».

В терминале Шрилу Прабхупаду ждал специальный диван, и преданные расположились на полу вокруг него. Было всё ещё раннее утро, но в аэропорту было довольно многолюдно, и большая толпа собралась вокруг нас.

Когда Тамал Кришна Махарадж и Упендра вернулись, пройдя регистрацию на рейс, Прабхупада спросил, дали ли им всем места рядом. Махарадж заверил, что все трое летели первым классом — его сиденье будет рядом с Прабхупадой, а Упендра будет сидеть прямо за ними.

Когда рейс был объявлен и Шрила Прабхупада был готов идти, я положил голову на его стопы и замер. Прабхупада погладил меня по голове и плечам; я боялся разлуки.

Когда ему наконец пришло время уходить, мы все смотрели, как он шагает через ворота, чтобы исчезнуть за углом. Бхавананда повернулся ко мне и спросил: «Что ты собираешься делать теперь?».

«У меня нет никаких планов», — сказал я. — «Шрила Прабхупада хотел, чтобы я присоединился к нему на Гавайях».

«Почему ты не поехал с ним?».

«У меня нет паспорта».

«Значит, тебе придётся ехать в Калькутту. Мы можем поехать в Маяпур вместе».

«Когда вы едете?»

«Поскольку я уже приехал в такую даль, я думал заехать во Вриндаван. А потом, может быть, завтра, мы сможем вылететь в Калькутту».

«Отлично, — сказал я. — Мне нужно забрать свои вещи во Вриндаване».

Покои Шрилы Прабхупады выглядели такими пустыми. При нём здесь всегда было много народа; теперь квартира казалась брошенной, хотя всё тут ещё носило следы его присутствия. Развёрнутый *чадар* лежал на кровати, и наполовину полная серебряная чаша для воды стояла на столе. В комнате всё ещё пахло сандалом, эвкалиптом и ладаном. В соседней комнате его бельё лежало на столе, а полотенце было ещё влажным. Я убрал все комнаты, вымыл пол; на сердце у меня было тяжело.

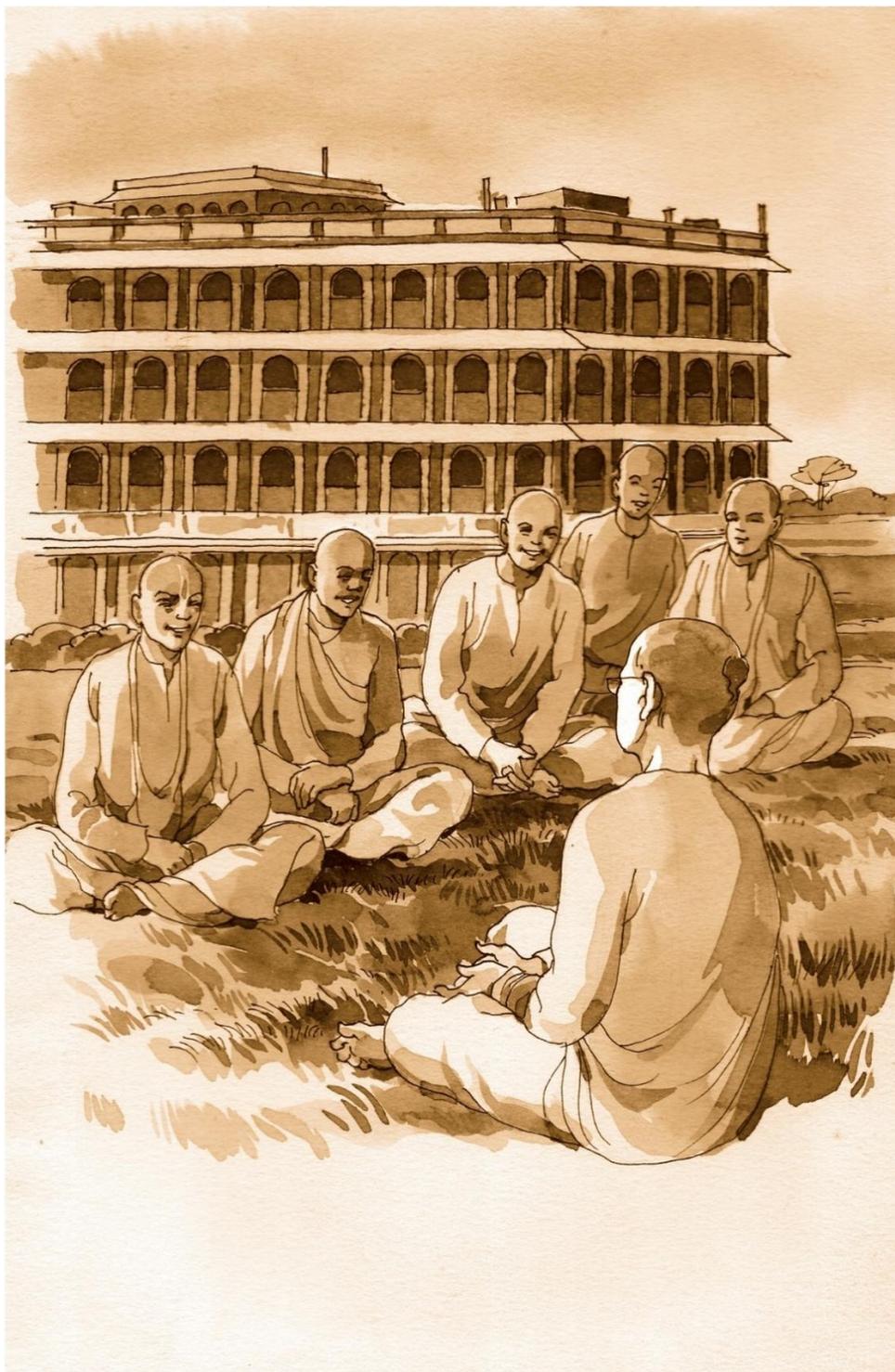
Я пошёл на кухню и приготовил кое-что поесть для Бхавананды Махараджа — я сварил блюдо, которому меня научил Шрила Прабхупада: шпинат, горькая дыня, тыква, баклажаны и редис, которые он ел почти каждый день. Так как Махарадж соблюдал обет *чатурмасья*, он ел только варёный рис и *дал* без соли, специй или топлёного масла, и только один раз в день. Но из уважения он поел то, что я приготовил, нарушив свою клятву.

Пока он ел, я рассказал ему о том, как я впервые приготовил это блюдо, и о том, что говорил Прабхупада всем, кто соблюдал *чатурмасья-врату*.

Он рассмеялся и сказал: «Шрила Прабхупада просто удивительный».

На следующее утро мы поехали в Дели, прилетели в Калькутту и сразу отправились в Маяпур.

Это был мой первый визит в качестве *санньяси*, и преданные были рады меня видеть и даже обращались со мной как со знаменитостью. Когда я служил Шриле Прабхупаде во Вриндаване, я действительно не понимал, как изменилась моя ситуация — от брахмачари до *санньяси*. Но в Маяпуре это было очевидно. Когда я уезжал, я был одним из них — *брахмачари* среди других *брахмачари* — но теперь я был возведён в высокий статус.

Встреча с преданными Маяпура после возвращения из Вриндавана

Тиртхапада был особенно рад меня видеть. Обнявшись, мы сели в парке и стали говорить о днях, проведённых мной со Шрилой Прабхупадой.

Некоторые из моих старых друзей — Панду, Надиа, Хираньягарбха, Венката и Парисевана — присоединились к нам, и в течение следующих нескольких часов мы все сидели вместе, пока я рассказывал о своих приключениях в Бомбее, Ришикеше и Вриндаване.

Анирдешья-вапу захотел стать моим личным слугой. Я был смущён. Это не было тем обращением, которого я ожидал или хотел, особенно потому, что Анирдешья-вапу проповедовал мне и вовлекал меня в служение во время моих первых приездов в храм Калькутты. Но это было ещё одно последствие моей новой должности. «Ты старше меня», — сказал я ему. — «Как я могу принять от тебя служение?».

Он привёл пример служения Говинды Шри Чайтанье Махапрабху.

«Это произошло потому, что Говинда получил наставления от своего духовного учителя, Шрипад Ишвара Пури», — сказал я.

«Смотри», — сказал он с улыбкой. — «Ты стал таким знатоком писаний».

Довольно много молодых бенгальцев присоединились к ИСККОН в Маяпуре, частично в ответ на газетное объявление, и Бхавананда Махарадж попросил меня наставлять их. Впервые в Маяпуре группа образованных, умных ребят присоединилась к нашему движению. Я давал им уроки по "Бхагавад-Гите".

Однажды днём в класс вошёл охранник и сообщил мне, что снаружи почтальон с телеграммой для меня. Телеграмма пришла от Тамала Кришны Махараджа и гласила: «Шрила Прабхупада хочет, чтобы ты немедленно приехал во Вриндаван».

Я был в восторге. Прошло всего три недели, и Шрила Прабхупада уже приехал обратно в Индию — он был во Вриндаване. Я побежал к Бхавананде Махараджу и сообщил ему новости. Махарадж сказал, что

раз Прабхупада хотел, чтобы я приехал, я должен немедленно ехать во Вриндаван. В тот же вечер я отправился в Калькутту, где на следующее утро я вылетел в Дели. В делийском храме я нашёл Брахмананда Свами и Гирираджа Прабху, которые собирались ехать во Вриндаван, поэтому я поехал с ними.

Когда мы прибыли тем же вечером, я сразу направился к Шриле Прабхупаде. Тамал Кришна Махарадж приветствовал меня тёплыми объятиями и сказал, что Прабхупада спал у себя в комнате; у него начался кашель и простуда. Поэтому я просто остался разговаривать с Махараджем в его офисе до тех пор, пока за мной не пришёл Упендра.

В комнате у Прабхупады было практически темно; в углу горела только маленькая лампа на столе. Там дымился ладан, и стоял сильный запах эвкалиптового масла, которое использовалось для мытья пола. Упендра и я сидели в углу, наблюдая за спящим Шрилой Прабхупадой. Его голова выглядывала из-под одеяла, а тело, казалось, было вровень с простынями на кровати. До отъезда он был довольно худым, но теперь казался истощённым.

В какой-то момент Шрила Прабхупада проснулся от кашля. Упендра подошёл, чтобы помочь ему, и когда он сказал Прабхупаде, что я там, Прабхупада поманил меня поближе. Он спросил меня, что я делал, и хотел узнать, как всё идёт в Маяпуре. После того, как я дал ему краткий отчёт, он сказал, что хочет сесть, поэтому я подпёр его спину подушками. Он был очень лёгким. «Шрила Прабхупада», — сказал я, — «вы так сильно похудели».

«Да», — ответил он. — «Теперь это тело — просто набор костей в мешке из кожи».

Я изо всех сил старался сдерживать эмоции, переполнявшие меня. Почему я его отпустил? Я казнил себя. Ванамали Кавирадж настаивал на том, что Прабхупаде не следует никуда ехать. Почему я не послушал? Почему я не был более настойчив и не попросил старших преданных убедить его не уезжать?

Потом я понял, что нам нужно подчиняться всему, что говорил Шрила Прабхупада. Он был чистым преданным Господа и знал, что Кришна от него хочет. И никто не мог себе представить, что его состояние может так быстро ухудшиться. Я хотел обнять его и излить слезами агонию моего сердца.

Тамал Кришна Махарадж и я не спали всю ночь, разговаривая. Когда я поинтересовался, где мне можно будет остановиться, он посмотрел на меня с удивлением и сказал: «Ты что? Ты будешь со мной в комнате. Как всегда».

Махарадж рассказал мне о том, что произошло в Лондоне. Сначала Шрила Прабхупада был счастлив быть там. Чувствовал он себя хорошо, атмосфера была радостной; преданные съехались со всей Европы, чтобы увидеть его. Он давал регулярные *даршаны*, и преданные были в экстазе. Он был так счастлив быть с ними и сказал, что просто хотел остаться на Западе и проповедовать.

Однако вскоре после празднования Джанмаштами и его Вьясапуджи, 6 и 7 сентября, его здоровье внезапно ухудшилось, ему стало гораздо хуже — у него развилась инфекция мочевыводящих путей. Он перенёс небольшую операцию. Впоследствии его состояние ещё ухудшилось. Он едва мог есть и у него было очень мало энергии.

С большим трудом преданные привезли его обратно в Бомбей, а оттуда на поезде в Матхуру. По прибытии во Вриндаван Шрила Прабхупада хотел, чтобы Ванамали Кавирадж начал снова его лечить. Врач пришёл лечить его на следующий день, и в этот момент Прабхупада попросил вызвать меня.

Киртанананда Свами и его помощник Куладри Дас заботились о приготовлении *прасада* для Прабхупады, поэтому я был свободен для других служений. Ванамали Кавирадж не говорил по-английски и испытывал трудности в общении с преданными, поэтому он был счастлив, что я смог выступить в качестве его переводчика.

Состояние Шрилы Прабхупады стало критическим, сказал он мне, и он приходил лечить его каждый день. Лекарство, которое так

помогло раньше, уже не работало, и он считал продолжение лечения бесполезным. Я сказал об этом Тамалу Кришне Махараджу, который рассказал о рекомендации врача Прабхупаде, и лечение было прекращено.

Я чувствовал себя беспомощным. Состояние Шрилы Прабхупады было катастрофическим, и мы ничего не могли сделать, чтобы помочь ему. Он был уверен, что лучшее лекарство – это святое имя, и что мы должны молиться Кришне и полагаться на Него. Он напомнил нам, что то, через что он сейчас проходил, случится со всеми нами. Я начал понимать, что на собственном примере Шрила Прабхупада учил нас, как готовиться к выходу из тела.

Пишима приехала во Вриндаван увидеться со Шрилой Прабхупадой. Она стояла у его кровати, и её глаза излучали любовь. «Спроси её, когда она приехала», — обратился ко мне Прабхупада. Хотя она была всего в нескольких футах и могла слышать его, он не хотел говорить с ней напрямую.

«Скажите ему, что я приехала сегодня утром со своим сыном Чандрой», — сказала она.

«Спроси её, где она остановилась».

«У Госвами Махараджа в его матхе Имли Тала», — сказала она, имея в виду духовного брата Шрилы Прабхупады, у которого её сын принял посвящение.

«Почему она там? Почему она не здесь?».

«Меня туда привёз мой сын».

Прабхупада предложил им переехать в наш гостевой дом, и она согласилась.

«Спроси её, не хочет ли она приготовить мне обед».

«Спросите его, что бы он хотел съесть», — ответила она.

«Скажите ей, что она может приготовить все, что захочет».

Но Пишима хотела узнать, какое блюдо хочет Шрила Прабхупада. Наконец, он сказал мне, что она может приготовить *кичари*. Она пошла прямо на кухню, и я последовал за ней.

Когда Киртанананда услышал, что Пишима варит обед для Шрилы Прабхупады, он забеспокоился и попытался убедить его не есть её стряпню. Это будет слишком тяжёлое и острое блюдо, сказал он, оно не подходит для его состояния. Но Прабхупада объяснил, что он принимает приготовленную Пишимой еду только для того, чтобы порадовать её. Она хотела сварить ему обед — она всегда любила готовить для него, и он хотел предоставить ей такую возможность.

Киртанананда был непреклонен и неоднократно отстаивал свою точку зрения, но Шрила Прабхупада сказал: «Я уже мертвец. Я умру, сытый или голодный, это не имеет значения».

Когда я сообщил Шриле Прабхупаде, что *прасад* готов, Киртанананда сказал ему: «Прабхупада, вы не будете это есть». Голос Прабхупады стал резким — я впервые услышал, как он разговаривает таким тоном: «Зачем ты это делаешь? Ты думаешь, я не знаю, что мне делать, а что нет? Никогда не думай, что ты знаешь лучше своего духовного учителя».

Киртанананда был опустошён. Он просто вышел из комнаты, и в тот же вечер покинул Вриндаван.

Я принёс тарелку, с красиво оформленными различными блюдами. Сидя в постели, Прабхупада почтил *прасад*, почти ничего не съев и едва отведав яства одно за другим. Мы все беспокоились о его пищеварении — он не ел твёрдой пищи в течение нескольких дней — но никаких проблем не возникло.

Когда я рассказал Пишиме о беспокойстве преданных, она ответила так же, как в тот раз, когда Тамал Кришна Махарадж выразил свою тревогу по поводу *качори* и *самос*: «Если Прабхупада захочет, он сможет переварить даже камни».

После отъезда Киртанананды я возобновил свои обязанности по приготовлению пищи, но на данный момент Шрила Прабхупада почти не ел, и его здоровье продолжало ухудшаться. Тем не менее, я готовил для него каждый день, надеясь, что его аппетит в конце концов вернётся. Однажды он сказал: «У тебя так много дел. Зачем ты тратишь время на готовку, ведь ты же видишь, что у меня нет аппетита, и я не могу ничего есть?».

«Шрила Прабхупада», — ответил я, — «я готовлю, надеясь, что вам станет лучше, у вас появится аппетит, и вы что-нибудь сможете поесть».

Он сказал: «Мне станет лучше только после смерти».

Услышав это, я больше не мог себя контролировать — я разрыдался.

Шрила Прабхупада стал успокаивать меня, как отец. «Разве это то, чему ты научился от меня?» — спросил он. — «Разве я не учил тебя, что трансцендентная душа никогда не умирает? Трансцендентная душа просто меняет тела — она переселяется из одного тела в другое».

Он напомнил мне, что всегда будет рядом с нами, даже если мы не будем его видеть.

Хотя Прабхупада не ел, он был обеспокоен качеством *прасада* для преданных. Поэтому он послал меня, чтобы расследовать ситуацию. Когда я сообщил ему, что еда была не очень высокого качества, он послал за президентом храма и приказал, что стандарт для пищи должен быть улучшен. «Убедись, что преданные получают хороший *прасад*», — сказал он мне после того, как президент храма ушёл. — «Это единственное чувственное наслаждение, которое у них есть».

Даже в разгар кризиса со здоровьем Шрилы Прабхупады Движение продолжало развиваться. Рядом с храмом было построено здание для *гурукулы*, и её открытие было запланировано на дни проведения трёхдневной конференции по науке и религии, организованной Сварупой Дамодара и спонсируемой Институтом Бхактиведанты.

Прабхупада понимал, что во имя науки мир был введён в заблуждение, и люди стали отрицать существование Бога. Корень заблуждения таился в утверждении, что жизнь произошла из материи, по причине какой-то случайной химической реакции, и он хотел доказать, что жизнь происходит из жизни. Он также хотел показать, что сознание Кришны было не просто какой-то слепой верой, а наукой, которую можно было объективно воспринимать и экспериментально доказать, поэтому он и основал Институт. Он попросил нескольких членов ДжиБиСи и *санньяси* оказать полную поддержку конференции и поручил Бхавананде Махараджу удостовериться, что к приехавшим гостям относились с максимальной заботой и вниманием, предоставляя им первоклассное обслуживание, размещение, и особенно первоклассный *прасад*.

Было приглашено пятьдесят выдающихся учёных и деятелей науки, в том числе, председатель Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), который выступит с вступительной речью. ИСККОН был представлен Мадхавой Дас (доктор Майкл Маркетти), Садапуттой Дас (доктор Ричард Томпсон) и Сварупой Дамодара.

По совету Тамала Кришны Махараджа за каждой лекцией следовал ответ одного из наших преданных-учёных, а затем аудитории предлагали задавать вопросы. В конце трёхдневной программы была проведена пресс-конференция, на которую съехались репортёры даже из Дели, и Радио Индии транслировало передачу по всей стране. Была запланирована последующая конференция с участием учёных из Индийской Национальной Академии Наук в Дели. Одна группа учёных уже проводила исследования природы сознания, так что они хотели обменяться идеями с учёными из Института Бхактиведанты. Также планировалось сделать программу по национальному телевидению под названием "Жизнь не может возникнуть из мёртвой материи".

Шрила Прабхупада предложил, чтобы учёные Института также излагали свои идеи в книгах. Сварупа Дамодара заверил его, что подобные конференции будут и в дальнейшем организовываться в Индии, а затем, когда они приобретут побольше опыта, и на Западе тоже. Прабхупада не смог принять участие в конференции лично, но он

был чрезвычайно доволен грандиозными результатами и особенно счастлив, что преданные так искусно установили превосходство духовной культуры и указали на недостатки современной науки.

Сознание Кришны, заявил он, является истинной наукой — наукой духовной реальности.

Однажды днём, когда Шрила Прабхупада лежал в постели, вошёл Тамал Кришна Махарадж и спросил меня, спит ли Прабхупада. Услышав голос Махараджа, Прабхупада спросил, не хочет ли он что-то ему сказать.

Махарадж сказал, что Джаядаял Далмия, глава промышленного предприятия "Далмии", приехал с тремя его невестками и внуками увидеться с Прабхупадой. Он был одним из самых выдающихся промышленников в Индии, и в то же время — благочестивым преданным Господа Чайтаньи. Он хотел выразить признательность к Шриле Прабхупаде и своё восхищение им. Прабхупада попросил Махараджа привести их.

Во время разговора с г-ном Далмией Шрила Прабхупада упомянул, что он только что основал *гурукулу* и открыл новое здание. Он говорил о важности духовного образования и о том, как весь мир деградировал из-за его отсутствия. Затем он предложил г-ну Далмии отправить своих внуков в *гурукулу*. «Современное образование — это просто обучение тому, как стать *шудрой*», — сказал он, — «службой. Цель всей системы образования — это устроиться на работу. Однако вашим детям не нужно искать работу. Наоборот, они предоставят работу многим другим. Ваши внуки должны стать лидерами. И для того, чтобы стать идеальным лидером, необходимо знать, как и куда вести народ. Поэтому им необходимо духовное знание — им необходимо знать, что конечная цель жизни — освободиться от страданий данного материального мира и вернуться к духовной реальности».

Господин Далмия смиренно слушал, сидя на полу и кивая головой, в знак принятия и признательности. Годы спустя один из его сыновей, Аджайахари Далмия, рассказал мне, что после того, как его

отец встретился со Шрилой Прабхупадой, он вернулся в Дели и рассказал сыновьям о словах Прабхупады, и попросил их отправить своих сыновей в *гурукулу* Бхактиведанты во Вриндаване. Получив наставления отца, Аджаяхари собирался отправить туда своего единственного сына, Абхишека, но позже он передумал.

У самого Шрилы Прабхупады было три сына — Пряг, Матхура и Вриндаван. Никто не знал, что случилось с Прягом; он просто исчез. Матхура никогда не приезжал к отцу, но Вриндаван навещал его время от времени, и Прабхупада очень любил его. Однажды он приехал в гости и попросил Прабхупаду о финансовой помощи для своего бизнеса. Прабхупада сначала согласился и сказал Тамал Кришне Махараджу дать ему один *лакх* рупий, но когда Вриндаван снова приехал, буквально на следующий день, и Прабхупада сказал ему, что он решил вместо выдачи крупной суммы выплачивать ему пенсию каждый месяц.

«Если человек не предан своему делу и не прилагает больших усилий, он не сможет добиться успеха», — наставлял Прабхупада своего сына. — «Мне было семьдесят лет. Я был во Вриндаване. Но потом я поехал в Америку и десять лет работал, и теперь ты сам видишь, что по всему миру у меня сотни таких зданий, как это. Я такой же человек. Только работая десять лет я построил, по крайней мере, сто храмов. Так что должны быть способности, должны быть усилия, и должно быть счастье. Тогда всё получится».

Я обычно был рядом со Шрилой Прабхупадой, когда он просыпался по утрам, и, проснувшись, он часто спрашивал: «Где Тамал?». Я звал Тамала Кришну Махараджа, и что бы он ни делал, он немедленно шёл к Шриле Прабхупаде. Когда он приходил, они говорили по душам, обсуждая важные вопросы, особенно касающиеся будущего ИСККОН.

Прабхупада был чрезвычайно обеспокоен будущим своего движения. Он рассказал историю Гаудия Матха во времена Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, о том, как успешно Шрила Бхактисиддхант проповедовал по всей Индии и привлекал влиятельных людей. Перед своим уходом он дал указания ведущим

ученикам об управлении движением, сформировав руководящий орган. Он знал, что после его ухода возникнут проблемы, как это часто случалось, когда *ачарья* покидает мир. Он хотел, чтобы его лидеры могли преодолеть кризис посредством коллективного управления. Шрила Прабхупада выразил сожаление, что после ухода Шрилы Бхактисиддханты некоторые из ведущих духовных братьев Прабхупады отвергли идею организации управляющего органа, и вместо этого назначили *ачарью*, что привело к расколу, судебным баталиям за законные права (некоторые из которых всё ещё продолжались), и окончательному краху движения. Хотя многие члены поддерживали свою духовную практику, и поклонение Божеству всё ещё имело место, проповедь прекратилась.

«Вы все учитесь на своих ошибках», — наставлял Шрила Прабхупада, — «так что не совершайте ту же ошибку, что сделали они. Управляйте учреждением коллективно через ДжиБиСи. Пусть никто из вас не пытается стать большим начальником, действуйте коллективно, во имя Шри Чайтаньи Махапрабху. Распространяя Сознание Кришны во всём мире, я дал вам всё, что для этого нужно. Теперь вам просто надо поддерживать дела, как они есть».

Однажды, когда мы были в нашей комнате, Тамал Кришна Махарадж выразил свои опасения, что мы не знаем, что нужно будет делать, когда Шрила Прабхупада оставит своё тело — что именно надо делать, чтобы захоронить его в *самадхи* (место захоронения). Махарадж узнал, что Шрила Кришнадаб Бабаджи Махарадж как раз приехал во Вриндаван и остановился в *матхе* у Мадхавы Махараджа. Он попросил меня пойти и разузнать у него о том, как нам надо будет действовать.

В тот вечер я пошёл в *матх*, но не застал там Бабаджи Махараджа. Мне сказали, что он в другом *матхе*, поэтому я пошёл, но и там его не было. К тому времени, как я вернулся, было уже довольно поздно, и когда я зашёл к Прабхупаде, он спросил меня, где я был.

«Я ходил в *матх* Мадхавы Махараджа», — сказал я.

«Зачем?» — спросил он. По тону его голоса я понял, что он был недоволен.

«Я пошёл навестить Шрилу Кришнадаса Бабаджи Махараджа».

«Зачем?» — спросил он, на этот раз немного громче.

Я молчал.

Он снова спросил: «Зачем ты туда ходил?». Его голос был как молния, которая сотрясла комнату.

Холодная дрожь пробежала по моему позвоночнику, и я начал дрожать всем телом. Наконец, мне удалось вымолвить: «Меня туда послал Тамал Кришна Махарадж».

Он просто сказал: «О». Однако я понял, что он не одобряет моих действий. Я понял, что он хотел, чтобы мы оставались в ИСККОН, у его стоп, и никуда не уходили.

Хотя Кришнадас Бабаджи Махарадж был совершенно беспристрастен, у него даже не было храма, и он не принимал учеников, Шрила Прабхупада не хотел, чтобы мы общались с ним больше, чем необходимо.

Поскольку мы не смогли найти ни одного врача, который мог бы действительно помочь Шриле Прабхупаде почувствовать себя лучше, он сказал, что мы должны обратиться к его старому другу доктору Гхошу, которого все считали лучшим врачом в Аллахабаде. Тамал Кришна Махараджа отправил несколько писем с просьбой, чтобы доктор приехал, и так как мы не получили никакого ответа, он послал ему телеграмму, но и она осталась без ответа. Наконец он попросил Локанатха Свами поехать в Аллахабад, встретиться с доктором Гхошем и сообщить ему о состоянии Шрилы Прабхупады и его просьбе приехать.

В Аллахабаде Локанатха Махараджа узнал, что доктор Гхош уехал в Дарджилинг, где его внучка училась в христианской

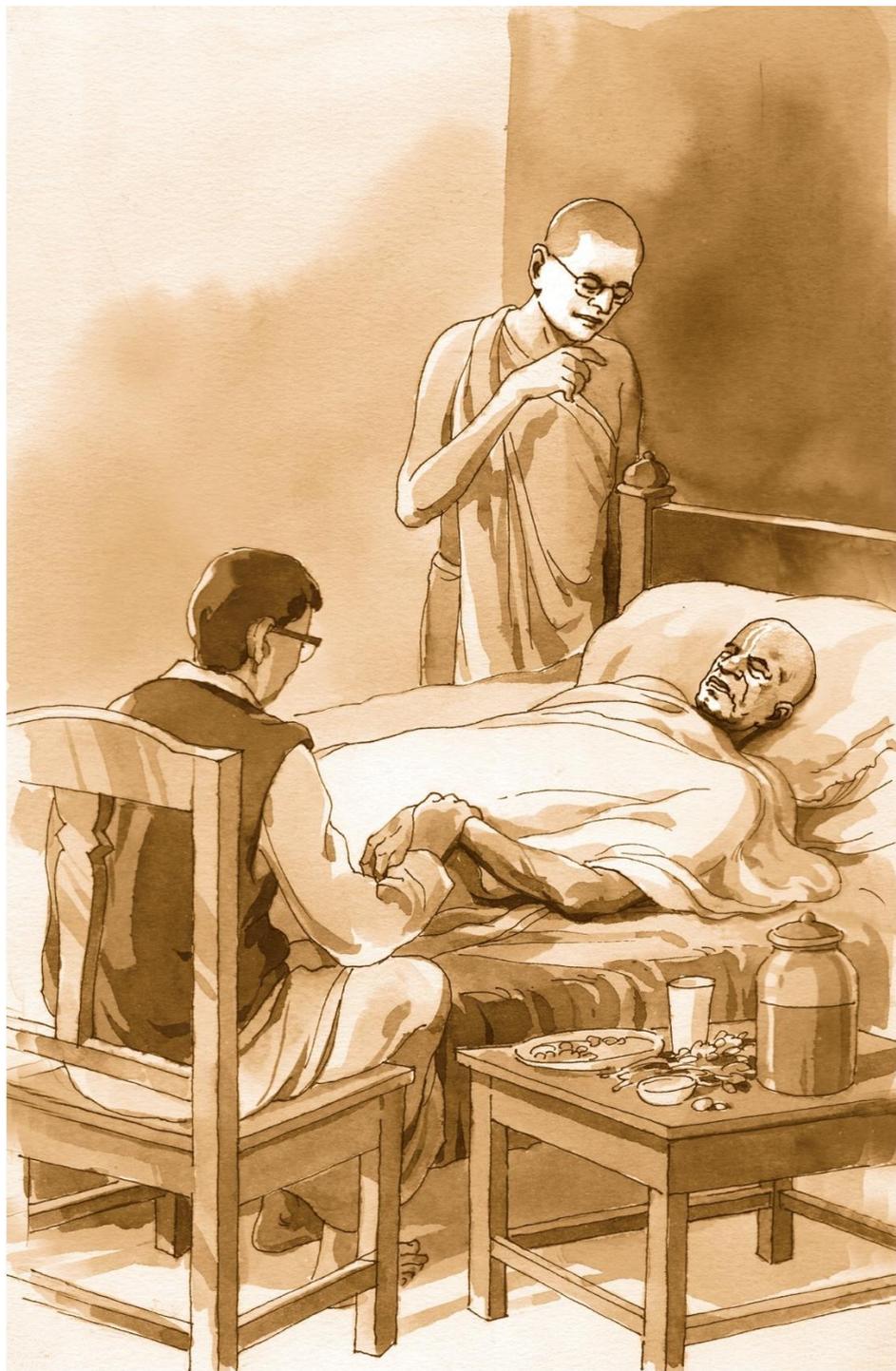
миссионерской школе. Следуя за ним, Локанатха Свами отправился в Дарджилинг и, наконец, нашёл доктора Гхоша, который согласился немедленно отправиться во Вриндаван.

В те дни в Индии был крайний дефицит транспорта. Там было очень мало аэропортов, и самолёты летали от случая к случаю. Поезда всегда были переполнены, и забронировать места было практически невозможно, особенно если ехать надо было в кратчайшие сроки. Автобусное сообщение существовало, но было очень неудобным из-за отсутствия нормальных сидений, а дороги были полны выбоин. Локанатха Махараджа смог организовать единственно возможный вид транспорта: он арендовал машину из Дарджилинга до Силигури. Оттуда он купил билеты на автобус, который шёл шестнадцать часов до Калькутты. Потом надо было долететь до Дели и ещё четыре часа ехать на автобусе до Вриндавана. Доктор Гхош был ровесником Шрилы Прабхупады — ему было слегка за восемьдесят — но ради Прабхупады он вытерпел все трудности и приехал во Вриндаван, надеясь вылечить его.

После стольких лет они были чрезвычайно рады видеть друг друга, но доктор Гхош был потрясён слабостью и истощённым состоянием Шрилы Прабхупады. Он понял, что главная проблема была с почками: его беспокоило нерегулярное мочеиспускание.

Доктор Гхош делал все, что мог. Он лично отвёз образец мочи в Агру для проведения анализа, а затем посоветовал Прабхупаде есть не только жидкую, но и хоть чуть-чуть твёрдой пищи, например, *чена* (свежий сыр) смешанный с сахаром. Он также прописал клизму с глюкозой и солью. Он показал нам как массировать тело Прабхупады от стоп вверх, чтобы улучшить кровообращение и способствовать оттоку крови к сердцу, и как делать массаж живота по часовой стрелке.

Мы видели по тому, как доктор Гхош и Шрила Прабхупада общались, что у них были близкие отношения, и Прабхупада велел мне и Упендре как можно лучше заботиться о нём. Поскольку Локанатха Махарадж уже был знаком с врачом, он служил ему, но всякий раз, когда у меня была возможность, я проверял, нет ли чего-нибудь ещё, что мы могли бы для него сделать.

*Шрила Прабхупада лечится у Дамодара Прасада Саитри,
аюрведического врача из Калькутты*

Я расспрашивал доктора Гхоша про былые дни и про то, как он и Шрила Прабхупада познакомились в Аллахабаде, и он рассказывал мне, какой образцовой личностью был Прабхупада. Прабхупада управлял своим фармацевтическим бизнесом, но его душа не лежала к этому делу. Люди пользовались его простотой и доверием, но на самом деле его это не волновало. Он и доктор часто встречались по вечерам, чтобы поговорить, и всякий раз все разговоры Прабхупада сводил к Кришне и к необходимости распространять Сознание Кришны по всему миру. Он говорил доктору Гхошу: «У нас обоих похожие профессии, но твоё дело — лечить тело, а моё — лечить душу».

После нескольких дней, проведённых за установлением распорядка дня для Прабхупады, доктор Гхош уехал. Поскольку было начато аллопатическое лечение, был вызван местный врач, доктор Гопал, но после того, как он попытался прописать различные лекарства и даже диагностировал у Прабхупады туберкулёз, его попросили уйти.

Однажды ночью Шриле Прабхупаде приснилось, что Рамануджа *кавирадждж* — аюрведический врач из Рамануджа *сампрадаи* — сделал для него *макардхваджу*. Мы восприняли этот сон как знак: если Прабхупада станет принимать это лекарство, он поправится. Так что Тамал Кришна Махарадж велел мне попытаться найти этого врача.

Первое место, куда я пошёл, был храм Шри Ранганатхи, резиденция Рамануджа *сампрадаи* во Вриндаване. Но никто там не знал о *кавираддже*. Затем я пошёл по другим Рамануджа ашрамам и в конце концов нашёл одного *садху*, который утверждал, что он искусен в приготовлении аюрведических лекарств и может сделать *макардхваджу*. Это будет стоить 4.000 рупий, сказал он, около пятисот долларов. Это было много, но когда я сообщил о своей находке Тамалу Кришне Махараджу, он предложил, чтобы Бхагаван Дас пошёл со мной на переговоры с этим *кавираджджем*.

В тот вечер мы с Бхагаваном отправились на встречу с *садху*. Бхагаван говорил с ним по-английски, а я переводил с английского на хинди и обратно. После некоторого обсуждения Бхагаван сказал мне, что ему кажется, что *садху* — мошенник, и пытается нас обмануть.

После этого Махарадж предложил мне отправиться в Шри Рангам, в Тамил Наду в Южной Индии, где жили Рамануджавайшнавцы, чтобы найти там хорошего аюрведического врача и просить его приехать во Вриндаван для того, чтобы сделать *макарадхваджу* для Шрилы Прабхупады. Мне понравилась эта идея, я был уверен, что мне удастся найти там хорошего *кавираджу*.

На следующее утро Тамал Кришна Махарадж рассказал Шриле Прабхупаде о том, как нам не удаётся найти Рамануджа-*кавираджу* во Вриндаване, и об идее отправить меня в Шри Рангам, но Прабхупаде эта идея не понравилась.

«Вы не хотите, чтобы Бхакти Чару уезжал сейчас?» — спросил Махараджа. — «Вы хотите, чтобы он оставался с вами?».

Прабхупада кивнул и сказал: «Да».

Тем не менее, мы не отказались от поисков, и в конце концов Абхирама Прабху нашёл аюрведического врача в Дели, который приготовил *макарадхваджу*.

Это было большое событие. Преданные собрались вокруг кровати Шрилы Прабхупады, и Тамал Кришна Махарадж дал лекарство Прабхупаде в ложке из чистого золота, которую один из его американских учеников, Вишала Прабху, подарил ему. Прабхупада никогда раньше ею не пользовался. Красновато-коричневую пилюлю измельчили и смешали с мёдом. Шрила Прабхупада проглотил смесь и пошутил: «Будет ли лекарство иметь особый эффект, если я приму его с ложки из чистого золота?».

Все были взволнованы от забрезжившей новой надежды на выздоровление Шрилы Прабхупады. Однако после приёма лекарства Прабхупада почувствовал себя настолько плохо, что он решил больше его не принимать.

В тот же самый вечер один бенгальский преданный, из другого *матха* во Вриндаване, пришёл попросить Шрилу Прабхупаду о пожертвовании на строительство храма. Прабхупада санкционировал

десять тысяч рупий на проект. Он был знаком с этим преданным из Вриндавана ещё до своего путешествия на Запад, поэтому он расспросил его о некоторых других преданных, их общих знакомых.

Потом, по-прежнему говоря на бенгальском, Шрила Прабхупада пожаловался, что чувствовал себя ужасно — как будто ему дали яд. Хотя многие преданные стояли вокруг, я был единственным, кто мог понять разговор. Я был потрясён, услышав то, что сказал Прабхупада, и рассказал Тамал Кришне Махараджу, который отреагировал также, как и я.

После ухода бенгальского преданного, преданные собрались вместе, и я им подробно рассказал, что сказал Прабхупада. Тамал Кришна Махарадж и несколько старших преданных подошли прямо к кровати и спросили Прабхупаду: «Шрила Прабхупада, вы думаете, что вам дали яд?».

«Нет», — ответил Шрила Прабхупада, — «это не значит, что я был отравлен. Я просто так выразился». Он просто пытался описать, насколько плохо он себя чувствовал.

Адридхарана Даса, президент храма в Калькутте, прослышал о приснившемся Шриле Прабхупаде сне и о наших поисках Рамануджа *кавираджди*, который мог бы сделать ему *макарадхваджу*. Как и мы, он верил, что Прабхупада мог бы выздороветь, если бы принял лекарство, и с помощью одного влиятельного преданного, он нашёл аюрведического врача из Рамануджа *сампрадаи*, которого считал подходящим человеком для приготовления лекарства.

Два дня спустя Адридхарана прибыл с *кавираджем* по имени Дамодар Прасад Шастри, приятным джентльменом средних лет из Раджастхана. Врач некоторое время, минут пять, щупал пульс Шрилы Прабхупады, при этом непринуждённо с ним беседуя. Нажимая на стопы и руки Прабхупады, которые довольно сильно опухли, он спросил, чувствует ли Прабхупада боль, и затем сделал заключение, что его болезнь была вызвана нарушением работы почек. Тамал Кришна Махараджа сказал, что врач в Лондоне пришёл к тому же выводу.

Махарадж, Дамодар Прасад и я пошли в офис, чтобы обсудить здоровье Прабхупады и что ещё можно было сделать. Дамодар Прасад не говорил по-английски, поэтому я переводил. Он сказал нам, что состояние Прабхупады было довольно серьёзным, ещё более усугублённым его слабостью — больной был не в состоянии бороться со своим недугом. Он упомянул, что почки играли решающую роль — они фильтровали кровь, которая была источником энергии и, согласно Аюрведе, играет роль в выведении мочи. Поэтому, когда почки функционируют неправильно, продукты распада не выводятся из организма, а остаются в крови, вызывая отёк ног и рук.

Я сообщил врачу, что Ванамали Кавирадж также говорил, что болезнь Шрилы Прабхупады была вызвана нарушением работы почек и давал ему какие-то лекарства — два вида соли, одну белую, а другую розовую, которые надо было смешивать с экстрактом *пунарнава* и листьев *патаркучи*. Дамодар Прасад согласился, что такое лечение экстрактами трав было уместным, и спросил, продолжаем ли мы его. Я рассказал, что Ванамали Кавираджа лечил Прабхупаду четыре месяца назад, после чего здоровье Прабхупады улучшилось, но потом Прабхупада решил поехать на Запад, и вскоре ему стало гораздо хуже. Когда Прабхупада вернулся во Вриндаван, Ванамали Кавирадж возобновил лечение, но вскоре его пришлось прекратить, когда врач убедился, что лекарства не действуют.

Дамодар Прасад внимательно всё выслушал, не комментируя. Затем он сказал, что он приготовит какое-то снадобье для Прабхупады. Хотя он был доставлен во Вриндаван, чтобы сделать *макарадваджу*, он не упомянул об этом, вместо этого приготовив несколько других видов лекарств. Он, казалось, был уверен в исцелении Прабхупады, но в разговорах с нами выражал серьёзную обеспокоенность.

Адридхарана жил в одной комнате в гостевом доме с Дамодар Прасадом, и иногда он становился свидетелем того, как *кавираджа* посреди ночи просыпался и подолгу сидел в своей кровати. Когда Адридхарана спрашивал, беспокоит ли его что-нибудь, Дамодар Прасад отвечал, что он беспокоится о состоянии Прабхупады и думает о том, что ещё можно сделать.

В разговорах со Шрилой Прабхупадой Дамодар Прасад заверял его в полном выздоровлении, но Прабхупада отвечал, что лекарства не могли противостоять законам материальной природы — чередования рождения, смерти, старости и болезни. Я рассказал Дамодару Прасаду о том, как Шриле Прабхупаде казалось, будто его отравили, но он отмахнулся: «Когда кто-то испытывает боль или дискомфорт», — сказал он, — «он может сказать что-то угодно, в том числе, и о том, что его отравили. Не беспокойтесь об этом. Шрила Прабхупада — чистый преданный Кришны. По милости Кришны он также обладает непостижимой силой. Это всё его *лилы*».

Я рассказал ему о том, как Ванамали Кавираджа подумывал о том, чтобы дать Прабхупаде *макарадхваджу*, но хотел подождать улучшения состояния, а также наступления зимы, когда холодная погода будет способствовать усваиванию сильного лекарства. Я также рассказал ему о *макарадхвадже*, которую приготовил врач из Дели, и насколько Прабхупаде стало от неё хуже.

Дамодар Прасад задумался на минуту, а затем сказал: «*Макарадхваджа* — как нектар, но очень крепкий. Это тоник. Поэтому тело должно быть в состоянии усвоить его. Дать лекарство, даже не видя состояние пациента было ошибкой. Кроме того, лекарство готовится из ртути, и если ртуть не обработана как надо, её воздействие может быть весьма вредным».

Я начал понимать, какая большая ошибка была совершена. «Что можно сделать сейчас?» — спросил я.

«Я стараюсь изо всех сил», — ответил он.

Хотя Дамодар Прасад пытался утешить меня, у меня на сердце была ужасная тяжесть. Я рассказал Тамалу Кришне Махараджу о разговоре, а также о том, как Ванамали Кавираджа не хотел давать *макарадхваджу* Шриле Прабхупаде. Я выразил своё беспокойство, что теперь, когда состояние здоровья Прабхупады ухудшилось, он намного слабее и не сможет усвоить столь сильное лекарство. Но Тамал Кришна Махарадж напомнил мне, что Шрила Прабхупада сам хотел именно такого лечения после того, как ему приснился тот сон.

Дамодар Прасад получал сообщения, призывающие его вернуться в Калькутту; его другие пациенты нуждались в его помощи. Но он был полон решимости остаться и лечить Шрилу Прабхупаду, сказав, что такой человек, как Шрила Прабхупада, должен жить ради блага всего мира. Дамодар Прасад чувствовал, что, отправившись в Калькутту, он мог бы спасти одного или двух пациентов, но такая личность, как Шрила Прабхупада, могла бы спасти миллионы воплощённых душ от страданий.

Однажды, щупая пульс Шрилы Прабхупады, Дамодар Прасад сказал: «Свамиджи, я убеждён, что это всё ваши игры. Ещё совсем недавно, когда я щупал ваш пульс, это был пульс умирающего человека, но теперь он сильный и устойчивый, как у молодого человека».

Мы видели, что лекарства действовали. Шрила Прабхупада не ел и некоторое время не испражнялся, но лекарство начало очищать желудок. Это было важно, сказал нам Дамодар Прасад: в противном случае тело Прабхупады было бы отравлено токсинами. Он посоветовал нам не давать Прабхупаде никакой твёрдой еды — только разбавленное молоко. Так что Прабхупада начал регулярно пить молоко, и у нас снова появилась надежда на его выздоровление.

Однажды приехал из Маяпура Джаяпатака Махарадж, и Шрила Прабхупада захотел услышать новости из Маяпура и немедленно повидать своего ученика. К радости Прабхупады, Махараджа сообщил, что всё идёт хорошо. Хотя у них было только две книги на бенгали — "Gītār Gān" и "Bhagavāner Kathā", они распространили сорок тысяч книг в прошлом месяце. Когда Махарадж сказал Шриле Прабхупаде, что некоторые землевладельцы прилегающих к нам территорий были готовы продать свою землю, Прабхупада попросил его купить два акра [0.8 Га] немедленно; он перешлёт деньги. Прабхупада также наставлял Махараджа развивать хорошие отношения с духовными братьями Прабхупады, чтобы построить там *нат-мандиру* (большой зал) в храме Йога-питха (место рождения Шри Чайтаньи Махапрабху), а также в храме его духовного брата Шрилы Шридхара Махараджа.

Джаяпатака Свами рассказал ему о желании преданных начать строительство нового храма в Маяпуре. Первоначальный план, построить храм высотой 250 футов [76 метров] был вполне реальным, храм можно было бы построить за 15 миллионов долларов, но архитектор Сурабхи Свами увеличивал высоту на 50 футов [~15 метров] чуть ли не каждый день. Стоимость возрастала, на каждые 50 футов требовались дополнительные 25 миллионов долларов. На данный момент его проект был рассчитан на 400 футов [122 метра], а стоимость составляла 90 миллионов долларов. Джаяпатака Свами выразил желание завершить строительство храма, пока Шрила Прабхупада был всё ещё с нами. При этом Шрила Прабхупада просто улыбнулся и сказал: «Сейчас уже недолго. В любой момент я могу...». Голос Махараджа стал слабым от волнения. «Мы все молимся, чтобы Кришна вернул вам силы», — сказал он. — «Мы — кучка преданных-неофитов. Что мы можем без вас? Какие способности у нас есть? Без вашего вдохновения, общения с вами — без вашего руководства — мы будем не способны что-либо сделать».

Однажды днём Локанатха Махараджа, который обычно проповедовал путём *падаятры*, путешествуя пешком и на воловьей упряжке из деревни в деревню по всей стране — рассказал Шриле Прабхупаде о своей поездке в Бадринатх в Гималаях. После посещения храма Бадринараяны он доехал до пещеры Шрилы Вьясадевы и дал находившимся там преданным "Шримад-Бхагаватам" в английском переводе Прабхупады. Затем он отправился в то место, где Бхима, второй из пяти братьев Пандавов, оставил тело во время *махастранья* (последнего путешествия). Когда Юдхиштхира Махарадж узнал об уходе Кришны, он решил покинуть этот мир, отправившись к Гималаям без еды, питья или сна, и его другие братья и Драупади последовали за ним. Первой пала Драупади, за ней последовали Сахадева, Накула и Арджуна. Бхима оставил своё тело высоко в Гималаях, недалеко от Бадринатха.

Услышав о паломничестве Локанатха Махараджа, Шрила Прабхупада спросил его, сможет ли он организовать для него *парикраму* вокруг Вриндавана на воловьей упряжке. Локанатх Махараджа разволновался, услышав эту идею, и заверил его, что такая *парикрама* не составит труда. Преданные разделили волнение

Махараджи, но те из нас, кто служил Шриле Прабхупаде в его личных покоях и был более осведомлён о его состоянии — Тамал Кришна Махарадж, Бхавананда Махарадж, Упендра и я, были обеспокоены, сможет ли Прабхупада пережить подобное предприятие. Дороги были плохими, и мы знали, что он не был достаточно силён, чтобы совершить столь трудное путешествие на воловьей упряжке.

Тамал Кришна Махарадж и Бхавананда Махарадж пытались убедить Шрилу Прабхупаду не делать этого, пока он чувствовал себя таким слабым. Прабхупада согласился сократить парикраму и объехать только Говардхан, но не позволил полностью отвергнуть эту идею.

Не понимая в полной мере серьёзности ситуации, преданные приветствовали предложение с необузданным энтузиазмом. Всех обуюла радость при мысли о том, что Прабхупада был достаточно здоров, чтобы отправиться в путь, принять участие в *парикраме*, и что они могли присоединиться к нему. Были найдены два быка, их запрягли в телегу и привели к воротам перед домом Прабхупады. Атмосфера в храме была оживлённой. Некоторые преданные думали, что *парикрама* может совершить чудо, и Прабхупада выздоровеет. Так как многие из старших преданных были так взволнованы *парикрамой* с участием Шрилы Прабхупады, что я не считаю себя вправе подвергать сомнению их суждения. Я ожидал, что Тамал Кришна Махарадж и Бхавананда Махарадж сделали бы всё возможное, чтобы остановить предприятие, но они не выступали против его планирования так сильно, как я надеялся.

Преданные обсуждали детали путешествия в доме Шрилы Прабхупады, в его присутствии. Всё это звучало для меня абсурдно, немислимо, но Прабхупада, казалось, был доволен. В конце концов, когда я услышал, что Прабхупада будет отдыхать в ночь в палатке под деревом, я не смог сдержаться. «Знаете ли вы, что Шрила Прабхупада даже не может повернуться на бок?» — воскликнул я. — «Когда мы помогаем ему перевернуться недостаточно осторожно, ему больно. В этом состоянии вы хотите провезти его на телеге, запряжённой волами, по всем этим ухабам, по дорогам, полным выбоин и камней? Вы заставите его ночевать под деревом, в палатке, всю ночь? По ночам ему

холодно даже в этой комнате, несмотря на обогреватель, три одеяла и покрывало».

Никто не ответил ни слова.

Затем Шрила Прабхупада нарушил молчание. «Бабаджи Махарадж придёт сегодня вечером», — сказал он. — «Я спрошу его».

Его слова поселили надежду в моей душе. Я расскажу Бабаджи Махараджу ситуацию, и он убедит Прабхупаду никуда не ехать.

В тот вечер, ожидая прибытия Бабаджи Махараджа, я пошёл на кухню, чтобы приготовить что-то для Шрилы Прабхупады. Когда я вернулся в его комнату, я обнаружил Бабаджи Махараджа уже там, сидящим на стуле рядом с кроватью Прабхупады. Они с воодушевлением планировали *парикраму*. Шрила Прабхупада попросил Бабаджи Махараджа присоединиться к нему, и тот согласился.

Услышав это, я потерял последнюю надежду. Но потом у меня возникла идея. Я пошёл на кухню, приготовил тарелку *прасада* и отнёс её в соседнюю комнату. Затем я пошёл в спальню Прабхупады и объявил, что *прасад* для Бабаджи Махараджа готов и ждёт его в соседней комнате. Прабхупада предложил мне накрыть стол в его спальне, но я ответил, что там уже всё накрыто, и тогда он разрешил Махараджу идти.

Пока Бабаджи Махарадж ел, я рассказал ему всю ситуацию: о том, что когда Локанатх Махараджа доложил Прабхупаде о своём посещении Бадринатха и места, где Бхима оставил своё тело, Прабхупада предложил *парикраму* на воловьей упряжке вокруг Вриндавана. Я сказал ему о своём подозрении о том, что так же, как Пандавы отправились на *маха-прастхану*, как только они получили известие об уходе Кришны, Шрила Прабхупада планировал оставить своё тело, совершая *парикраму* вокруг Вриндавана.

Выслушав всё, Бабаджи Махараджа заявил: «Тогда ему не следует ехать».

«Пожалуйста, скажите ему это», — умолял я.

«Я?» — ответил он. — «Как я могу ему перечить?».

«Махарадж», — настаивал я, — «только вы можете остановить его».

Я объяснил, что мы, его ученики, не можем заставить Шрилу Прабхупаду изменить своё решение, но что он послушает своего друга и духовного брата.

Бабаджи Махараджа встал, вымыл руки и рот и пошёл прямо в комнату Прабхупады. «Я всё обдумал», — сказал он ему, — «и думаю, что тебе не следует идти на эту *парикраму*».

Шрила Прабхупада ответил: «Если ты так считаешь, то я этого не сделаю».

С облегчением я поспешил сообщить об этом Тамалу Кришне Махараджу. Я побежал вверх по лестнице гостевого дома в нашу комнату и столкнулся нос к носу с ним и Бхаванандой Махараджем, которые спускались вниз. Я поделился с ними о том, что Бабаджи Махарадж убедил Прабхупаду не отправляться на *парикраму*. Они как раз направлялись к Прабхупаде, чтобы умолять его не совершать эту поездку. Взволнованные, мы все бросились в его комнату.

«Шрила Прабхупада», — сказал Тамал Кришна Махарадж, — «идея о *парикраме* доставила нам столько беспокойства! Мы не знали, что делать».

Шрила Прабхупада посмотрел на Бабаджи Махараджа и сказал ему: «Посмотри, как сильно они меня любят». Он рассказал Махараджу об унижении и страданиях, через которые прошёл ради него Бхавананда Махараджа в Маяпуре. Бабаджи Махараджа ответил: «Им повезло, что у них есть такой духовный учитель, как ты».

Новости о критическом состоянии Шрилы Прабхупады распространялись быстро, и, полагая, что Прабхупада вскоре может покинуть своё тело, Шриман Нараяна и Рамакришна Баджаджи

приехали навестить его. Они были старыми знакомыми, и в какой-то момент они захотели поговорить с Прабхупадой наедине, поэтому он попросил всех остальных покинуть комнату. Однако перед тем, как уйти, я нажал кнопку записи на кассете в диктофоне на тумбочке Прабхупады. Когда я сказал Тамалу Кришне Махараджу, что я сделал, он поблагодарил меня и сказал, что это было умным поступком.

Когда встреча закончилась, я отнёс диктофон Махараджу в офис. Мы прослушали запись. Шриман Нараяна и Рамакришна Баджадж спросили Прабхупаду о том, кто будет его преемником, и он сказал, что не собирался никого назначать. Он передавал всё своё наследие своим ученикам, всем последователям.

Несколько дней спустя, вечером, ещё несколько духовных братьев Шрилы Прабхупады пришли к нему. Они сели на стулья, расставленные вокруг его кровати, и Прабхупада покаялся, что иногда во время проповеди он прибегал к довольно резким выражениям. Он попросил у них прощения и велел им передать всем остальным вайшнавам его просьбу простить его.

Шрила Бон Махарадж, который сидел в головах у кровати Шрилы Прабхупады, отозвался, что тот был в праве ругать их, и что в его действиях не было никакого оскорбления. Он выразил свою признательность Шриле Прабхупаде за его достижения в проповедовании по всему миру, в исполнении предсказания Шри Чайтаньи Махапрабху.

Когда Тамал Кришна Махарадж показал группе присутствующих копии Десятой Песни "Шримад-Бхагаватам", Шрила Бон Махарадж сказал проникновенным голосом, что это были чрезвычайно богатые книги — и по оформлению, и по содержанию. Они были полны мудрости, переведённой Шрилой Прабхупадой, а качество художественного оформления, макета и печати было на самом высоком уровне.

Тамал Кришна Махарадж рассказал им о том, что книги Шрилы Прабхупады были переведены на множество языков, а также о том, что советское правительство прислало из Москвы грамоту, в которой

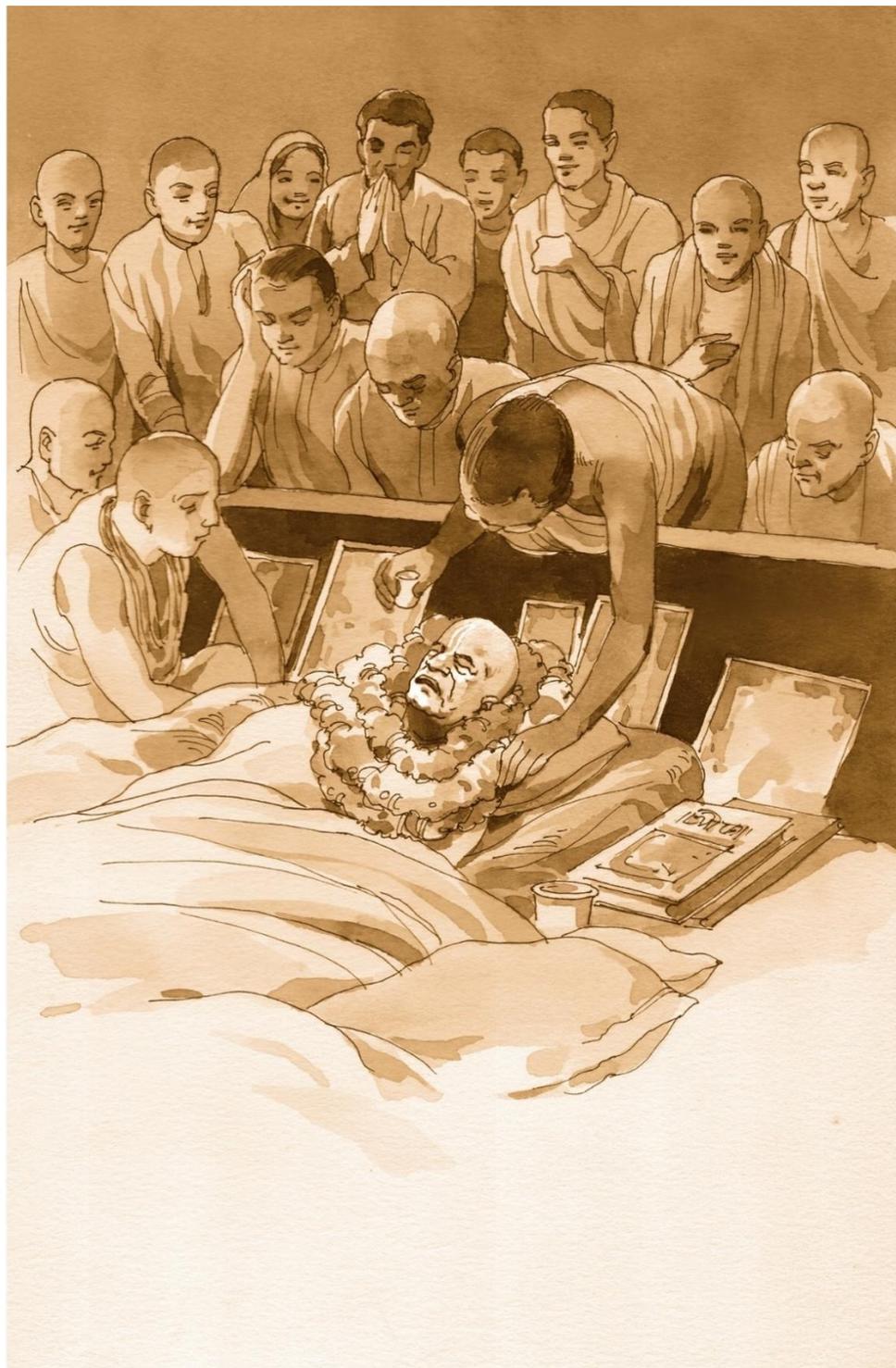
Прабхупаде выражалась признательность за его книги и вклад в сохранение мира и достижение прогресса. Все слушали с восторгом и вниманием, когда Махарадж описывал небоскрёб в Манхэттене, который стал храмом Кришны, и как по всему миру было основано 108 таких храмов. Все были крайне впечатлены рассказом. После этого Шрила Прабхупада попросил нас подать всем *прасад*.

Когда группа ушла, Шрила Прабхупада сказал, что у него болит правое бедро. Он обычно не показывал свою боль, но на этот раз не смог скрыть страданий. Он попросил меня нагреть немного соли, завернуть в кусок ткани и приложить к больному месту. Компресс принёс облегчение, но нам было больно видеть его в таком состоянии. Он молча лежал на кровати. Тамал Кришна, Бхавананда, Упендра и я не могли спать. Около пяти утра следующего дня, сразу после *мангала-арати*, Дамодар Прасад сказал мне, что Шрила Прабхупада не мочился уже двенадцать часов. Если он не помочится в ближайшее время, то примерно через четырнадцать часов покинет своё тело. Он спросил, следует ли ему поставить катетер.

Я описал ситуацию Тамалу Кришне Махараджу, который немедленно созвал собрание старших преданных. Он рассказал им об отчёте Дамодара Прасада, а также то, что Прабхупада настаивал на том, что ничто не должно проникать в его тело — никаких игл. Все согласились, что катетер использовать не следует.

Было ясно, что Шрила Прабхупада собирался покинуть своё тело. Двери его комнаты, которые месяцами держались закрытыми и охранялись, были распахнуты, и преданные хлынули внутрь. Те, кто не мог вместиться, стояли снаружи, за большими окнами, возле которых находилась кровать Прабхупады. Все повторяли святые имена Кришны. Я находился у головы Прабхупады. Периодически он открывал рот, и я давал ему немного воды.

Пришёл Кришнадас Бабаджи Махарадж, и мы усадили его в изголовье кровати. Пишима сидела на полу рядом. *Киртан* длился без остановки более двенадцати часов; я потерял счёт времени и не обращал внимания на свои телесные потребности. Я просто стоял у кровати Шрилы Прабхупады, держа в руках маленький серебряный

Вода из Ямуны для Шрилы Прабхупады

сосуд, давая Прабхупаде чуть-чуть воды, когда он открывал время от времени рот.

В какой-то момент, когда Шрила Прабхупада открыл рот, и я был готов дать ему несколько капель воды, Бабаджи Махараджа сказал: «Смотрите, он всё ещё повторяет святые имена». Хотя Прабхупада не издавал ни звука, я видел, что его язык ритмично двигается.

Затем Дамодар Прасад Шастри, стоявший рядом со мной, сказал, что Шрила Прабхупада покинул своё тело. Я пока не мог этого принять, поэтому сказал: «Пожалуйста, осмотрите его внимательно».

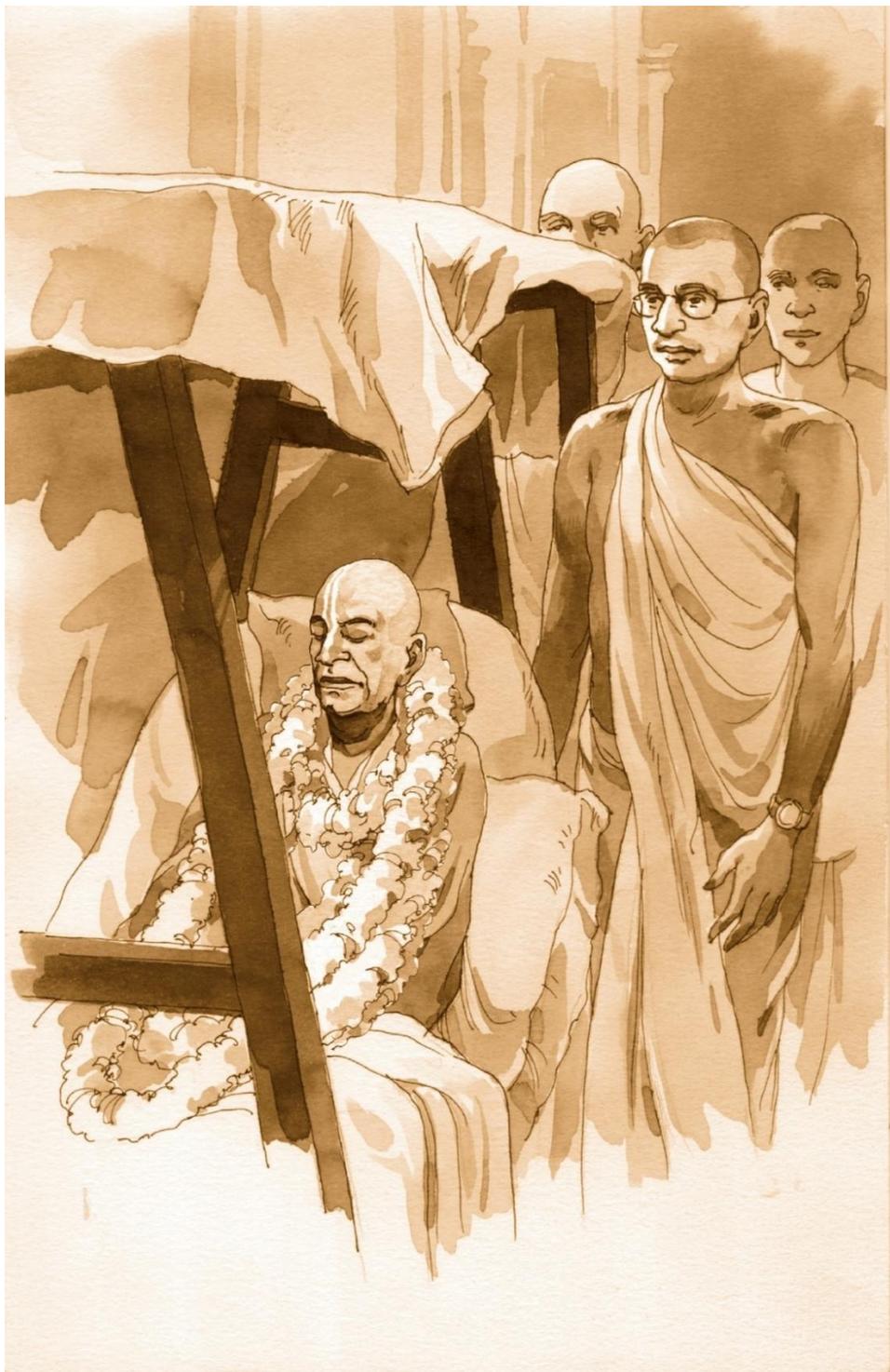
Он взял небольшой кусок хлопчатобумажной ткани и положил его на нос Прабхупады. Он не двигался. Я попросил его использовать стетоскоп, что он и сделал, но сердцебиения не было.

Из моей груди вырвались рыдания, но Дамодар Прасад положил мне руку на спину и сказал: «Пожалуйста, не плачь. Он возвращается назад, к Богу. Отпусти его. Не чини никаких препятствий его путешествию обратно к Господу».

Все поняли, что произошло. Пишима отреагировала одной из первых — слёзы полились из её глаз, как будто из разбитого кувшина с водой. Манихара Дас рыдал, и я повторил ему то, что сказал мне Дамодар Прасад: «Шрила Прабхупада возвращается домой. Давайте не будем чинить никаких препятствий на его обратном пути».

Преданные продолжали воспевать святые имена. Некоторые покинули комнату. Старшие преданные собрались вместе и обсудили, надо ли делать *самадхи* для Шрилы Прабхупады той же ночью. Затем пришло известие от ведущих вайшнавов Вриндавана, что на следующее утро его следует отвезти во все известные храмы в городе для последнего *даршана* Господа.

Тело Шрилы Прабхупады было помещено на *вьясасану* в храме. Нараяна Махарадж вёл киртан всю ночь. Утром мы положили тело на другую *вьясасану* и понесли его процессией по всем главным храмам Вриндавана.

Парикрама Шрилы Прабхупады вокруг Вриндавана

Когда процессия вернулась в храм, тело Прабхупады было помещено рядом с погребальной ямой, которая уже была вырыта. Нараяна Махарадж дал указания мне и Тамалу Кришне Махараджу по выполнению всех необходимых ритуалов — омовению тела и переодеванию его в новую одежду.

Нараяна Махарадж сам сделал *каупину*, но он не стал заворачивать вокруг паха и завязывать сзади. Я задал себе вопрос, как мы положим Шрилу Прабхупаду в *самадхи*, не завязав должным образом *каупину*, но ничего не сказал.

Затем Тамал Кришна Махарадж и я спустились в яму и опустили туда тело Шрилы Прабхупады. При этом развязанная *каупина* обмоталась вокруг моего запястья, так что я быстро распутал ткань и обвязал её вокруг спины Прабхупады. Мне казалось, что он всё ещё здесь, с нами, и руководит всем происходящим.

Нараяна Махарадж провёл нас через *арати* и остальную часть церемонии. Затем он велел нам насыпать соль вокруг тела, и после этого преданные начали засыпать яму рыхлой землёй.

Мною овладело глубокое чувство: мне не хотелось оставлять Шрилу Прабхупаду; я хотел остаться и продолжить служить ему в его *самадхи*.

Нараяна Махарадж поднялся наверх, и преданные начали сыпать всё больше и больше земли, а я всё ещё не двигался. Но Тамал Кришна Махарадж знал, что было у меня на уме. Он просто схватил меня за руку и вытащил из ямы.

Так Шрила Прабхупада вошёл в вечные *лилы* Радхи и Кришны.

Шрила Прабхупада входит в своё самадхи

Послесловие

После помещения тела Шрилы Прабхупады в *самадхи*, я пошёл в его комнату, потерянный и опустошённый. Я не мог поверить, что его больше не было. Хотя он всегда учил нас, что мы все должны будем покинуть материальный мир, и показал нам своим личным примером то, как мы должны к этому готовиться, его отсутствие было трудно принять.

Я опустился на колени у кровати Прабхупады и положил голову на тонкую шерстяную шаль, сложенную на его подушке. Она всё ещё хранила запах тела Прабхупады. Не в силах контролировать свои чувства, я не выдержал и заплакал; моё сердце хотело вырваться наружу из грудной клетки, но смогло только растаять в потоке слёз. Я просто позволил своему отчаянию вылиться через рыдания.

Через некоторое время — минуты или часы, я не знаю, — я почувствовал руку на плече. Это был Тамал Кришна Махарадж. Он не сказал ни слова, но его прикосновение дало мне понять, что он понимал — и разделял — мою скорбь. Несколько преданных собрались в комнате, все смотрели на меня. Смущённый, я вышел из комнаты вместе с Махараджем.

На следующий день я отправился в Маяпур с Джаяпатака Махараджем, взяв с собой богато украшенный металлический

контейнер, в котором находились цветы из *самадхи*. Они будут похоронены в *пушпа-самадхи*, над которым будет построен храм, где преданные смогут поклоняться Шриле Прабхупаде и чувствовать его присутствие.

Маяпур был для меня своего рода облегчением. Воспоминания были не такими болезненными, там я был окружён друзьями и духовными братьями. Тем не менее, мой мир казался пустым.

Когда мне впервые приснился Шрила Прабхупада, сон был настолько реальным, что хотя в глубине души я осознавал, что он ушёл, я видел его так чётко, что моё сердце забилося от радости. Я предложил свои поклоны и обнял его лотосные стопы, омывая их слезами. Он поднял меня и спросил, воспеваю ли я Харе Кришна *маха-мантру* на чётках. Не в силах говорить, я молчал. Он попросил меня показать ему язык. Я высунул язык, и он схватил его большим и указательным пальцами, и тогда дрожь от его прикосновения пробежала по моему телу. Он спросил меня: «Ты используешь его, чтобы повторять святое имя?». Я попытался что-то сказать, но он всё ещё держал мой язык, и тогда я проснулся от того, что не мог ничего ответить.

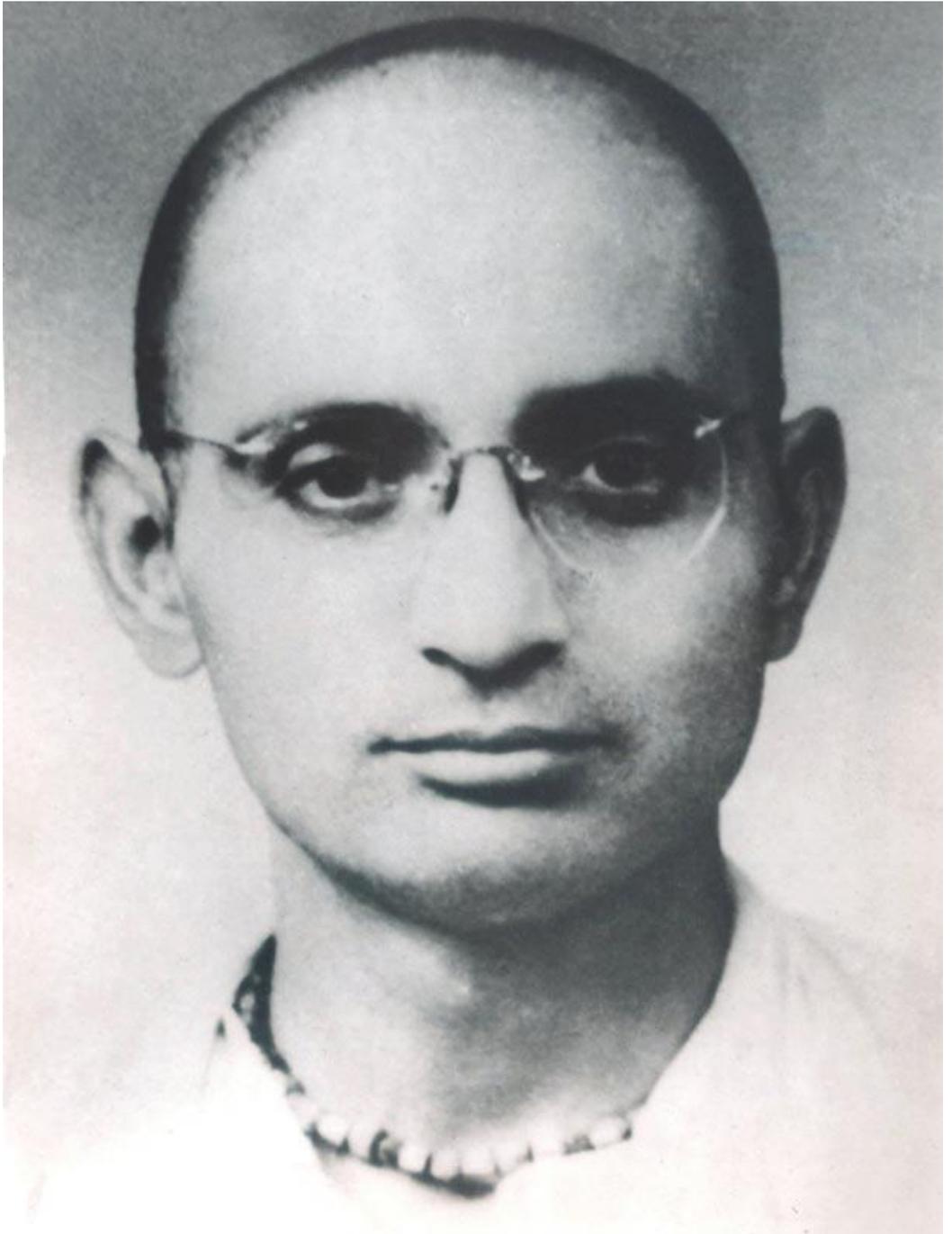
С ещё живым ощущением встречи со Шрилой Прабхупадой я сидел на кровати и размышлял о значении приснившегося мне сна. Что он хотел мне сказать? Казалось, что он напоминал мне, что *майя* попытается удержать мой язык и помешать мне воспевать святыя имена, но никогда не следует останавливаться. Несмотря на трудности, я должен никогда не прекращать воспевать святое имя.

Я почувствовал огромную благодарность и вспомнил заверение Шрилы Прабхупады в том, что хотя он рано или поздно исчезнет из нашего поля зрения, он всегда будет незримо с нами. На некоторое время, чтобы привести нас к духовному пути, он проявился для нас, а затем снова стал непроявленным.

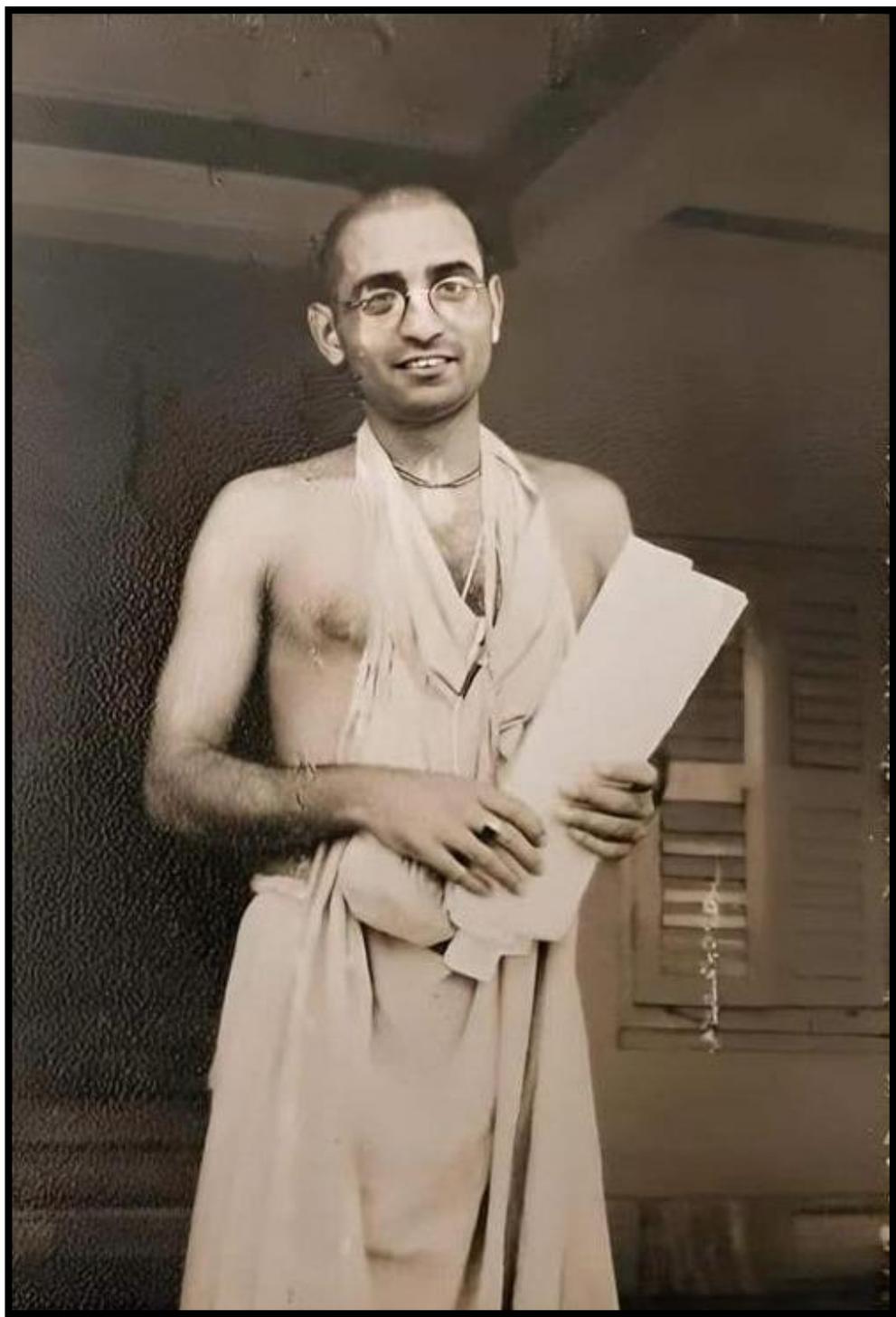
Когда я решил присоединиться к движению ИСККОН в Маяпуре в июле 1976 года и обрил голову, у меня в голове промелькнула мысль, что мои волосы отрастут снова через два месяца, и что если я не смогу

стать преданным, у меня будет возможность вернуться к своей прежней жизни.

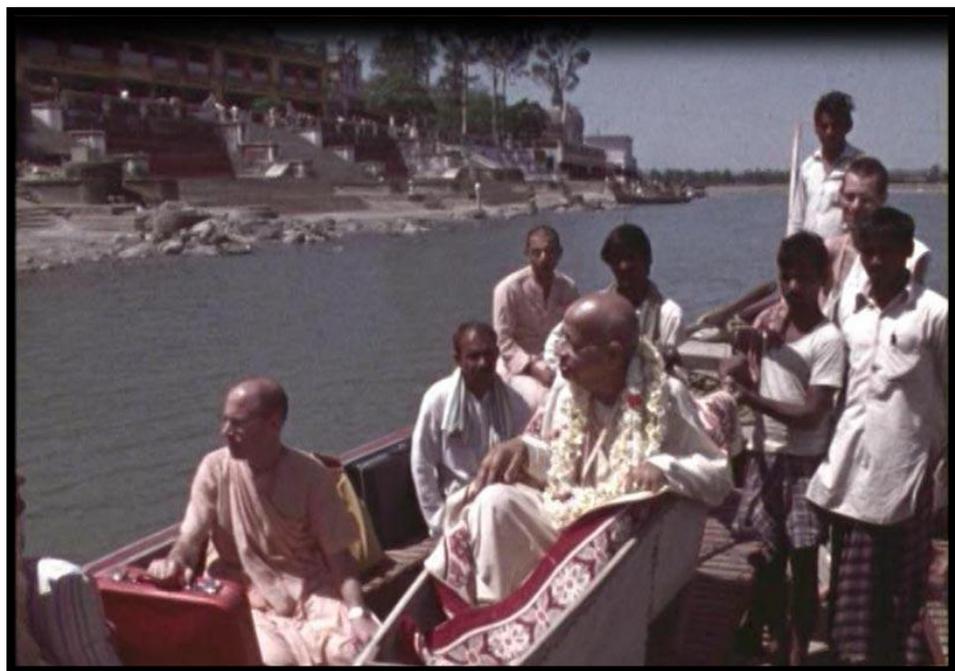
Эти два месяца превратились в сорок лет, но они пролетели как одно мгновение, благодаря беспричинной милости Шрилы Прабхупады. Моя жизнь обрела совершенство, потому что я являюсь вечной неотъемлемой частицей Кришны. Цель моей жизни — развивать наши с Ним любящие отношения — и это всё произошло благодаря милости Шрилы Прабхупады, который взял меня за руку и подвёл к этим отношениям. Я знаю, что я нашёл истинный путь к совершенству, и что достижение успеха — это всего лишь вопрос постоянного движения вперёд без отклонений. Когда-нибудь в будущем — неважно когда — я достигну своей конечной цели и снова буду у лотосных стоп моего любимого Шрилы Прабхупады.

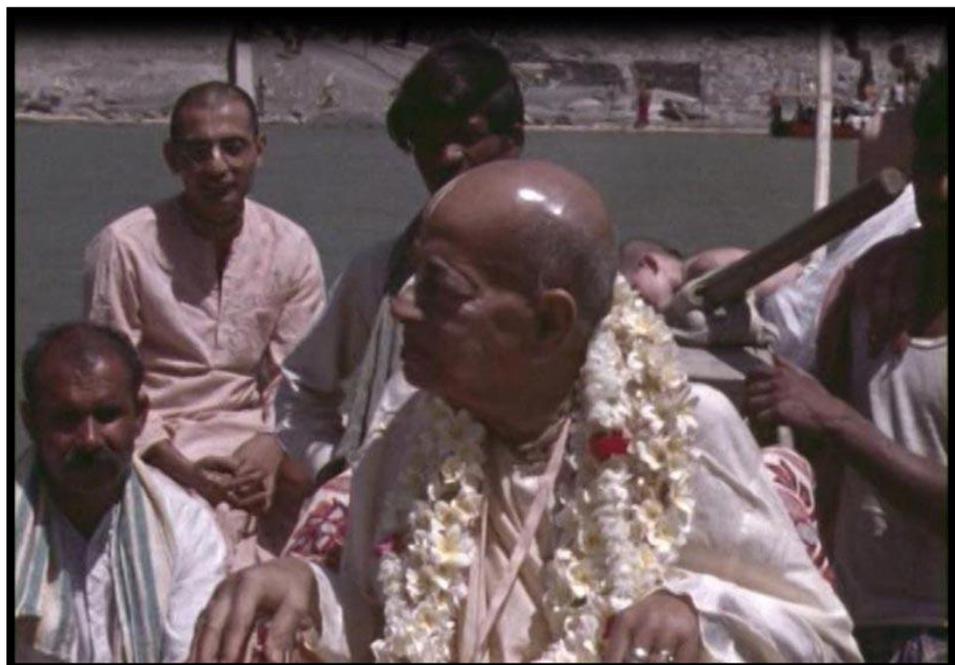
Бхакти Чару Свами в молодости

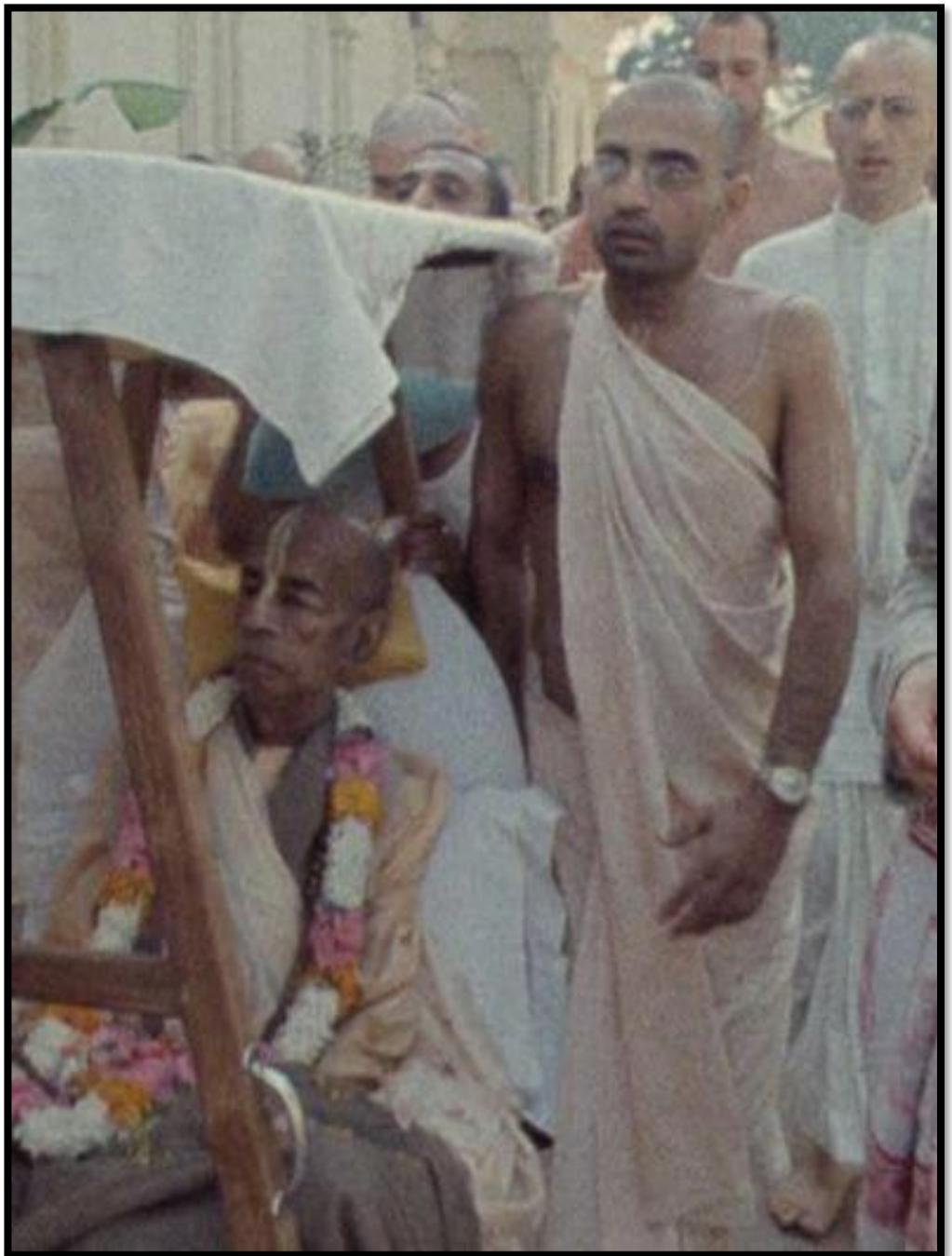

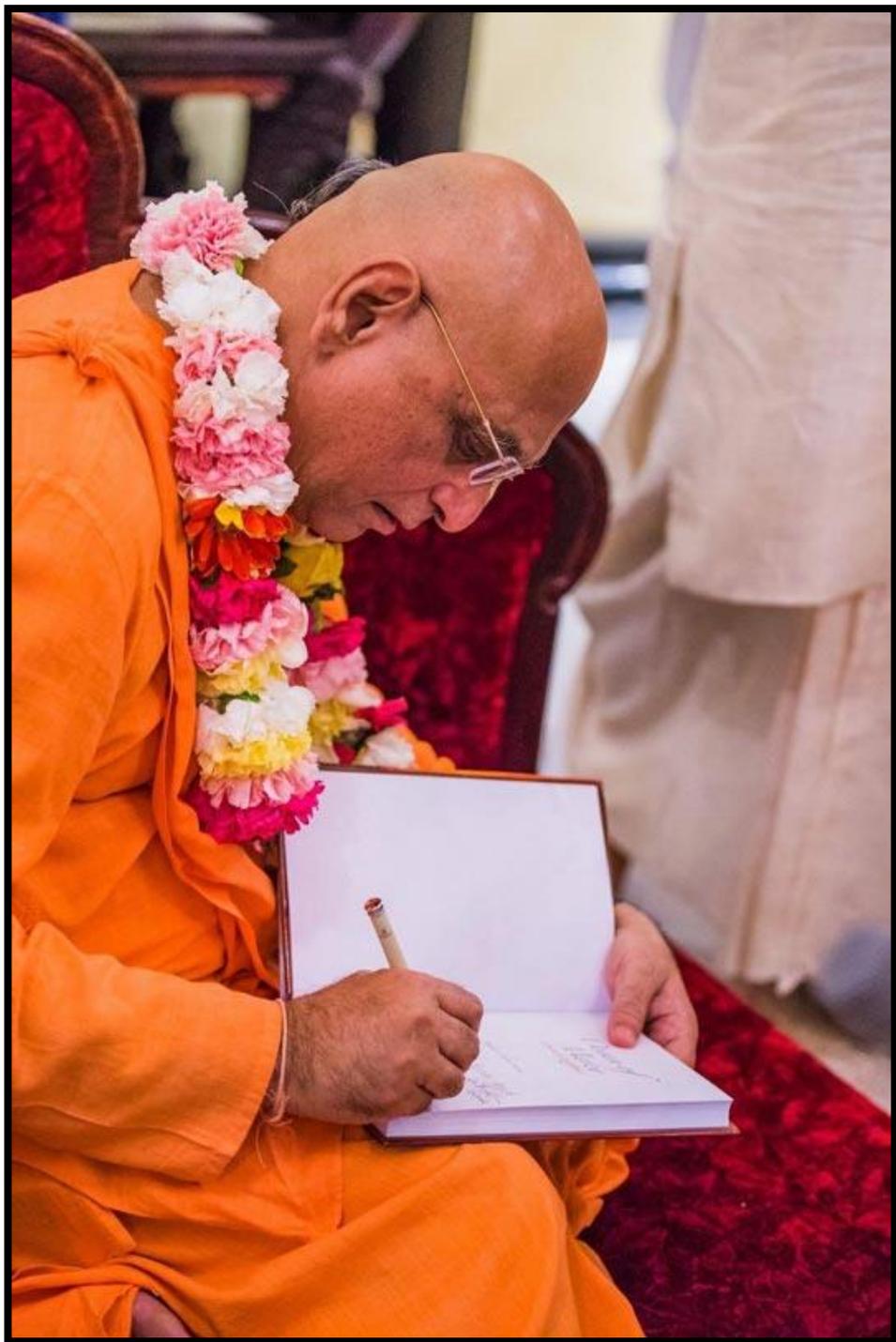
ЕС Бхакти Чару Свами после принятия санньясы

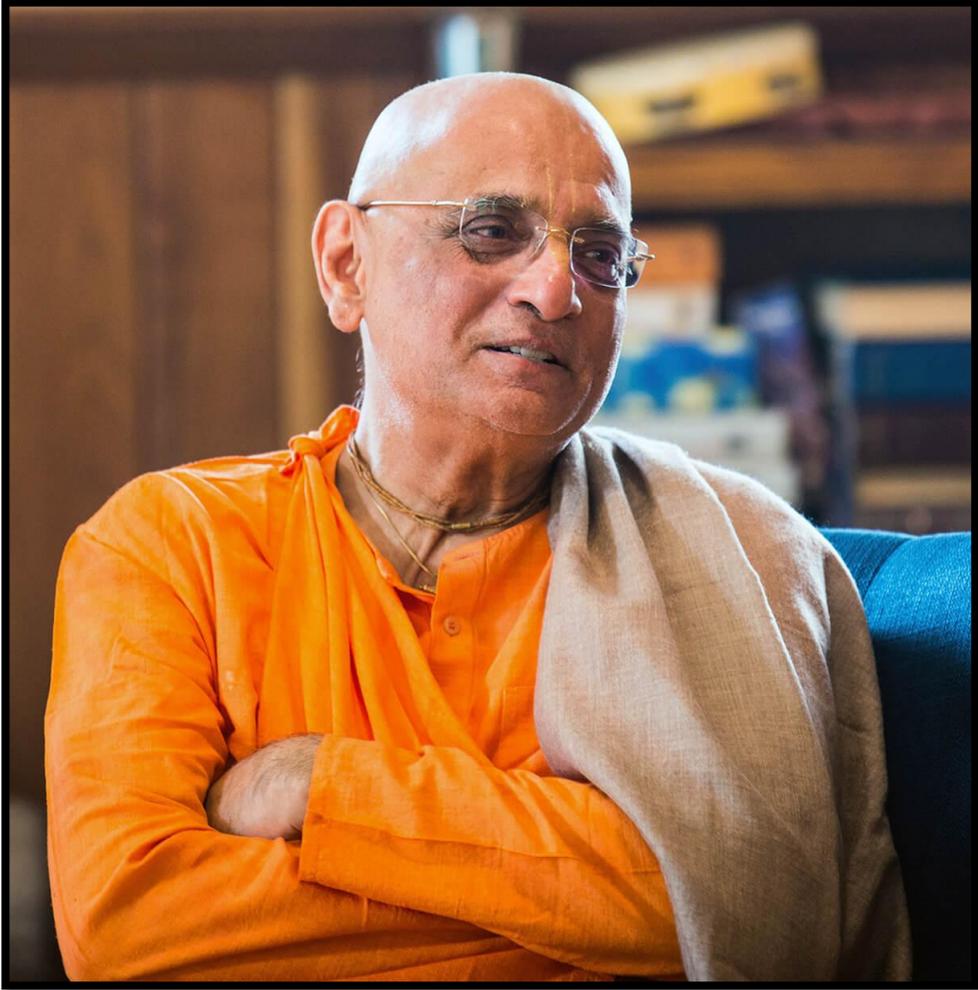
На лодке в Харидваре

Бхакти Чару Свами подписывает свою книгу

После ухода Шрилы Прабхупады Махарадж взял на себя ведущую роль в создании Bhaktivedanta Book Trust в Калькутте и Маяпуре и продолжил переводить основные работы Шрилы Прабхупады на бенгали. В 1987 году он стал членом Комиссии руководящего органа (ДжиБиСи) и иницилирующим духовным учителем. После этого он много путешествовал по всему миру и стал ведущим представителем ведической мудрости в русле гаудия-вайшнавизма. В 1995 году Махараджа начал работу над многосерийным сериалом «Абхай Чаран», рассказывающим о жизни и учении Шрилы Прабхупады. В 1996 году, в год столетия Шрилы Прабхупады, он завершил перевод книг Шрилы Прабхупады на бенгальский язык и организовал показ сериала «Абхай Чаран» на индийском телевидении, собравшем многомиллионную аудиторию.

В 2005 году Махарадж начал работу по созданию центра в Уджджайне, Индия, и всего за 10 месяцев завершил строительство храма, в котором находятся прекрасные Божества Шри Шри Радха-Мадана-Мохана, Кришна-Баларама и Гаура-Нитай. Махарадж также основал храмы в Панихати, северная Калькутта, и Кути, Бангладеш и фермерскую общину в Деланде, штат Флорида, США.

Во время пандемии COVID-19 во Флориде Бхакти Чару Свами сдал положительный анализ на COVID-19 и через несколько дней умер 4 июля 2020 года в возрасте 74 лет. Его самадхи находится в Маяпуре.

Глоссарий

А

Ачарья — духовный учитель, который учит собственным примером и устанавливает надлежащий религиозный пример для всех людей.

Арати — церемония, во время которой поклоняются форме Господа или Его чистому преданному, предлагая благоговения, цветы, лампу с горящим маслом, пропитанные *ghi* фитили и другие священные предметы.

Ашрам — один из четырёх духовных укладов жизни — *брахмачари-ашрам*, или студенческая жизнь; *грихаста-ашрам*, или супружеская жизнь; *ванапрастха-ашрам*, или пенсионная жизнь; и *санньяса-ашрам*, или отречённый образ жизни; место, где преданные живут и занимаются духовными практиками.

Аштанга-йога — восьми-ступенчатая система мистической йоги, предложенная Патанджали, предназначена для осознания присутствия Параматмы, Господа в сердце.

Аюрведа — медицинская практика, раздел Вед, излагающий науку медицины, переданную Господом Дханвантари, воплощение Верховного Господа как врача.

Б

Бхагавад-гита — запись беседы между Господом Кришной и Его другом и учеником Арджуной, в которой Кришна учит его науке об Абсолютной Истине и о важности преданного служения. Этот пятитысячелетний санскритский труд содержит в себе суть всей ведической мудрости.

Брахмачари — ученик, соблюдающий обет безбрачия и находящийся под опекой духовного учителя.

Брахма-джьоти — сияние, исходящее от трансцендентного тела Верховного Господа Кришны. Оно представляет собой яркое сияние в духовном небе.

Бра́хман — представитель интеллектуального класса жрецов в ведической культуре. Бра́хман должен быть мудрым в ведическом знании, устоявшимся в благости и знающим Абсолютную Истину.

В

Вайшья — представитель торгового или сельскохозяйственного класса в ведической социальной системе.

Варнашрама — система четырёх социальных и четырёх духовных порядков, установленная в Ведических писаниях.

Веданта-сутра — заключительное изложение Шрилой Вьясадевой ведической философии, знания, записанные в афоризмах.

Веды — четыре изначальных ведических писания — Риг-, Сама-, Атхарва- и Яджур-веда — и 108 упанишад.

Вьяса-пуджа — поклонение истинному духовному учителю в день его явления как представителя Вьясадевы.

Вьясасана — трон Вьясы, на котором восседает представитель Вьясадевы.

Г

Ганга-джала — вода Ганги.

Гопи — девушки-пастушки Вриндавана, которые любят Кришну безоговорочно.

Д

Дал — острый фасолевый суп.

Дхоти — длинная хлопчатобумажная ткань, традиционно используемая индийскими мужчинами, которая покрывает нижнюю половину тела.

Дикша — духовное посвящение.

Джанмаштами — день явления Господа Кришны.

Джапа — тихое повторение святых имён Кришны в качестве личной медитации, использованием чётков из 108 бусин.

Йога-сутра — книга Патанджали по *аштанга-йоге*.

К

Качори — жареная во фритюре закуска с начинкой из острой бобовой пасты.

Караталы — ручные цимбалы.

Кшатрия — третий из четырёх порядков системы *варнашрамы*. Воин, который склонен сражаться и вести за собой других. Административная или военная должность по системе, состоящей из четырёх социальных и духовных классов.

Курта — рубашка.

Л

Лакх — 100.000.

М

Мангала-арати — ежедневная предрассветная церемония поклонения Божеству.

Матх — храм-ашрам

Мокша — освобождение от цикла рождений и смертей.

Н

Наиштхика-брахмачари — монах, всю жизнь соблюдавший целомудрие.

П

Бхагавад-прасадам — пища, приготовленная для удовольствия Кришны и предложенная Ему с любовью и преданностью. Также известна просто как *прасад*.

Пакора — овощная оладья.

Парикрама — обход вокруг.

Пурис — жареный во фритюре пузырчатый хлеб.

С

Сабджи — овощное блюдо.

Садху — святой, сознательный преданный Кришны, или вайшнав.

Самос — запечённое или жареное во фритюре изделие со сладкой или солёной начинкой.

Санньяса — отречённый образ жизни, четвертая стадия ведической духовной жизни, стадия, на которой человек свободен от семейных отношений и всей своей деятельности, и полностью предан Кришне.

Т

Тхали — металлическая тарелка с низким бортиком.

У

Упма — овощной пудинг с манной крупой.

Ч

Чайтанья-чаритамрита — выдающаяся биография Господа Чайтаньи Махапрабху.

Чакра — один из шести центров жизненной энергии, расположенных в теле.

Чapati — лепёшка из цельнозерновой муки.

Ш

Шива — полубог, который наблюдает за *гуной* невежества и берёт на себя ответственность за уничтожение вселенной в момент завершения её срока.

Шримад-Бхагаватам — главная из восемнадцати Пуран, книг древней Ведической мудрости. Она содержит полную науку о Боге, бхакти-йоге и устанавливает верховное положение Господа Кришны.

Шудра — представитель четвёртого социального класса, класса рабочих, в традиционной ведической социальной системе.

Я

Ягья — ведическое жертвоприношение.

Руководство по произношению санскрита

Система транслитерации, используемая в этой книге, соответствует системе, которую учёные приняли для указания произношения каждого звука в санскрите.

Гласные произносятся следующим образом:

а	— как в слове «пар»	ṛ	— вдвое более долгий
ā	— вдвое более долгий	е (э)	— как в слове «это»
и	— как в слове «пир»	аи	— как в слове «май»
ī	— вдвое более долгий	о	— как в слове «дом»
у	— как в слове «гул»	ау	— как в слове «ауди- дитория»
ū	— вдвое более долгий		
р	— слогаобразующее		
	р как в слове «бодрствуй»		

В большинстве индийских школ санскрита **р**, **ṛ**, **д** принято читать как **ри**, **рй**, **лри** соответственно.

Согласные произносятся следующим образом:

Заднеязычные

(произносятся горлом)

к	— как в слове «кит»
г	— как в слове «гиря»
ṅ	— как в слове «Конго»

Зубные

(произносятся как церебральные, но с кончиком языка, прижатым к основанию зубов)

т	— как в слове «тир»
д	— как в слове «дом»
н	— как в слове «ночь»

Губные

п	— как в слове «пир»
б	— как в слове «бор»
м	— как в слове «мама»

Палатальные

(произносятся с прижатием средней части языка к небу)

ч	— как в слове «речь»
дж	— как в слове «Джон»
ṅ	— как в слове «конь»

Церебральные (т, тх, д, дх, н) произносятся с кончиком языка, нижней стороной прижатым к переднему небу. По звучанию напоминают соответствующие английские альвеолярные звуки.

Придыхательные (кх, гх, чх, джх, тх, дх, тх, дх, пх, бх) отличаются от соответствующих непридыхательных тем, что основной элемент сопровождается слабым призвуком типа английского **h**, звонкого или глухого в зависимости от основного элемента.

Полугласные

й — как в слове «иена»
р — церебральное **р**
л — зубное английское **l**
в — как русское **в**,
а после согласной
как английское **w**

Шумные

ш — как в слове
«общность»
ш — русское **ш**
с — русское **с**

Висарга

х — глухой звук, в конце строфы произносится с призвуком предшествующего гласного: **ах** произносится как **аха**; **их** — как **ихи**

Анусвāра

м̐ — носовой призвук после гласной, как во французском **bon**

Гортанная

х — как звонкое английское **h**

В санскрите не существует фиксированного тонического ударения. В стихотворных текстах ударными считаются слоги, стоящие в сильных местах стихотворных стоп. В словах слоги различаются по долготе. Долгими являются слоги с долгими гласными (**ā**, **ai**, **au**, **e**, **ī**, **o**, **ō**, **ū**) или слоги с краткими гласными, стоящими за более чем одной согласной (включая **х** и **м̐**).